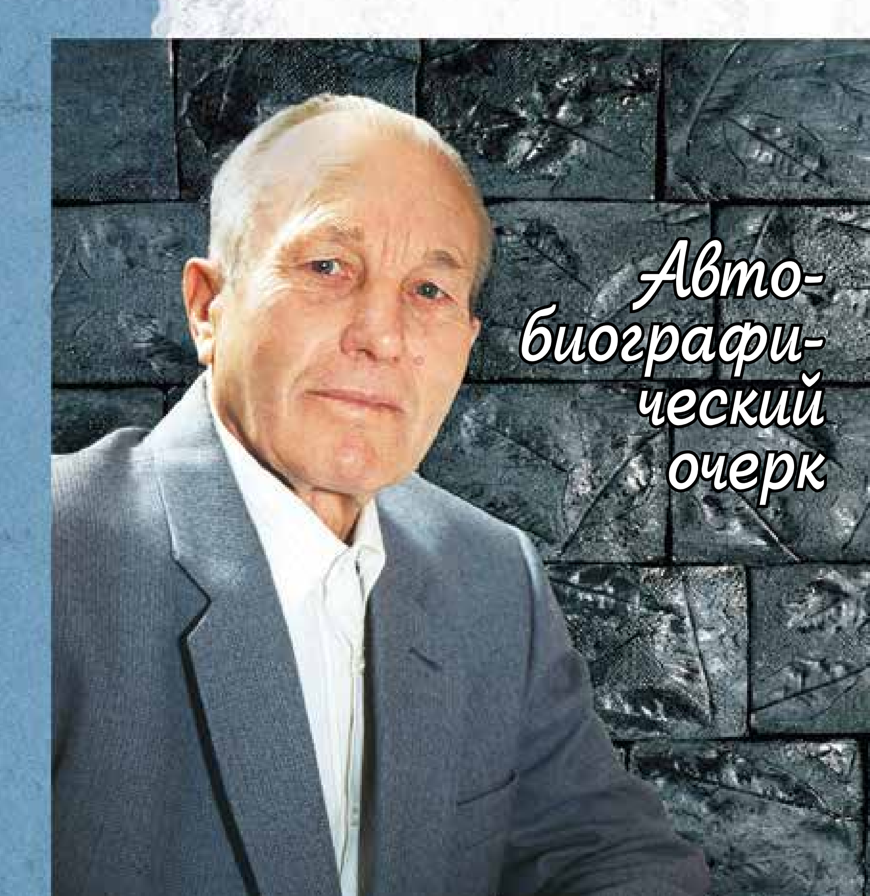
Н. Е. Бойко

Верю в бессмертие

Н. Е. Бойко

Верю в бессмертие

Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ

2006 г

Н. Е. Бойко
ВЕРЮ В БЕССМЕРТИЕ
Автобиографический очерк

2006 Отпечатано в типографии
издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

НИКОЛАЙ ЕРОФЕЕВИЧ
БОЙКО

Народу Господнему нашего братства имя Николая Ерофеевича Бойко стало широко известно с 1968 года, когда его фамилия появилась в списках узников, осужденных за веру в Иисуса Христа.

С первого дня обращения к Господу он с радостью исповедовал имя Иисуса Христа всем людям, за что неоднократно лишался свободы.

Одному Богу известно, сколько издевательств претерпел Николай Ерофеевич в неволе. Его лишали свиданий, не отдавали писем и в буквальном смысле уничтожали, сажая в камеру-холодильник с воспалением легких.

Но по неизреченной Своей милости Господь сберегал жизнь Своему слуге. Он оставался непреклонным и не шел на сотрудничество с гонителями.

Живым отпускать Николая Ерофеевича на свободу гонители не намеревались, а дорогой брат с помощью Божьей выжил, остался верным в огне невероятных испытаний и по молитвам народа Господнего в 1988 году был дарован независимому братству.

15 лет свободы Николай Ерофеевич провел в ревностном служении: сколько было сил — нёс пресвитерское служение, был членом межобластного совета и ответственным служителем по делу домостроительства в Одесском объединении МСЦ ЕХБ.

Его глубоко почтенный 82-летний возраст — яркое доказательство того, что жребий наш всецело находится в руках Господа и вовсе не условия существования определяют длительность жизни, а лишь Божья воля. Несмотря на суровый путь, он достиг рубежа большей крепости и отошел к Господу как и насыщенные днями патриархи. Земная брань его закончилась победно.

Глава I

Родился я в небольшом селе Прибужаны (3 км от города Вознесенска) Николаевской области. Фактическую дату моего рождения мама не помнила. Уточнить не удалось, так как в гражданскую войну архив был сожжен. Позже выяснилось, что я родился в один день с далекой родственницей, а это значит: 26 февраля 1923 года, но в моих документах дата рождения значится: 9 января 1922 года, потому что я ее назвал произвольно, когда хотел поступить в техникум.

Детство мое было трудное. В 1933 году на Украине свирепствовал голод. Четверо детей в нашей семье умерли младенцами. Живыми остались я, две сестры и брат.

Родители мои считали себя православными, но в Бога не верили. Не помню, чтобы они говорили нам о Боге или учили молиться. Мне сказали, что Бога нет и я в это поверил. О верующих не слыхал, никогда с ними не встречался и, можно сказать, не интересовался.

Первые три года в школе я учился средне, а с 5 по 7 класс вышел в отличники. Меня избрали старостой. Затем я вступил в комсомол и стал секретарем комсомольской организации. В мои обязанности входило: собирать взносы, проводить тематические беседы, планировать различные мероприятия, посещать церковь: нет ли среди молящихся комсомольцев.

Окончив школу, я очень хотел поступить в Херсонский морской техникум на штурмана дальнего плавания. Конкурс был большой, к тому же обучение – платное, а в семье денег не было почти никаких. Пришлось со своей мечтой расстаться. Окончил я простое техучилище и работал в керамическом цехе.

Родители мои с утра до ночи изнемогали на колхозных полях. Изо всех сил я старался и много помогал им по хозяйству. Иногда даже заменял маму на кухне: что-то простенькое варил для семьи.

8 июня 1941 года Вознесенский райвоенкомат призвал меня

в армию. 11 июня я прибыл в артиллерийскую часть, которая дислоцировалась в городе Лида, недалеко от польского города Белосток. На усадьбе богатого помещика располагалась полковая школа, где я проучился всего 10 дней.

Н. Бойко. 1941 г.

В субботу вечером, 21 июня, ни о чем не тревожась, мы смотрели кино, а ранним воскресным утром нас разбудила автоматная очередь выстрелов и взрывы бомб, бросаемых немцами с самолетов...

На улице не стихал истерический крик. Некоторые солдаты выскочили на поляну, где мы маршировали в предыдущие дни и попали под ожесточенный обстрел: кого убило, кого ранило... Выбежал на улицу и я. Немцы с самолетов бросали зажигательные фосфорные бомбы и безостановочно стреляли, подкашивая солдат. Я метался вокруг большого дерева, уворачиваясь от пуль.

Из офицерского состава живым остался только дежурный майор, он был с нами в полковой школе. Остальных офицеров (они жили в поселке) за ночь перерезали.

Воинские части отступали, а уцелевшие солдаты оставались в школе. На третий день майору удалось связаться с начальством, и нас ночью вывели из городка. В дорогу выдали несколько пачек пшенного концентрата и предупредили, чтобы ни в коем случае ни в один дом не заходили и не просили ни пить, ни есть, так как озлобленные местные жители убивали русских солдат.

Съестные запасы быстро кончились. Мы шли голодными. На пути встречались убитые, но я по совести не мог брать у них уцелевший паек, а заходить к жителям боялся.

Впереди нас шли на прорыв солдаты с оружием, они отстреливались, а за ними проскакивали мы. Десять дней я шел пешком без сна и без еды. Научился спать на ходу. Не дойдя до Минска километров шесть, я зашел в крайний домик какого-то села.

«Сынок! Тут полно немцев!» – в ужасе всплеснула руками хозяйка.

«Нет ли у вас одежды переодеться?» – попросил я.

Она дала какие-то брюки и рубашку и посоветовала идти через село, потому что кругом – топкие болота.

Село длинное. Улица широкая. Насвистывая какую-то песенку, я шел вприпрыжку, делая вид, что местный.

Солнце поднялось уже высоко, когда я прошел пол-села. Вдруг сзади слышу: «Halt!» Я понял, что окрикнули меня, но не подал виду.

– Russ, halt! – крикнули еще громче и настойчивей.

Я оглянулся.

– Kommen, kommen! – сказал немец и жестом руки потребовал подойти к нему.

Я подошел.

– Soldat?

– Нет,– обманул я.

Он моментально снял с меня кепку, а я – острижен...

– Soldat, soldat! – и привел меня к небольшому домику. Приказал сесть.

Как только я сел, сразу уснул. Проснулся лишь вечером и то от сильного удара. Видно, меня долго били, я чувствовал удары, а пробудиться не мог. Немец указал мне на колонну пленных. В ней стояли и гражданские, и военные, среди которых было много из командного состава и рядовых солдат.

Нас гнали до Бреста через Барановичи, Слоним, Волковыск. В городе немного задержали и поездом отправили в Германию. Прибыв в город Кюстрин, нас построили в шеренги по 5 человек и присвоили каждому пленному номерной знак.

– Коммунисты есть? – спрашивали через переводчика.

Молчание.

– Комиссары? Командиры?

Никто не вышел.

– Комсомольцы есть?

Я за это время настолько истощал и утомился, что не хотел жить. Думал: пусть лучше расстреляют, и поднял руку. За мной еще несколько человек робко подняли руку и мы вышли вперед.

Немцы пошли по рядам изможденных пленных, тщательно всматриваясь в лица и без труда вывели еще 85 человек! По лицу не трудно определить кто есть кто.

Затем переправили нас в концентрационный лагерь «Sachsenhausen» (недалеко от г. Ораниенбурга). Туда сгоняли всех командиров, коммунистов. Кормили брюквой, турнепсом. Выдавали

300 г хлеба на день. Выпекали его, примешивая свеклу и опилки.

На работу выводили разгружать баржи со стройматериалами: носили цемент в мешках, кирпичи перебрасывали на берег, по цепочке передавая друг другу. Одеты мы были в старые зеленые шинели и гимнастерки, которые носили солдаты еще при царе. Истощенные – кожа и кости, без преувеличения. Шинель висела на нас, как на чучелах. В них невозможно было двигаться. Мы снимали их и работали в одних гимнастерках. От сырости, холода и голода люди умирали как мухи. Видеть умирающих от голода – не приведи Господь, какая это ужасная смерть! Умирали и от побоев.

Жизнь для меня потеряла всякий смысл, но, несмотря на безысходность, в эти тягостные годы я о Боге не думал, потому что меня убедили, что Его нет.

А время шло. Силы мои таяли. В очередной раз мы носили с баржи на берег мешки с цементом. Мне было всего 18 лет, но я был настолько истощен, что мешок цемента по весу был тяжелее меня. Два еще крепких пленных (они только прибыли) положили мне на спину мешок и я, еле переставляя ноги, пошел. Ближе к берегу мешок меня «повел», я зашатался. Чувствую, сейчас упаду, и мешок меня придавит. Как я ни старался удержаться на ногах, все же рухнул. Мешок упал рядом, лопнул, цемент рассыпался. Конвоир, увидев такую картину, подскочил ко мне с автоматом, на конце которого был штык. Он пронзил бы меня насквозь, если бы я, собрав последние силы, не увернулся. Штыком он все же достал меня и проткнул мне ногу выше колена. Сгоряча я побежал. Немец вскинул автомат. Пленные закричали в голос, и он не спустил курок. И только тут я ощутил, что по ноге стекает кровь... Оторвав со спинки гимнастерки полосу, я перевязал рану и занес, конечно, инфекцию. Пошло заражение.

В концлагере не было ни врачей, ни санитаров и никаких медикаментов. Рана не заживала. Я не мог уже выходить на работу. Понимал, что жизнь моя приближается к концу... Но я же такой молодой!.. – жалел я сам себя. Для чего вообще человек живет? Есть ли смысл жить? Эти и многие другие вопросы вставали в моей душе, томили, но ответа на них я не находил.

«Лучше уйти из жизни, чем так мучиться!» – толкала на самоубийство назойливая мысль. А сердце бунтовало: «Зачем умирать так рано? Клоп и тот живет 300 лет! Неужели человек – такое разумное существо и должен так безумно кончать жизнь?!» Внутри

меня нарастала борьба и тревожил какой-то, еще до конца не осознанный, поиск смысла жизни.

Зима 1941–1942 гг. в Германии выпала холодная. Лагерь наш скрывался в лесной глуши. Мы находились в постоянном оцеплении конвоя. В бараке – промозглый холод, топить нечем. Начальник концлагеря выгнал всех инвалидов собирать в лесу щепки, хворост.

Я еле передвигался с палочкой, но и меня заставили собирать. Те, кто был здоровьем покрепче, заносили охапки хвороста в барак к топкам печей. Сдвигая в кучи палкой сухие ветки, я изредка нагибался, чтобы поднять ветку покрупнее, и так потихоньку шел. И вдруг под кустом мелькнула какая-то грязная бумажка. Я склонился и поднял сложенный в несколько раз листок. На всякий случай решил его развернуть и, если пустой, бросить. Осторожно, чтобы не разорвать мокрый листок, развернул – что-то написано, причем по-русски! Оглянулся: не видит ли кто? И стал читать: молитва «Отче наш»! От темени головы до подошвы ног, по всему телу пробежала необъяснимо радостная дрожь. Читал, поглощая буквально каждое слово. Эта молитва меня сразила. Я заплакал. Значит, у обреченных, таких как я, людей, есть на небесах Отец! От этой мысли я ощутил внутреннюю силу, какой раньше не знал. Неведомое мне чувство радости заливало мою исстрадавшуюся душу. До сих пор я не нахожу слов, чтобы передать то блаженство духа, которое я ощутил в тот момент, когда держал этот невзрачный листок с бесценными словами! Есть Бог! – ликовало мое сердце! Есть Бог! Это был поворотный момент в моей жизни. Я не мог назвать случайностью бесценную находку!

Если бы я нашел эту молитву на немецком языке – что удивительного в этом? – Германия. Но найти молитву на русском языке здесь, в глубоком немецком тылу,– это же чудо! Ясно, что только русский пленный мог привезти ее на эту землю скорби. И, кто знает, не умирая ли, несчастный выпустил ее из рук?! Пути Господни неисповедимы!

Бережно сложив влажный листок, я спрятал его в кармане гимнастерки. Придя в барак, первым делом выучил эту молитву наизусть: листок могут отнять, а из памяти – кто похитит? И не только выучил, но утром и вечером молился этой Божьей молитвой. Это было мое первое осознанное обращение к Богу. Я даже боялся забыть помолиться. Повторяя слова этой необыкновенной молитвы, я чувствовал, как нежно Господь касается моего сердца.

Несколько дней я старательно, без ошибки повторял ставшие мне дорогими слова, а потом стал вдумываться в их смысл. Какая-то сила исходила из каждого слова!

«Отче наш...» – значит я больше – не сирота, всеми забытый!

«Сущий на небесах...» – вот, где живет мой Бог! Почему я раньше об этом не знал? Растроганный до глубины души я решил, что имею право открыть Богу свою нужду. «Господи! Если Ты есть, то спаси меня,– вырвался стон из моей души. – Если Ты есть, помоги мне, Ты видишь мое состояние: еще немного и жизнь моя оборвется...»

Не зная ничего ни об учении Христа, ни о том, что Бог отвечает на молитвы, я все же ожидал, что в моей жизни что-то изменится. Судя по обстановке в лагере, глядя на ежедневно умирающих заключенных, немыслимо было ожидать медицинской помощи, но прошло совсем немного времени, как вдруг переводчик, войдя в барак, объявил: «Всем инвалидам, калекам и больным – на прием к врачу!»

Сердце мое радостно и уверенно затрепетало: «Это Бог ответил на мою молитву!»

Выстроился весь горемычный народ и по очереди входил к врачу. Из всех больных врач назначил на операцию четверых, в том числе и меня. Дня через три нас погрузили в прицеп трактора и повезли под конвоем в госпиталь. Хирург обработал мою рану, наложил повязку и приказал: «Не развязывай». Я послушно ходил с этой повязкой, пока она не стерлась.

Молитву «Отче наш» я не забывал, и заметил, что после молитвы мне становилось стыдно ругаться, курить – совесть судила. Бросил я курить, старался не ругаться – и совесть успокоилась. Позже я понял, что это Дух Святой обличал меня за плохие поступки.

Через несколько месяцев после операции приехал в лагерь бауэр (фермер) и у начальника попросил пленных для уборки картофеля. «У меня одни инвалиды, кто пойдет, забирай...»

Пленные, конечно и я, радостно засуетились в надежде, что на поле удастся поесть картофель. Две недели нас возили на уборку. Для меня в тот год сырой картофель казался вкуснее, чем жареный – до такой степени я был истощен. Во время работы мы вытирали сырые клубни полой шинели или рукавом рубашки – и ели. К обеду хозяин специально для нас варил картофель «в мундирах»,– какое это было неслыханное лакомство! Пленные заметно окрепли, но увы! уборка закончилась...

Поскольку я оставался нетрудоспособным, меня и еще нескольких пленных отправили в концлагерь «Сименсштадт». В этом тоже сказалась милость Божья, и, конечно, ответ на мои молитвы.

Здесь нас, беспомощных и истощенных инвалидов, гоняли три километра пешком на завод. Можешь не можешь, но ты должен строить щитовые деревянные бараки. Хозяин завода, фабрикант, был заинтересован, чтобы худо-бедно, но рабочие давали продукцию, поэтому нас кормили чуть лучше. На завод привозили обед. Никто меня не наставлял, но сердце побуждало просить благословение на пищу. Я в присутствии всех склонялся на колени, молился, а потом ел. После еды – благодарил Бога за пищу.

Немец, привозивший обед, заметил, что я молюсь и принес мне словарь, чтобы как-то объясниться. (Но я еще со школьной скамьи знал немного немецкий язык. В лагере иногда попадались немецкие газеты и я занимался самообразованием. Постепенно освоился и знал, что происходит на фронте, рассказывал об этом товарищам по несчастью.)

«Ты веришь в Бога?» – удивился немец.

«Да»,– ответил я односложно, потому что с ними любой контакт был запрещен. Чуть позже он принес мне на русском языке религиозную книгу какого-то католика. В ней говорилось о Христе, но, как я позже понял, настолько искаженно, явные небылицы, которые я по неведению принял за чистую монету,– другого-то, истинного, я ничего не знал.

Долгое время нас продержали на строительстве бараков. Строили так: сначала подготавливали площадку, затем забивали сваи. На сваи клали балки, а на них уже собирали щиты.

Начальник разговаривал с рабочими по-немецки, но никто его не понимал. Пленные смотрели на него с недоумением, не зная что делать, а он бил их прикладом.

«Николай, чего он хочет от нас, переведи. За что он нас бьет?» – попросили ребята.

Я возьми, да скажи: «Берите лопаты, подгоняйте вагонетки и расчищайте площадку для строительства».

Ребята довольные принялись за дело. От начальника это не ускользнуло.

«Ты понимаешь по-немецки?!»

«Немного».

«Пойдем, будешь у меня переводчиком».

С тех пор я переводил все распоряжения начальника и работал с ребятами наравне.

А тут сбежал лагерный переводчик (он был родом из Москвы). Начальник лагеря приказал мне быть переводчиком. И я переводил: на работе, в лагере и в больнице. Больные приходили к врачу, а он не понимал, на что они жалуются.

●

В 1943 году в лагере появился человек в немецкой военной форме, но говорил чисто по-русски, чему мы немало удивились и даже насторожились.

«Объяви по лагерю, чтобы все пришли на место сбора, сейчас будет собрание».

Я объявил.

Оказалось, это был русский офицер, власовец. Он вербовал пленных на фронт. «Кто желает идти во Власовскую армию, подавайте заявления»,– предложил он и пообещал временами наведываться в наш барак.

Кое-кто уже подал заявление. Я стал их отговаривать. (В то время в моем понимании уже четко сформировалось убеждение: если ругаться – грех перед Богом, то тем более убивать.) «Вы что? Это ж убивать своих, брат брата?!»

Пленные от безысходности готовы были на все, лишь бы вырваться отсюда.

«Я выйду, немного окрепну и непременно убегу к своим...»

«Оттуда убежать труднее, чем отсюда»,– отговаривал я других и сам не хотел показываться на глаза власовцу. Как только он появлялся в бараке, я уходил в самый дальний угол и прятался. Меня искали, кричали: «Куда девался переводчик?» Я не отзывался. Несколько раз меня не находили и мне сходило это с рук. Однажды все-таки меня разыскали в моем укрытии и привели в кабинет начальника.

– Ты почему прячешься?

– Не хочу вербоваться в эту армию,– откровенно признался я.

– Так ты что? Большевик? Коммунист? – И началось! Хотя я был и переводчиком, но меня крепко избили.

– Завтра выходишь на работу, большевик! – приказал начальник.

Пришел я в барак, стал рассуждать: ходить я могу, нога мало-

помалу зажила. Выйду на работу, и они меня в дороге пристрелят, как коммуниста. Я стал усиленно молиться Богу. Не один раз я видел, как чудно Он меня защищает, но смерти все равно боялся... Молился я почти всю ночь: Господи, сохрани меня.

Утром вместе с бригадой я стоял на вахте. Там меня встретил шеф кухни: «Ты куда?» Я объяснил, что произошло. Он попросил бригадира не выводить рабочих за вахту, а сам побежал в штаб.

«У меня нет переводчика на кухне! Я уже замучился: говорю взять одни продукты, приносят другие. Пусть Бойко поможет мне...» и выхлопотал меня.

На кухне я окреп физически, и меня потянуло на родину. Из газет я знал, что наша армия подошла уже к Одеру. А тут еще паренек из Ленинграда меня утвердил в намерении бежать: «Знаешь, как только наши перейдут Одер, немцы или нас расстреляют, или к американцам отправят. Лучше уйти...»

Стараясь не вызвать подозрений, мы осторожно готовились к побегу и в один вечер сбежали... В нас стреляли, но мы были достаточно далеко, пули нас не настигли. Бежали всю ночь. Днем шли осторожно, так как на нас – пленная одежда. Но когда увидели, что немцы сами в панике разбегались кто куда, не обращая на нас никакого внимания, пошли смелее. Перешли линию фронта! Увидели своих, русских!

Встретившись со своими солдатами, объяснили, откуда мы. Да и глядя на нашу одежду, нас не трудно было понять. Солдаты отправили нас в тыл к командиру. Там меня определили в артиллерийский полк и я пошел с нашими войсками на Берлин.

Удивительно, но я встретился с пленными того лагеря, откуда я бежал. «Ты живой?! Не может быть! Мы видели ваши трупы!» Оказывается, лагерное начальство, чтобы устрашить оставшихся пленных, притащили к лагерю два трупа. «Кто будет бежать, тех ожидает такая же участь!» – пригрозили они.

В этот раз я отчетливо понял, что Господь слышал мои молитвы и отвечал на них. После этого я стал смотреть на жизнь совершенно иначе.

●

Кончились ужасные годы войны. Все солдаты мечтали об одном: поскорее вернуться на родину, к семье, к родным и близким! В основ-

ном все уезжали, лишь некоторых еще задерживали в Германии.

В декабре 1945 года военное командование совершенно неожиданно сообщило, что на меня, как на изменника родины, заведено уголовное дело.

Капитан, ведущий следствие, в материалах дела писал: «Бойко с оружием в руках добровольно сдался в плен...»

«Извините! – возразил я. – Как вы, офицер, можете писать такую ложь?! Я попал в плен, не пройдя даже курс молодого бойца. Присяги не принимал – мне не имели права выдавать оружие! К тому же, перед началом войны даже принявшим присягу давали винтовку одну на троих!»

«Ты был комсомольцем и должен был найти оружие, застрелиться, но не сдаваться живым в плен!» – заявил офицер.

«Это другое дело! Но зачем писать: "с оружием добровольно сдался в плен"?..»

Объяснять было совершенно бесполезно. Суд вынес приговор: «15 лет каторжных работ, 5 лет ссылки и 5 лет поражения в правах».

Отбывать срок наказания меня отправили в Воркуту.

Милосердный Господь! Как бы я все это пережил, если бы не встретился с Ним, если бы не научился молиться Ему! Не было дня, чтобы я не взывал к Нему. Я был убежден, что Бог есть! Что Он слышит мои молитвы и знает, как несправедливо меня осудили. Сознание того, что Божья рука ведет меня по неведомому пути, утешало меня, потому ни разочарования, ни сожаления у меня не было.

Глава II

Этап прибыл в Воркуту... начались мои скитания по тюрьмам. Как я жаждал встретить среди заключенных верующих и услышать что-нибудь о Боге. Во мне крепла вера в живого Бога, потому что Он отвечал на мои молитвы. Правда, вначале от удивления и смущения я думал: а вдруг это совпадение? Еще и еще раз перепроверял и приходил к твердому убеждению, что это были чудные действия Божьей руки.

Сейчас мне понятно, что в то время я фактически не знал Бога, как должно, а только верил, что Он есть. Сколько я потом встречал людей, которые не отрицали бытие Бога, но в них не было живой веры, которая принесла бы им уверенность в спасении. Они не имели жизни вечной, а это свидетельствовало о том, что они в действительности не сознают своей греховности, потому и не познали спасающей десницы Божьей.

В лагерях я работал монтажником, ремонтировал горное оборудование, неплохо разбирался в сантехнике, поэтому меня перебрасывали из зоны в зону.

В одном из лагерей, проходя мимо сидящего заключенного, я заметил, что он читает маленькую книжечку, и не удержался, спросил. Заключенный, надеясь, что она мне будет неинтересна, объяснил: «Это книга о Боге. Мне дал ее на время священник...» Я не отошел от него, пока не выпросил ее, хотя на несколько часов. Николай Иванович Солощенко – так звали этого верующего – уступил моей настойчивой просьбе. И вот я впервые в жизни держу святую Книгу! Понять мою радость нетрудно. Изголодавшейся душой я, как губка, впитывал святые слова, находя наконец ответы на смущавшие меня вопросы. Со святых страниц вливалась в мою душу небесная радость: Бог заговорил со мной. А потом я затрепетал: я не только почувствовал себя грешником, но понял, что я – погибший грешник. Как такой святой Бог может терпеть меня и отвечать на мои молитвы? – сокрушалось мое сердце. То радость, то горькая печаль заливали мою душу. Я то плакал, то ликовал. И тут вдруг меня отправляют в другой лагерь,– я должен расстаться с драгоценной Книгой, только бегло прочитав ее.

Никогда в жизни я не забывал того огня жажды слышать и читать святое Слово, какой охватил все мое существо. Он жег мое сердце, и я настойчиво разыскивал верующих в каждом лагере, постоянно прислушивался к каждому серьезному разговору заключенных.

И тут меня озарила счастливая мысль: напишу-ка я письмо сестре: пусть она за любые деньги купит и вышлет мне Евангелие! А в лагере в те годы запрещалось иметь не только религиозную, но и даже художественную литературу. Учитывая это, я попросил сестру, если купит, то сообщить мне заранее. Работая с вольными, я надеялся, что заручусь их адресом и сестра на их имя вышлет драгоценный подарок.

Томительно тянулось время. В лагерь прибыл новый этап: нет ли среди них верующих? – присматривался я к печальным новичкам. Мое внимание привлек спокойный молодой паренек, Степа Войтке. Подростком он попал в детскую колонию, дожил там до совершеннолетия, а срок не закончился и его перевели в общий лагерь. Он, как оказалось,– из меннонитской семьи, немец. Мы сдружились и часто проводили свободное время вместе. Он рассказывал о жизни верующих – мне было весьма интересно. Говорил, что у них на богослужениях дети поют и рассказывают стихотворения – этого я никак не мог вместить: разве могут дети участвовать в служении?

Наконец я получил от сестры письмо: «Николай, то, что ты просил, я нашла и выслала в лагерь...» Можете себе представить, что творилось в моей душе?! Священное Писание выслано туда, где его категорически запрещено иметь! Я потерял покой: каждый день ходил смотрел списки на получение посылок. Дождался: пришла! Моя фамилия значилась в списке!

«Степа! Что будем делать? Книга пришла!»

Было ясно, что без Божьего вмешательства нам не отдадут Божественную книгу.

Когда я впервые бегло прочел Евангелие, то заметил, что пост – это сила, подкрепляющая молитву. «Знаешь что, Степа: давай будем поститься. Господь сохранил мне жизнь в плену и вывел из такой страшной бездны, разве Он не поможет сейчас, чтобы отдали Евангелие?! Бог знает, как я жажду читать Его Книгу – не может быть, чтобы Бог не дал мне ее!» – с твердой верой и упованием на Божье всемогущество мы назначили трехдневный пост, и только на третий день я пошел в каптерку.

Обычно при выдаче посылок присутствовал начальник оперативной части, военный врач, каптер вольный и каптер из заключенных (он исполнял черную работу: вскрывал посылку), а остальные тщательно проверяли содержимое.

– Откуда ожидаешь посылку?

– Из Вознесенска.

Каптер тем временем распорол матерчатую обшивку посылки, вынул гвозди из крышки ящика и поднял ее. Я взглянул, и сердце мое учащенно забилось: о, Боже! Сверху, ничем не прикрытая, немалого размера, в черном кожаном переплете, с золотым крестом на обложке красовалась Библия! Мысленно я возопил

к Богу: «Помилуй меня, Боже! Сохрани для меня Твою Книгу!»

Начальник резким движением взял Книгу и стал небрежно листать. Я молился, не сводя глаз с оперуполномоченного. Пролистал до конца и вернулся к первой странице.

– Библия?! – громко и удивленно прочел он и пренебрежительно взглянул на меня.

– Ты что, попом хочешь стать?

– Каждому, кто читает Библию, не обязательно становиться попом,– ответил я и продолжал молиться.

Начальник захлопнул Библию и бросил на стол. Военный врач тем временем доложил: «Запретного нет!» и вопросительно посмотрел на меня: «Во что положить продукты?» И только тут я опомнился, что забыл взять наволочку с подушки. Заключенные обычно ходили за посылкой, используя наволочку вместо сумки.

«Я забыл, ничего не взял»,– виновато оправдывался я.

Каптер быстро нашелся: протянул мне обшивку с посылки. Растянув, я подставил ее, и каптер ловким движением сгреб со стола разбросанные продукты и вместе с ними – Книгу!

«Спасибо!» – скороговоркой выпалил я и, закрыв одни, вторые двери, побежал! Бежал так, что за мной не угнались бы и лошади! Земли под собой не чувствовал! Вдруг, думаю, опомнятся – тогда все кончено! Но за мной никто не гнался.

Позже, вспоминая эти события, я понял: у Господа есть сила помрачать умы злых людей так, что они не в состоянии выполнить коварные умыслы.

Я вбежал в барак. Степа еще стоял на коленях и молился Богу – как дорого было для меня видеть усердие и жажду этого молодого человека иметь Слово Божье!

«Степа! У нас! – в восторге поднимая торбу, воскликнул я. – Нужно срочно спрятать!»

Оставить в нашем бараке мы не решились. Нашли потаенное место в другом бараке. Дня три мы не вынимали Библию из тайника: вдруг заметят! Позже лагерное начальство устраивало бессчетно раз тщательные обыски, чтобы найти эту драгоценную Книгу, которую я получил, можно сказать, через самих сотрудников надзора!

Убедившись, что за нами никто не наблюдает, с трепетом мы взяли ее, спрятались в высоком бурьяне, стали читать. Открыл я первую страницу и смутился... Не та Книга?! Я читал другую! И только потом

я понял, что это не Евангелие, а Библия. Читая, я многого не понимал и относил это за счет своей неосведомленности. У меня появлялась жажда все-таки дойти до смысла. Я много об этом молился, плакал и читал страницу за страницей на коленях. А тут еще и обстоятельства Бог выстроил так, что я смог читать Библию и днем, и ночью: без моей просьбы меня перевели в ночную смену инструментальщиком (заправлял инструменты, электроды).

Читал ночами напролет, а днем старался восстановить в памяти прочитанное, но что это? Сколько я ни напрягался, ничего из прочитанного не мог вспомнить. Я заметил провалы в моей памяти еще раньше: знания, приобретенные в школе, словно улетучились. Ни одной формулы, ни одного закона, которые раньше я знал и понимал, я не помнил. Мне объяснили, что это результат голодного пятилетнего пребывания в концлагере.

Как же теперь я запомню прочитанное в Библии?! И я взмолился: «Господи, мне же нужно не только читать, но и применять прочитанное в жизни, а память подводит...» После этой молитвы Господь обратил мое внимание на слова из послания Апостола Павла: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Фил. 2, 13). Думаю: ведь желание запоминать Слово Божье произвел во мне только Бог, значит Он пошлет мне и память! Усиленно молясь при чтении, я заметил, что запоминаю больше, чем раньше – так Бог исполнил желание моего сердца, Им посланное! И все, что я заучил в те годы (это был 1948 г.), хорошо помню до сих пор,– это ли не милость Божья?!

Вскоре меня, как всегда, отправили в другой лагерь, и мы со Степой расстались.

Кому Бог оказал милость побывать за имя Его в неволе, те знают сколько раз в день обыскивают заключенного. Выводят на работу – обыск, возвращаешься в зону – обыск, кто-то пронес недозволенное – обыск, с этапа пришел – обыск. Раньше обыски меня не тяготили – запретного у меня не было, а теперь – со мной Библия, да еще немалого формата! Меня в год 6 раз, а то и больше вызывали на этап, а это 12 обысков, помимо общелагерных. Оставлять Библию – мне в голову не приходила такая мысль,– как я с ней расстанусь?! Другого выхода не было, и я всегда возил ее с собой. Как только объявляли этап, то, уповая на Господа, я пребывал в посте до тех пор, пока не приходил в другой лагерь.

Помню такой момент: заключенный узнал, что меня переводят в другой лагерь, попросил передать фотографию своему дружку. Я не знал, что фотографии в лагере тоже не позволено иметь и положил его фото в блокнот, который сам нарезал из бумаги из-под цементных мешков и сшил.

Этап. Я в посте, чтобы Бог сохранил Библию. Дежурный в этот день был один из вредных: «Высыпай все на пол из карманов и из наволочки!» – приказал он.

Я повиновался. И тут из блокнота выпала фотография. Он подопнул ногой все мои самодельные блокноты и закричал: «Собирай все и – в изолятор!»

«Господи, думаю, куда угодно, лишь бы Библия осталась со мной!»

Сижу в изоляторе. Зовет дежурный: «В наказание иди вымой пол в коридоре». «Хоть два коридора вымою, Библия бы только уцелела»,– думал я.

Чудесами Своими Бог хранил мою Библию – это были для меня незабываемые уроки могущества и силы Божьей. Они укрепляли и утверждали мою веру. Самое главное – пребывать в постоянном общении с Господом, как и наставлял Христос: «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просúте, и будет вам» (Иоан. 15, 7).

Часто солдаты из охраны во время проверки листают Библию и ничего не поймут, а первую страницу, где ясно написано: «Библия», так и не откроют. Были и очень опасные моменты, но я всегда пребывал в посте и мысленно постоянно молился, чтобы Бог сокрыл от жестоких глаз Свою Книгу, ставшую для меня дороже жизни. Господь знал мою нужду и жажду и сохранил мою Библию до дня моего освобождения.

Читая Библию, я не находил в ней тех событий, с какими имел счастье познакомиться в Евангелии, и недоумевал, почему? Не понимал, но усердно читал страницу за страницей. Перелистываю последнюю страницу книги пророка Малахии и – о чудо! Читаю: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа». Следующая страница: «От Матфея святое благовествование». Теперь только мне открылось, что Библия состоит из двух частей! Вот и знакомые мне события! Какой я счастливый! В Новом Завете все для меня было гораздо понятней и доступней. Перечитывая по нескольку раз

одни и те же главы, я получал большую ясность. И не только это.

Встревожилась моя совесть: как так? Ты читаешь святую Книгу, а сам грешишь? И точно: я не хочу скандалить и скандалю, противно ругаться, но ругаюсь,– в чем дело? И вот читаю слова Апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7, 19–20). Вот в чем дело! Я сам с собой не справлюсь, потому что я – грешник. Как же избавиться от греха? – унывал я, перечитывая эти стихи. Но когда прочел в Евангелии, что Христос пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Матф. 9, 13) – свет озарил мою душу: я же тот грешник! Склонившись на колени, я воззвал к Богу: «Господи, Ты видишь, какой я грешник! Я не могу избавиться от пороков (и стал перечислять свои грехи), прошу Тебя, избавь меня от них...» Бог услышал мою молитву! Я познал Христа как своего Спасителя. В этой молитве я сказал Господу также, что хочу посвятить Ему всю свою жизнь. «Господи, если угодно воле Твоей, я отныне – Твой раб. Куда хочешь, туда меня и веди, что повелишь делать, то я буду делать». Я был рад, что получил спасение, полностью освободился от сознательных грехов. Знал, что меня ожидает вечное пребывание с Богом на небе.

Господь возродил мой дух от мертвой жизни, и с тех пор Дух Святой побуждал меня свидетельствовать людям о любви Божьей и о спасении во Христе. Такой чудный мир сердечный подарил мне Господь. И я молился: «Боже мой! Ты открыл мне путь спасения, помоги же мне найти среди заключенных Твоих детей». Помолился, а сам усердно стал говорить людям о Боге. Библию, конечно, я не мог всем давать читать – ее бы отняли и никогда больше не вернули. Ночами я переписывал Евангелие Иоанна и раздавал желающим читать. (Переписал много раз.)

Работал я и с вольными на Воркутинском механическом заводе. Однажды подошло время выезжать, а начальник забыл мою карточку. «Беги скорее разыщи!» – приказал он помощнику. Тот не нашел, а конвой из-за меня одного не может задерживать рабочих. «Все! – кричит,– уходите со своим Бойко! Ворота закрываем!»

Мне приказали вернуться в барак, и сразу пришла мысль: Господь для чего-то меня оставил. Возможно, кому-то нужно засвидетельствовать о Боге. Делать нечего, хожу по зоне, а она большая, кого встречу, с тем завожу разговор о Боге. Прошло полдня, а искренне

интересующихся не встретил. Зашел в свой барак, поднялся на второй ярус нар и продолжал рассуждать: «Господи, ведь у Тебя не бывает случайностей: почему я сегодня здесь?» И вдруг слышу:

– Здесь Обетоцкий? – спросил какой-то молоденький паренек.

– Такого не знаем,– ответили нехотя заключенные, а я этого человека знал, он работал в нашей бригаде монтажников.

– Он сейчас на работе,– пояснил я. Потом слышу, как заключенные, лежащие на нарах у двери, принялись расспрашивать парнишку.

– Сколько ж тебе лет?

– 18 исполнилось, вот и перевели к вам из детской колонии.

Юноша был, скорее, похож на школьника: худой, замученный, печальный.

– За что ж тебя посадили!

– Председателя убил,– подавленно признался мальчишка.

– Туда ему и дорога! – засмеялись преступники. – Мало ему не покажется!

– Вы одобряете убийство?! – включился я в разговор,– а убеждали меня, что вы – верующие?! – пристыдил я их. – В Библии сказано, что убийство большой грех.

Парнишка задумчиво слушал. Я побеседовал немного с ним, сказал, что Обетоцкий придет после смены, и мы разошлись.

На другой день в нашем бараке незнакомый заключенный разыскивал боговерующих и ему указали на меня.

– Ты боговерующий?

– Я.

– Значит тебя вызывает один парень.

Я оделся и вышел. Смотрю, на скамейке сидит и плачет тот паренек, с которым я беседовал вчера.

– Что с тобой?

– После вчерашнего разговора я потерял покой. Ты сказал, что убийцы будут в аду. Простит ли меня Бог, ведь я – убийца?

– Конечно! – успокоил я его. – Бог всякого грешника силен простить, нужно только раскаяться.

И еще многими словами из Писания я утешал искренне сокрушающегося о грехе паренька. Показал ему даже тайник, где я прятал Библию, и предложил ему с осторожностью читать ее. Он читал, но на его лице оставался мрачный отпечаток, он был подавлен. Однажды он все-таки признался, что его постоянно мучают мыс-

ли о самоубийстве, потому что тот человек, на которого он поднял руку, постоянно стоял перед его взором. Я нашел в Евангелии повествование о распятии Иисуса Христа и о том, как разбойник получил прощение грехов, и дал ему прочесть. Он жадными глазами, с бьющимся от волнения сердцем читал драгоценные строки. Я наблюдал за ним, как постепенно лицо его озарялось неведомым ему ранее Божественным светом. Он просиял. Успокоился. В его сердце зажглась надежда на милосердие Божье.

Только после этих встреч и бесед я понял, почему не нашли мою карточку и не выводили меня несколько дней на работу. Да, у Бога случайностей не бывает. Вскоре мы расстались. Его взяли на этап. Библию, как мы договорились, он положил на место.

Глава III

Жизнь заключенных, осужденных на длительные сроки лишения свободы, уныла, монотонна и безрадостна. Оживляется она порой за счет жестоких разборок между невольниками (делят сферы влияния), да этапов: здесь встречают измученных новичков, узнают арестантские новости.

В один из таких безотрадных вечеров я, как обычно, в молитве излил Богу душу и лег отдыхать. Ночью, когда я спал, не знаю кто, мне сказал: «Тебя ожидает еще 10-летний срок заключения, но за Слово Божье». Забыть такое невозможно. Тут же пробудившись, я сердечно помолился: «Как угодно воле Твоей, Боже!» После покаяния я готов был находиться в заключении не только 10 лет нового срока, но и всю жизнь,– только бы проповедовать этим отчаявшимся людям о Христе. Сон этот я заметил для себя и внутренне готовился к новым испытаниям, не окончив первый срок.

Евангелие – какая в нем отрада духу! Я читал и исследовал его – многое было неясно, но кто же мне объяснит? И тогда я прибегал к хорошо испытанному мной средству – посту и молитве (пост я держал всегда трехсуточный, несмотря на тяжелую работу). Через пост и молитву Господь не только укреплял

меня физически и духовно, но и открывал драгоценные истины.

В книге Деяния Апостолов меня озадачили такие слова: «Петра стерегли в темнице; между тем церковь прилежно молилась о нем Богу» (12, 5). В моем представлении церковь – это здание. Как может здание молиться? Или это опечатка, или я не в состоянии понять написанное. «Буду поститься,– решил я,– и Господь мне откроет».

Той же ночью дежурный разбудил меня.

– Быстро вставай! Этап.

Открыв глаза, я посмотрел на соседние нары, где спали заключенные из моей бригады: все спят.

– Почему других не поднимаете? – разволновался я.

– Не разговаривай! Быстро одевайся, конвой уже ждет.

Ничего не выяснив, я покорно вышел. Меня переправили на другую шахту.

Где я буду работать, с кем – это меня не интересовало. Первое, о чем я спрашивал, прибыв в другой лагерь: есть ли здесь верующие?

«Есть!» – ответили мне и указали на старика кипятильщика. Оказывается, в этом лагере верующими считались люди разных вероисповеданий.

Я разыскал старца. Это был искренне верующий брат из Запорожской области – Егор Лазаревич Башмаков. Он сразу предложил мне помолиться. Радость переполняла мое сердце: я впервые встретил настоящего христианина. Я плакал, стоя на коленях. Брат, узнав, что у меня есть Библия, оживился, глаза его засияли. Взяв ее, он заплакал, как дитя. «Как ты смог провезти ее сюда?!» Словами не передать, какие сладкие беседы мы вели! Как утешались духом!

Вечером вдруг выяснилось, что меня привезли в этот лагерь ошибочно и срочно требуют вернуть на прежнее рабочее место. Я же увидел в этом чудный промысел Божий. Брат ответил мне на все мои накопившиеся неясные вопросы. Отвечал свободно, убедительно, кротко. «Открой этот стих Священного Писания». Я открывал,– и завеса таинственности исчезала. Как все просто! Старец научил меня пользоваться параллельными местами Библии.

– Может ли здание прилежно молиться? – как ребенок, спрашивал я. – Что такое церковь?

– Открой Деяния Апостолов 8 главу, прочитай 3-й стих.

«А Савл терзал церковь, входя в домы, и, влача мужчин и жен-

щин, отдавал в темницу». – Вот что такое церковь! – восклицал я от радости. – Понял, понял!

Егор Лазаревич предложил мне почитать тщательно сберегаемую им брошюру Якова Крекера «Наедине со Спасителем». Я погрузился в чтение и обрел огромное духовное богатство!

– Знаете: я ее перепишу, чтобы не забыть.

– Тебя же вот-вот позовут на этап!

– Давайте помолимся Господу: я верю, что меня не отправят, пока я не перепишу.

Мы помолились, и я поспешно стал переписывать в блокнот, сшитый из листов бумаги от цементных мешков.

На работу меня не выводили, так как по моей специальности работы не было. Писал весь вечер и ночь. Все спят, а я наслаждаюсь, впитывая чудесные Божественные истины.

Утром по вызову пришел на вахту. «Конвоя нет, возвращайся в барак и жди!» И я, счастливый, уходил, чтобы снова переписывать. Спал малыми урывками, все писал и писал. Каждое утро я уходил и возвращался,– так было до тех пор, пока я полностью не переписал брошюрку. Закончил, и меня сразу же вернули туда, откуда привезли: и конвой нашелся, и машина, чтобы увезти. Вера моя укрепилась, а это самое ценное: Бог знает мои нужды и чудно содействует во всех мелочах арестантской жизни. Для кого-то они могли оказаться незначительными, а для меня, недостойного,– во всем этом проявлялась великая милость Божья!

Бог воспитывал мою душу, укреплял веру, посылая встречи с верующими. Это были люди разных религиозных течений, и я никак не мог понять: как, читая одно Евангелие, можно по-разному его толковать? Беседовал я как-то с верующим о Духе Святом и насторожился его настойчивым, даже навязчивым убеждением, что верующие непременно должны говорить иными языками. К этому времени я уже несколько раз прочитал Новый Завет и нигде подобного не нашел.

– Ты неверно понимаешь этот вопрос. Я был таким, как ты,– с сознанием превосходства подчеркнул он.

– Каким же ты был?

– Баптистом.

– А кто такие баптисты?

– А какого ты течения? – удивленно спросил он.

– Не знаю,– окончательно сбитый с толку искренне ответил я и задал новый вопрос: а что такое «течение»?

– Раньше я был баптистом, но это – заблуждение, а теперь – пятидесятник,– втолковывал он мне свои понятия.

Слушал я, а сознание тревожил вопрос, какого же я течения? Пришел в барак, склонился на колени и помолился: «Господи, открой мне через Слово Твое, какого же я течения». Открыл послание Иуды, читаю: «я почел за нужное писать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым» (ст. 3). Какая же вера была передана святым? Посмотрел ссылку этого стиха и прочитал: «Только живите достойно благовествования Христова... подвизаясь единодушно за веру евангельскую» (Фил. 1, 27). Не православная, не католическая, а евангельская должна быть вера! В подтверждение этой мысли прочитал из Евангелия Марка: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (1, 15). Как все ясно! Почему я до сих пор не обращал внимания, что верить нужно в Евангелие, значит, моя вера – евангельская! Сердечно поблагодарил я Господа за услышанную молитву.

– Я из евангельских христиан! – торжествующе сообщил я пятидесятнику при следующей встрече.

– Значит, ты – баптист! – настаивал он.

Новая загадка! И новый вопрос:

– Кто же такие баптисты?

– Крещенные по вере,– доброжелательно пояснил он.

– А я еще не крещен, значит – не баптист,– уточнил я сам для себя и радовался, что ответы на сложные вопросы Господь посылал мне через Свое Слово.

Пришлось беседовать и с субботниками. Чувствую, не согласен я с их доводами. Молюсь: «Господи, умудри и наставь». И вспомнил стих из Писания: «Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности...» Вспомнил, а где написано – не знал. Зрительно помню: справа вверху. Открыл Евангелие и, начиная с послания Римлянам, листал до послания Евреям – нашел! (7, 18), и моему оппоненту трудно было возражать ясным словам Писания.

Так, под водительством Господним, я изучал Библию. Изучал в основном ночью, когда все спали. Однажды так погрузился в размышления, что не услышал, когда вошел самый вредный дежурный. Я обомлел. По лагерным порядкам, когда входит начальство, заклю-

ченные должны встать. Я встал. Молюсь. Он подошел. Передо мной – раскрытая Библия и тетрадь с записями. Он взял Библию, стал читать. Сердце затрепетало: «Господи, сохрани!». А в мыслях уже готовился к изолятору, только бы Библия уцелела. Дежурный не спеша читал, читал, а потом молча положил ее на стол и так же молча вышел. Все это время я взывал к Богу. Как только за дежурным закрылась дверь, я моментально спрятал Библию и лег. Укрывшись одеялом, я продолжал молиться: не опомнился бы дежурный и не вернулся. Но, слава Богу! Бог и в этот раз явил милость: Библия сохранилась. В Божьем могуществе и силе молитвы я убеждался постоянно.

Господь учил меня обращаться к Нему со всякой нуждой. Заставили меня как-то штукатурить, потому что работы по моей специальности не оказалось. В юности я помогал отцу вести кладку, а штукатурить не умел. Теперь пришлось. Как же мне не понравилась эта грязная работа! Раствора больше было на полу и на мне, чем на стене,– и настроение плохое. Решил я помолиться: «Господи, помоги мне полюбить эту работу, ведь не без Твоей воли меня заставили штукатурить». Господь услышал молитву: я с радостью шел на работу и у меня с каждым днем получалось все лучше и лучше. Не расплескивал вокруг раствор, сам был чистым, и мне даже понравилось штукатурить. Для себя же я сделал вывод: если работу полюбишь, то делать станешь с радостью, от души,– и она всегда получится!

Позже, делая капитальный ремонт в одной из воркутинских зон, я нашел в бараке под досками пола тетрадку с христианскими гимнами, но слышать духовное пение мне не приходилось. Мне очень понравилось содержание гимна «О, я грешник бедный! Правда, я таков...» Я сам подобрал мотив и от души пел.

Все знали, что я постоянно ищу верующих среди заключенных. Однажды сходил я за своим пайком в столовую (у каждого заключенного была своя консервная баночка с ручкой из проволоки), сижу ем. Заходят в барак семеро мужчин пожилого возраста. Все рослые, плечистые, хотя, как и все зэки, худые. В духе я почувствовал, что они ищут меня, и точно.

– Приветствую вас, братья,– обратился я к ним, когда они подошли.

– Здравствуй,– услышал я в ответ и понял: наверное, православные.

– Скажите, вы братья?

– Какие такие братья?!
– Во Христе.
– Мы православные.
– А моих братьев в зоне случайно нет?
– Ты не православный? Ты изменил своей вере?! – обрушились они на меня с упреками.
– У меня никакой не было веры, я был атеист, а сейчас уверовал в Господа. И все же, кто вы?
– Это – батюшка такой-то церкви, этот – такой-то,– стали они перечислять свои имена и приходы, где несли служение.
Это были почтенные старцы, жившие еще при царском режиме. А встретился я с ними в 1952 году.
– Прошу вас, скажите, есть в этой зоне мои братья, евангельские христиане?
– Есть.
– Познакомьте меня, пожалуйста, с ними.
Старцы не возражали.
– Вы имеете жизнь вечную? – поинтересовался я, пока шли.
– Кто же из людей может об этом знать?! Это ведомо только Богу...
– Вы же проповедуете людям о Христе, говорите, что смертью все не кончается, что за гробом есть вечная жизнь, а сами ее не имеете.
– Молодой человек, ее надо заслужить! – снисходительным тоном вразумляли они меня. – А ты-то имеешь?
– Имею.
И вдруг старец, к которому я, судя по внешности, по степенности, невольно проникся уважением, стал меня бранить грубыми словами.
– Знаете, сейчас мы придем к братьям, и я более обстоятельно поясню вам, что имею жизнь вечную.
Привели они меня в барак к братьям.
– Приветствую вас, братья! – И сразу дух другой. Братья пожилые, я – молодой, мы радостно приветствовали друг друга. Заплакали от счастья.
– Братья! У меня есть полная «Булка Хлеба»!
Они, узнав, что у меня есть Библия, заплакали, как дети. Осмотревшись по сторонам: нет ли поблизости кого из начальства, я осторожно открыл Библию и прочитал из первого послания Ио-

анна: «Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (5, 11–12). Для меня Евангелие – авторитет, и на основании Слова Божьего я убежден, Дух Святой свидетельствует мне, что я имею жизнь вечную.

Увидев у меня Библию, православные изменили тон разговора, стали мягче, уважительней. Даже попросили моих братьев-старцев: «Скажите, чтобы он и нам дал почитать».

– Братья,– не возражал я,– когда я на работе, можете читать, только с осторожностью.

Из дальнейшей беседы я узнал, что через расконвоированного священника воркутинские верующие передали нашим братьям Евангелие, но они не сберегли: оперуполномоченный застал их за чтением и отнял.

Через несколько месяцев я узнал, что меня скоро переведут в другой лагерь. Мне было жаль оставлять братьев без духовной пищи, но и свою Библию я не мог им отдать.

– Давайте будем молиться и поститься,– предложил я,– и то Евангелие, которое у вас отняли, отдадут. Вера нужна, и Бог выйдет на помощь...

– Нет, брат Коля! Разве они отдадут?..

Я рассказал им о многих чудесах, которые совершил Господь в моей жизни. О том, что четыре года я из лагеря в лагерь провожу свою Библию через все обыски. Они удивились и согласились молиться. Евангелие отняли у брата Жукова, ему я и посоветовал идти к оперуполномоченному. А мы все пребывали в посте.

– Какие вести? – поинтересовался я, придя с работы.

– Выгнал из кабинета и сказал, чтобы больше не приходил.

– Будем продолжать пост, отдаст по неотступности,– ободрял я братьев. На следующий день оперуполномоченный пригрозил брату Жукову:

– Еще раз придешь, пойдешь в изолятор.

– Не будем унывать, продолжим пост. А вы так и говорите начальнику: «Ради Евангелия я готов на все, потому что это мой духовный хлеб!»

На третий день начальник, увидев брата Жукова, спросил:

– Ты что, в изолятор сам пришел?

– Начальник, помещайте в изолятор, только отдайте Евангелие...

Паек хлеба можете мне не выдавать, я без пищи обойдусь, а без Евангелия – нет, это мой духовный хлеб.

Начальник пристально и испытующе долго смотрел на брата.

– А ну, иди сюда!

Брат подошел. Начальник открыл ящик стола – там лежало не одно Евангелие.

– Какая книга твоя?

Брат, не веря своим и ушам и глазам, указал на Евангелие.

– Возьми, старина! Но если еще раз попадешься, больше книгу не получишь и из изолятора не выйдешь!

– Спасибо, спасибо! – благодарил брат, выходя из кабинета.

Вернулся я с работы и сразу к братьям.

– Николай! Представляешь? Отдал! – ликовали братья.

– Смотрите, что̀ может делать Бог по нашей вере!

Мы склонились и сердечно, со слезами благодарили Всесильного за услышанные молитвы.

Я уехал довольный, что у братьев есть Слово Божье. Чудные воспоминания о могущественных делах Божьих будут согревать их души до конца жизни. Больше я с ними не встречался.

Меня перевели на 70 км севернее Воркуты, в Халмер-Ю. Дух Святой побуждал меня безбоязненно свидетельствовать узникам о дарованной радости во Христе. Слово Господне покорило сердце троих заключенных в этой зоне. Радуясь спасению, живя в одном духе, мы собирались в свободное время и читали Библию. Один из нас постоянно стоял на страже, чтобы вовремя предупредить, если появится начальство. В хорошую погоду мы прятались в лощине, заросшей бурьяном, но, соблюдая предельную осторожность, садились так, чтобы одни смотрели в одну сторону, другие – в другую. Господь через Слово Свое производил работу в наших душах, укреплял в вере и уповании на Него, но и испытывал меня, преподавал незабываемые уроки.

Как-то в бараке с братьями мы читали об искушении Христа в пустыне. Брат, он такого же возраста, как я, из Мордовии, из г. Саранска, и сейчас член церкви в нашем братстве, спросил:

– Николай! Как дьявол мог показать Христу все царства мира в одно мгновение?

– Дьявол просто в Нем показал такую картину, как, допустим, мы видим фильм.

Как только я произнес слова: «В Нем показал», меня сразу прон-

зила ужасная мысль, что этими словами я похулил Духа Святого. Я упал на постель, и рыдания сотрясали мою грудь. Братья обступили меня и не поймут, что случилось.

«Братья, сейчас я вам ничего не скажу, идите в свои бараки». А сам продолжал не плакать, а рыдать. Насколько я был утвержден, что получил спасение и имею жизнь вечную, настолько же я был уверен, что в тот момент похулил Духа Святого и погиб навеки, что мне нет теперь спасения ни в сем веке, ни в будущем. Слезы уже кончились, и я только тяжко вздыхал и думал: «Господи, неужели это точно? Неужели?» И вдруг, как бы издалека, мое сознание посетила мысль, что это коварный обман. Эта мысль становилась все ясней и отчетливей: сатана тебя обманул, и ты не заметил даже, как ловко он это сделал. Радость затеплилась в моем духе, возрастая с каждой минутой. До этого на глазах моих высохли слезы, а после этой отрадной мысли слезы снова градом катились по щекам. Но это уже были слезы глубокой Божественной радости. Слезы благодарности: «Слава Тебе, Господи, что это неправда, что это страшный обман дьявольский».

Позже я понял, на чем сыграл дьявол: я сказал, что дьявол в Нем показал картину, а мне показалось, что мои уста произнесли: «Во Христе дьявол». Этим сатана хотел навсегда сразить меня, но Бог вышел навстречу моему сокрушенному сердцу, научил меня бодрствовать и распознавать ухищрения врага душ человеческих, клеветника и лжеца.

Этот, хотя и тяжелый, урок пригождался мне на протяжении всей дальнейшей жизни, когда я по милости Господней стал пастырем и наставником в церкви. Молодые братья и сестры, члены церкви, порой доходили до крайнего отчаяния от мысли, причем откровенно ложной, что они похулили Духа Святого. Пережив на собственном опыте весь ужас сатанинской лжи, я помогал удрученным душам выйти из этого лабиринта дьявольской лжи и понять, что они не похулили Духа Святого.

Жизнь в лагере шла своим томительным чередом. В один из вечеров помолился я как обычно перед сном и уснул. Пробудился от четкой и необычно радостной мысли: «Что ты будешь делать, если тебя через год освободят!» Рассуждая молитвенно, я сказал: «Господи, несмотря на то, что я 13 лет не был дома, а впереди еще 7 лет неотбытого срока, все же в первую очередь я хочу заключить завет

с Тобой, принять крещение и поехать домой членом церкви, чтобы проповедовать всем моим родным и близким о том, как Ты сохранил и спас меня». Первое время я был под впечатлением этих мыслей, на душе как-то было неспокойно, строил радостные планы, но серые дни шли один серее другого, без какого-либо намека на изменение, острота впечатлений стушевалась, и я обо всем забыл.

Прошло довольно много времени (для меня тот год тянулся долго) после этих взбудораживших меня размышлений. Ночью я проснулся оттого, что нарядчик, дотянувшись до второго яруса нар, где я спал, настойчиво дергал меня за ногу.

– Поднимайся, и быстро – на этап!

– Какой этап, когда все спят?! – не понял я.

– Я сказал: быстро! Этап на Воркуту.

– Зачем я там понадобился?

– На суд тебя требуют.

– Я никакого преступления не сделал, какой суд?! – еще больше насторожился я.

– Давай не разговаривай...

Я вскочил, быстро собрал вещи, пришел на вахту, и меня под конвоем отправили действительно в Воркуту и точно на суд. Что только не передумаешь за это время: добавят срок? не случилась ли серьезная авария по моей вине на работе? кто-то оклеветал? и т. д. и т. п. Всевозможные тревожные предположения осаждали сердце, но только не то, что я услышал: «За отсутствием состава преступления и добросовестное отношение к работе оставшийся срок наказания снять».

Полное недоумение: как так?! Простых заключенных освободили сразу после смерти Сталина, а у меня номер каторжника и большой срок неотбытый. И почему только меня одного вызвали в суд и освободили?! «Господи! Я же никому не жаловался,– молился я в душе. – Я рад до бесконечности, что получил вечное спасение, и теперь готов, даже всю оставшуюся жизнь провести в заключении и говорить людям о Тебе, что Ты даруешь спасение и жизнь вечную во славе Твоей вместо бесконечных мучений в аду».

Так неожиданно развернулись события! Для Бога действительно нет ничего невозможного! И только получив документы об освобождении, я вспомнил, что ровно год назад во мне прозвучал этот вопрос: «Что ты будешь делать, если через год тебя освободят?» Эти события произошли на исходе 1954 года,– меня освободили! Что

Бог предопределил, то и совершилось! Сознание того, что Бог держит жребий мой, согревало душу.

Находясь в лагере, через одного приближенного брата (он выходил на работу за зону без конвоя) мы поддерживали некоторую связь с воркутинскими верующими. Он познакомился с братом Малегой, сосланным в эту местность за веру в Бога и работавшим начальником железнодорожной станции в Халмер-Ю. Вместе с братом Григорием Ивановичем Ковтун они основали Воркутинскую церковь. Брат Малега рассказывал о нас воркутинским верующим. Через него же я заручился адресом брата, проживавшего с семьей в Воркуте, и, освободившись, в первый же день был в его доме. Его жена приветливо приняла меня: «Мы слышали о тебе, дорогой брат».

И вот я впервые в жизни присутствую на христианском богослужении. Всё, абсолютно всё, для меня здесь ново, необычно и трепетно. Каким восторженным наблюдателем пополнилось воркутинское собрание народа Божьего! Живая группа (в ней было около 60 членов церкви) искупленных Христом жила как одна семья! И меня, совсем чужого человека, о котором только слышали, все приняли, как родного! Это меня удивляло и умиляло до слез. Здесь я понял, что̀ значит Церковь Христова, святая семья родных по Крови Иисуса Христа братьев и сестер, которые являются детьми Небесного Отца! И это родство вечное! Узы, которых никто не в силах расторгнуть, потому что это духовное единение сердец!

Все первое собрание я проплакал... Неповторимую радость подарил мне Бог на земле! Беседуя с братьями, я открыл им свое сокровенное желание: принять святое водное крещение, так как обещал Господу, что поеду домой членом церкви, чтобы свидетельствовать о спасении родным и близким. Но на тот момент в церкви не было рукоположенного служителя.

«Я готов принять крещение в проруби, зимой, и согласен, доверившись Господу, ждать».

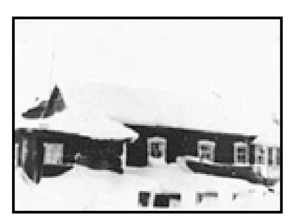
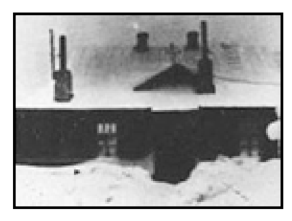
Для жилья нашел квартиру, а работал на том же Воркутинском механическом заводе, только уже вольным рабочим.

Воркутинская церковь на богослужения собиралась по домам, строго соблюдая конспирацию. Понимания о Боге, о хождении перед Ним, полученные мной при изучении Священного Писания в заключении, не расходились с тем, что я слышал в собраниях и в беседах с братьями. Я только еще больше утверждался в правильности

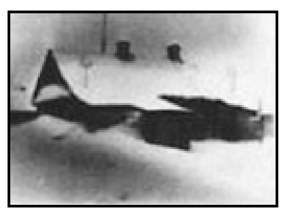
Божьего пути, который Он мне открыл. Радовался и тому, что Дух Святой надзирает над Священным Писанием и открывает его истинный, заложенный Самим Богом смысл всякому искреннему сердцу, каждому христианину, который благоговеет перед Словом Господним и готов послушно следовать повелениям Его. Понял также, что Дух Божий не может по-разному действовать в сердце искупленных, побуждая одних к одному, а других – к противоположному.

Братья и сестры Воркутинской церкви единодушны были, не только прославляя Бога в собрании, но и в ревностном свидетельстве о Господе погибающим в грехах жителям Воркуты. Кто искренне искал путь жизни и томился под бременем грехов, приходили на богослужения, обращались к Богу и получали радость спасения. К сожалению, таких людей все же было мало.

В воркутинских лагерях отбывали длительные сроки заключения узники Христовы. Они страдали за верность Господу и Его Слову. Одним из таких был молодой и дорогой моему сердцу брат Николай Георгиевич Батурин. Когда я освободился, он был расконвоирован и иногда приходил на богослужения. Долго задерживаться вечерами для бесед он не мог, потому что должен был являться в зону к строго назначенному времени. Позднее я переписывался с ним – какое приятное впечатление оставили в моей душе его письма и духовные размышления. Как дорог он мне был своей кротостью и верностью Богу!

Дома верующих, где проходили богослужения Воркутинской церкви.

В Воркуте ко мне на квартиру однажды зашел молодой парень. Искал он, по-видимому, своих единомышленников, а нашел меня. Разговор завязался быстро, но беседа не клеилась: его и мои взгляды на Бога, на Священное Писание расходились, можно сказать, диаметрально. Духом я почувствовал, что он не искренний христианин.

– Не скажешь ли, какого ты течения?

– Свидетель Иеговы.

Мне нужна была эта встреча, чтобы утвердиться в истинном понимании Слова Господнего, так как я в вере был еще новичок.

– Христос – это Бог, явившийся во плоти,– свидетельствовал я молодому человеку на основании Священного Писания.

– Ты неправильно понимаешь,– возразил он.

На каждый его неверный довод я открывал Библию и приводил конкретные стихи Писания. Он не мог опровергнуть ясные евангельские истины, рассердился и, уходя, так хлопнул дверью, что стены задрожали:

– Больше я к тебе не приду!

– Истина Господня от этого не изменится,– сказал я на прощание и поблагодарил Бога, что даже по одному поведению этого молодого человека я понял, что он не прав.

Ожидая крещения, я сообщил домой о своем досрочном освобождении. Между нами наладилась переписка. И вдруг от родной сестры пришла телеграмма: «Коля, срочно приезжай, умерла мама». Для меня эта скорбная весть была серьезным испытанием веры. Помолившись, я укрепился упованием на Бога и рассказал братьям о своем решении, что не могу нарушить данное Богу обещание и домой, не приняв крещение, не поеду.

Северная весна была в разгаре. Солнце буквально съедало снег. Мощные ручьи талых вод устремились в реку Воркуту. Вода в ней поднялась выше обычного уровня, лед стал рых-

Крещение Н. Е. Бойко. 1955 г. (Воркута)

лым, и река вскрылась раньше обычного. А моя душа была в радостном ожидании: когда же, Господи, я заключу с Тобой завет верности? Весть о том, что из уз освободился рукоположенный служитель разнеслась по Воркуте молниеносно. Вся церковь знала, что я томлюсь в ожидании крестителя. Назначили членское собрание, и я предстал перед церковью для испытания. Я просил, чтобы мне задавали больше вопросов: «Вы знаете, откуда я вышел и кто меня наставлял. Все истины Писания я постигал сам, прибегая очень часто к постам и молитвам. Выясняйте, верно ли я понимаю евангельскую истину». Мои ответы не вызвали ни у кого беспокойства, и всё собрание единодушно приняло меня в члены церкви. На берегу реки еще лежал снег, торчали громадные льдины, когда меня, ликующего, погружали в купель крещения! От переполнявшей меня радости, что я – член Церкви Христовой, вода мне показалась горячей. Так, исполнив данное Богу обещание, в 1955 году я влился в святую семью народа Господнего! Пообещал служить Богу преданным сердцем. И только потом поехал на родину.

Глава IV

В концлагерях, в плену я провел 3 года и 10 месяцев. Затем в воркутинских лагерях – 8 лет и 9 месяцев и, наконец, освободившись и приняв крещение в церкви г. Воркуты, после длительных лет разлуки поехал на родину, в Вознесенск, где жила моя родная сестра.

С ней я переписывался, находясь в лагере в Халмер-Ю. Тогда я просил ее разыскать в городе евангельских христиан. Она исполнила просьбу – нашла верующих, выслала мне адреса вознесенской молодежи и пресвитера. Как я радовался письменному общению с народом Божьим! Духовными наставлениями они поддерживали мое упование и веру в Господа.

И вот – радостная незабываемая встреча с Вознесенской церковью! Любя Господа, мы быстро слились в одно с молодежью, поскольку были родные по духу.

Со школьных лет я играл на музыкальных инструментах. Мы купили гитары, мандолины, балалайки и впервые в собрании зазвучала хвала Богу на музыкальных орудиях – великая радость наполнила сердце всей церкви и особенно молодежи!

●

Мне не хотелось оставлять дружную церковь и новых молодых христианских друзей, но я не рассчитался с работы на Севере и был вынужден на время отлучиться.

Сразу после моего освобождения начальник не хотел отпускать меня как специалиста, а тут я сам вернулся в Воркуту!

«Оставайся здесь! Зачем тебе ехать куда-то?!» – с каким-то особым расположением отговаривал он меня.

Пришлось предъявить справку, что после смерти родителей прописанным в их доме числился только я, и поэтому право наследования осталось только за мной (сёстры и брат отказались от своей доли).

Выслушав, начальник привел последний веский, как ему казалось, довод, в надежде, что это меня остановит: «Николай, пожалеешь! У нас все-таки свободней, чем там...»

Я понял намек: на Севере Комитет госбезопасности действует слабее, чем на Украине и в центральной части России. Его предостережения меня не смутили, я уволился и, полагаясь на любящего Господа, поехал домой.

Возвратившись, попросил церковь принять меня. Несколько месяцев испытания пролетели быстро, и Вознесенская община (тогда она насчитывала около 90 человек) единодушно приняла меня в свои ряды и сразу поручили работу с молодежью.

Увлеченно и восторженно собирались мы на спевки, сыгровки и пели от души. Иногда наслаждались изучением Слова Божьего, но чаще всего эти служения проходили в простых беседах по интересующим молодежь вопросам.

Считая себя малосведущим в Писании, я не осмеливался проповедовать в собрании. Когда приезжали с молодежным оркестром в села, там проповедовал. Мы обычно предупреждали верующих заранее. Они к назначенному времени приглашали неверующих родственников и соседей в свои дома. Господь благословлял наше усердие. Среди посетителей было много сельской молодежи. Жаж-

Молодые христиане Вознесенской церкви после благовестия в селах Николаевской области.

да, с какой они слушали проповеди и духовное пение от таких же, как они, молодых людей, была очевидной.

В те годы автобусное сообщение в области было развито слабо. В сёла (за 18 км от Вознесенска) мы ходили пешком, лишь некоторые из нас могли позволить себе отправиться на велосипедах. Иногда останавливались попутные машины, и тогда мы старались отправить сестер. Ближние сёла посещали после воскресного утреннего богослужения, а дальние – среди недели. Так с благовестием достигали Братский, Арбузинский районы, Марьяновку, Константиновку, Богдановку, Козубовку, Александровку.

●

В своей жизни я видел много чудесных проявлений силы Божьей. Первые годы пребывания в Вознесенске оставили в памяти один из таких случаев. После сыгровки (обычно я уходил последним) пришел домой около часа ночи. Только уснул, как в двери кто-то постучал, и стук был такой силы, что окна задрожали. Я вскочил – в доме светло! Свет бил с улицы! Подбежал к дверям – стучала и кричала моя сестра: «Коля, спасай! Горим!»

Ее дом стоял на противоположной стороне улицы, а рядом – стог сена. Помолившись, я схватил ведро с водой и побежал. Горел не сестрин дом, а соседний. Крыши домов тогда почти у всех были из рогозы (высокая болотная трава). Легко воспламеняясь, она взлетала вверх и тлеющими огоньками падала, куда отнес ее ветер. На

стогу сена и на крыше дома сестры́ было уже много очагов возгорания. Если их обильно не полить водой, вспыхнет и дом. Муж сестры с ведром воды стоял на стогу и заливал огоньки. Меня попросили тушить крышу дома. Вода в ведре кончалась быстро, а курящаяся и разгорающаяся на лету трава падала и падала. Смотрю, внизу возле дома загорелся куст. Понял, что ведром воды мне дом не спасти. Взглянул на небо – ни одной тучки! Сияют ночные звезды. К тому же ветерок не предвещал дождя. Я помолился с верой: «Господи, Ты все видишь, помоги! Ты все можешь!» Вода в ведре снова моментально закончилась. Кричу: «Подайте воды!» В трепетном ожидании взглянул на небо – откуда-то появилось густое облако тумана, и пошел тихий мелкий дождь. Постепенно набирая силу, он насытил водой все вокруг. Пламя стихло, и дождь перестал. Изредка взметнувшиеся вверх и падающие горящие соломинки тут же гасли, опускаясь на сырую крышу. В умилении и внутреннем восторге я поблагодарил Господа за чудо Его милости, за услышанную молитву! «Кто я, Господи, что Ты меня услышал?!»

Пожарная машина, подъехав, окончательно затушила соседский дом. Родные, успокоившись, заносили в дом ценные вещи, которые в спешке вынесли на случай пожара, а я пошел домой.

Лег, а уснуть не мог. Внутренний голос побуждал: «Иди засвидетельствуй, что Бог совершил чудо: послал дождь!» Я повиновался. Пришел к сестре – они, сидя за столом, радовались, что пожар не перекинулся на их дом.

«Благодарите Бога! Это Он послал вам дождь! Иначе вы остались бы на пепелище»,– направил я их рассуждения в нужное русло и рассказал, как Господь ответил на мою молитву.

«То-то! А мы никак не возьмем в толк: откуда среди ясного звездного неба набежала тучка и пошел дождь?!»

Но они быстро забыли о милости Божьей. Лишь позже, когда сестра стала приближаться к Богу, она часто вспоминала этот случай и удивлялась, как Бог слышит молитвы Своих детей!

●

Решил я посетить родного брата, он жил в Кривом Роге в квартире, полученной от производства.

«Лёня, мы – братья, зачем ты один скитаешься? Переезжай ко мне, отремонтируем дом и будем жить вместе»,– предложил я.

Он согласился, переехал. Мы жили очень дружно, хотя он был неверующим.

Вознесенск – южный город, недалеко – Черное море. Друзья из Воркутинской церкви приезжали к нам семьями на летний отдых. Мы с братом принимали их в своем доме с радостью. Да и для церкви их посещение приносило ободрение, утверждение в вере. Молодежь с большим рвением вместе с ними ездила с благовестием по селам.

●

Трудности я встретил с устройством на работу, хотя специальности у меня были: слесарь горного оборудования и сантехник 6 разряда. Шахт в городе, конечно, не было, а сантехники – нужны всюду, но куда бы я ни пришел, пока не наведут обо мне справки, берут документы: «Через три дня приступайте к работе!» В назначенный день прихожу – неприятности: «Извините, начальник оформил другого человека...»

«Николай, тебя нигде не примут с твоим прошлым. Устраивайся учеником по пошиву обуви – в кармане всегда будет копейка»,– посоветовал мне верующий брат.

Совета я прислушался, но ученику сапожника платили в месяц 15 рублей и из них еще высчитывали за бездетность.

Господь на всю жизнь соединил нас, подарив единое сердце и один узкий путь следования за Христом.

В 1956 году я решил жениться. Своей невесте, сестре в Господе Вале, я сказал, что мне предстоит 10 лет страдать за Господа.

«Прежде чем вступить в брак, ты должна об этом знать и с учетом этого прини-

мать решение. Может быть, это лишь начало страданий за Христа, не знаю, но Господь открыл мне, что меня осудят на 10 лет. Согласна ли ты на такую тревожную жизнь?»

«Что̀ тебе, то̀ и мне! Всё – в Божьих руках»,– услышал я ответ.

Господь на всю жизнь соединил нас, подарив единое сердце и один узкий путь следования за Христом.

(Опережая события, скажу: спустя 12 лет, когда в семье у нас было уже 8 детей, меня, как служителя церкви, осудили на 10 лет лишения свободы, во исполнение откровения, которое Господь послал мне еще в Воркуте.)

Семья увеличивалась, содержать ее на 15 рублей в месяц я не мог. Решил шить и продавать обувь на рынке (к тому времени я стал мастером пошива). Но реализовать свой труд не позволяла милиция (нужно было еще и им платить).

В поисках подходящего места я подрабатывал в бригаде ремонтно-строительного управления и каменщиком, и штукатуром. Через время узнал, что в городском домоуправлении срочно требуется сантехник. Зашел в отдел кадров. Женщина пристально посмотрела на меня. Оказалось, мы были одноклассниками. Она меня узнала, и я ее вспомнил. Бегло просмотрев мои документы, она поспешила доложить начальнику и, видимо, хорошо отозвалась обо мне. «Выходите на работу!» – уверенно сообщила она, вернувшись от начальника.

Сначала я обслуживал четыре котельные, затем за мной закрепили и остальные пять. Летом я исправил все неполадки, и к следующей зиме на работу котельных не поступило ни одной жалобы.

С работой все уладилось, неожиданно возникли сложности с родными сестрами: они не захотели, чтобы неверующий брат Лёня жил в родительском доме и сестра потребовала свою часть. Неприятно. Ведь я же Леню сорвал с хорошей работы, он оставил квартиру в Кривом Роге. Собрав всех родственников, я сказал: «Я дарю Лёне свою часть, а себе найду что-то другое». Бог помог мне купить землянку. Брат остался жить в родительском доме, выплатив сестре ее часть. Конфликт был исчерпан, не разгоревшись, слава Богу!

●

В 1959 году пресвитер Вознесенской церкви, старец, совсем ослеп. Вместо него рукоположили некоего Коваленко. Он сразу предупредил меня:

– В сёла для посещения верующих и проповеди Евангелия больше с молодежью не выезжайте,– слова запрета звучали как-то резко и непререкаемо.

– Почему? – опешил я.

– Запрещает райисполком. До них дошел слух, что вы агитируете людей в свою веру.

– Безбожники много могут наговорить, но вы же знаете, что мы делаем святое дело. Мы пообещали приехать в село со струнным оркестром.

– Я тебе сказал: чтобы посещений ты больше не устраивал! – категорично заявил пресвитер.

– Это же запрет благовествовать...

– Если бы тебя вызвали в два часа ночи в посадку, как меня, ты бы не так заговорил... – с горечью и бессилием открыл он мне тайну.

– Мы же призваны возвещать о Христе,– пытался я его как-то ободрить.

– Ты молодой и не понимаешь, что из-за этих ваших благовестий на дверь молитвенного дома повесят замок...

– А если на сердце христиан повесят замки...

– Ты не высокомудрствуй! Посмотришь, вся вина за благовестие в селах ляжет на тебя.

После этой беседы пресвитер пригласил меня на церковный совет, куда входили 20 учредителей, на которых была зарегистрирована община. Это были старые члены церкви, которые за Слово Божье скитались по тюрьмам и ссылкам в 20-е годы. Слушая доводы пресвитера, все они обреченно молчали.

Смутился и я: может, действительно неверно понимаю Писание, не сориентировался в сложившейся вокруг церкви обстановке? Снова и снова вникал в Писание, исследовал себя и утвердился в духе, что повеления Божьи нужно исполнять и в смутное, и в благоприятное время.

Несмотря на это, всё же пришлось подчиниться: не стала молодежь благовествовать по сёлам. А сердце томилось по общению со святыми, и мы собирались в городе у престарелых братьев и сестер. И эти встречи запретили. Дух молодежи был стеснен, всякое святое дело подавлялось. Мне поручили вести духовную работу с молодежью, но даже самая малая добрая инициатива вызывала недовольство и возмущение служителей церкви.

Искренне покаявшиеся молодые братья и сестры со своими переживаниями шли ко мне: «Что делать: как только я подал в церковь заявление на крещение, работники КГБ приходят на работу и переубеждают, чтобы "бросил эту веру"?»

Я знал, что некоторым молодым друзьям по нескольку лет отказывали в крещении, и спросил об этом пресвитера.

– Что мы можем сделать? – беспомощно развел он руками.

– Как уполномоченный и КГБ узнаю́т, что молодежь желает принять крещение? – спросил я.

– Их заявления мы отдаем в райисполком,– просто, как о самом заурядном деле, пояснил служитель. – Они запрещают, и я не имею права крестить молодежь.

– Меня в Воркуте крестили, не спросив никого.

– Всякая власть от Бога! Нужно об этом помнить. Кто не подчиняется власти, тот не подчиняется Божьему установлению,– наставлял меня пресвитер, будучи сам наставлен неверно.

На истинное служение Богу в церкви с каждым днем налагались все новые и новые ограничения. Запретили детям и молодежи до 18 лет присутствовать на богослужениях. Согласиться с доводами служителей, что это верно, я не мог. На память приходили слова старцев из воркутинских лагерей, которые десятилетиями томились в неволе за Слово Божье. Решил я поститься и молиться и просить у Бога ответа: как нести служение в такое мрачное для церкви время? Много плакал, проверял свое состояние и умолял Господа открыть Свою волю.

В журнале ВСЕХБ «Братский вестник» я прочитал о том, что скоро выйдет «Новое положение ВСЕХБ», с которым не все верующие согласятся, но оно все-таки будет предложено народу Божьему и каждая церковь должна его принять и в соответствии с этим документом вести служение. Я понял намек, что в жизнь церкви хотят внедрить что-то опасное. А когда удалось прочитать текст этого документа, стало ясно: церковь направляют на путь отступления.

Скорбь объяла душу. Стал говорить об этом верующим, вижу, никто не придает этому особого значения. Брат диакон (с ним я всю ночь провел в беседе) успокаивал меня и твердил одно: «Дорожи временем. Хорошо, что так происходит, а не хуже...» Такие советы не успокоили мой дух.

Решил я поехать в Москву к Генеральному секретарю ВСЕХБ

Александру Васильевичу Кареву, проповеди которого я любил читать в журнале. От него я услышал то же:

«Мы должны подчиняться власти, власть – от Бога».

«Христос сказал: "Не препятствуйте детям приходить ко Мне", а служители не допускают их в церковь,– они же нарушают Священное Писание...» – приводил я свои доводы.

Александр Васильевич уверенно сказал: «То было одно время, а сейчас – другое...»

Исход беседы крайне удивил меня. С тяжелым сердцем я вернулся в Вознесенск.

Вскоре нашу общину посетил старший пресвитер по области Калибабчук К. Л. Ему, конечно, рассказали о том, что я докучал местным служителям своим несогласием с новыми порядками в церкви, и он пожелал побеседовать со мной в присутствии других братьев. Беседа была трудной: я четыре года как член церкви, а у них христианский стаж не один десяток лет. Они доказывали, что существующим властям нужно повиноваться. В духе я не соглашался, так как понимал, что в делах веры власти не могут требовать повиновения от христиан.

После беседы Калибабчук К. Л. попросил местных служителей быть снисходительными ко мне: «У брата Бойко – первая любовь к Богу! Вы особенно не нажимайте на него. Приголубьте его, пройдет немного времени, он поостынет, утихнет и успокоится...»

●

Все эти годы я поддерживал письменное общение с братьями Воркутинской церкви и, конечно, сообщал о ходе дела Божьего в наших краях. «Николай,– пригласили они меня письмом,– приезжай, мы соскучились по тебе...» Жена не возражала: «Езжай, хоть немного развеешься от всех переживаний... С детьми я справлюсь...» (У нас тогда родился четвертый ребенок.)

Встреча с друзьями была радостной. Я подробно рассказал о сложной обстановке духовной жизни в общине. Для них это не было новостью. «Наши братья бывали в других церквах – что-то непонятное делается по всей стране»,– озабоченно вздыхали воркутинцы, а что̀ именно происходит, не могли понять, и какой совет мне дать, не знали.

Брат, ответственный за Воркутинскую церковь, предложил мне

книгу И. В. Каргеля «Свет из тени будущих благ». Прочитав несколько глав, я настолько увлекся, что не мог оторваться. Как бы я ни старался, но всё сохранить в памяти невозможно, а истины, изложенные в книге, важны не только для меня. По возвращении домой, я хотел передать их народу Божьему в своей церкви и попросил у брата разрешения переписать книгу. Купил три общих тетради в клеточку и мелким почерком писал днем и ночью. Ни спать, ни есть мне не хотелось. Хотя я и не такой уж писарь, но рука не уставала. Чтобы не тратить время на дорогу, я оставался на ночь в том доме, где проходило очередное богослужение, и ночь напролет писал.

За месяц исписал три тетради по 90 листов. Драгоценная книга была в моих руках! Счастью не было предела! Какое глубокое назидание от Бога я получил через этот великий труд дорогого Ивана Вениаминовича Каргеля!

Брат, видя мою жажду, принес другую книгу этого же автора.

«"Толкование на Откровение", ты читал?»

«Нет»,– и я тут же принялся за чтение. Через мысли, изложенные в этой книге, Господь открыл мне, что отступление от евангельской истины – грех. Я понял также и немало этим ободрился, что стою́ на правильном пути.

Начал я переписывать и эту книгу, но успел всего несколько глав – из дому пришла телеграмма: просили поскорее вернуться. Брат отдал книгу, чтобы я окончил писать ее дома. Потом через приезжавших ко мне я вернул книгу хозяину.

●

Возвращался я через Москву и хотел заехать к тете в Загорск (80 км от Москвы). Поезд проезжал эту станцию, не останавливаясь. Я переживал, что придется электричкой добираться в Загорск и потерять много времени. И помолился: «Господи, помоги! Для Тебя все возможно!»

Поезд, миновав станцию, шел уже по городу и вдруг стал резко притормаживать и – остановился! Быстро собрав вещи, я попросил проводника открыть двери вагона. Он сочувственно открыл. Я с подножки прыгнул в сугроб (была зима) и тут узнал причину остановки: впереди с отвесной снежной насыпи на рельсы скатился пьяный и никак не мог выкарабкаться, чтобы стать в безопасном

месте. Так Господь ответил на мою молитву! Я был весьма благодарен и радовался этой милости Божьей, как дитя!

Прибыв из Загорска в Москву, я зашел к Кареву А. В., но уже в приподнятом духе.

– Александр Васильевич,– обратился я к нему,– я много прочитал ваших статей. Раньше вы писали одно, а теперь говорите другое...

– Было время, как мы понимали, так и писали, а сейчас – время власти, и мы должны ей подчиняться...

– Так они же запрещают проповедовать Слово Божье погибающим! И наш пресвитер тоже не разрешает...

– Нужно их слушать, дорогой брат.

– Так кого же больше: Господа или братьев?

– Слушай старцев. Они отсидели в узах за верность Богу, и неужели ты думаешь, что хуже тебя понимают Писание? Ты же еще молодой...

– Не думаю, что они хуже понимают, но Слово Божье призывает проповедовать Евангелие, а они убеждают: нельзя.

– Дорогой брат, все-таки повинуйтесь им. Если возникнут трудности, обращайтесь к областному пресвитеру.

Беседуя о наболевшем со старшими служителями, я попадал в порочный круг: сообща совершая преступное дело удушения церкви, они отсылали меня один к другому. Мне трудно было найти выход из замкнутого на отступнических понятиях круга.

1959–1960 годы были временем моего самостоятельного духовного становления. Читая Священное Писание, я утверждался, что нужно, невзирая на обстоятельства, повиноваться Богу. Часто пребывал в постах и молитвах.

После моей второй беседы с А. В. Каревым в Вознесенск снова приехал Калибабчук. Долго беседовал со мной, а потом вызвал на совет двадцатки.

«Ты не идешь с нами в ногу, говоришь всем, что мы идем путем отступления...» – это мне было поставлено в вину, и 1 мая 1960 года на членском собрании меня отлучили "за неповиновение власти и церкви".

Печаль на сердце легла большая, но отчаяние не захлестнуло дух. В спасении Божьем и в присутствии Христа со мной я не сомневался. Богослужения посещал и после отлучения, но с кафедры

раздавались непонятные нападки: «Раскольники! Они церкви разрушают!» Кого проповедники так называют, я не понимал и в то время ничего не знал о «раскольниках».

Томясь душой, поехал в Одессу. Одесских служителей я знал заочно, слышал о них добрые отзывы. Пришел в дом к Николаю Павловичу Шевченко. Он только вернулся из поездки в Киев. Познакомились. С первых минут между нами возникло широкое доверчивое чувство.

«Я ездил в Москву ходатайствовать об отнятом одесском молитвенном доме – никто не обращает внимания на нужды верующих,– горевал брат. – Направили меня в Киев, а там служители посоветовали: "Собирайтесь по домам, и будьте довольны, что хотя так сможете общаться..."»

– А меня уже отлучили,– добавил я переживаний брату.

– За что?

Объяснил.

– Надо поехать побеседовать с вашими братьями... – надеялся он найти взаимное понимание с ними.

И вскоре в Вознесенск приехали: Степан Никитович Мисирук, Николай Павлович и еще трое братьев. Проповедовать им не предложили. В конце собрания приехавший брат передал привет и спросил:

«Скажите, пожалуйста, за что отлучили брата Бойко?»

«За то, что не подчиняется закону и не слушает церковь! – ответил пресвитер, а всему собранию пояснил: это приехали "раскольники"!»

Братья пытались что-то объяснить, но пресвитер непочтительно прервал их, не дав ничего сказать народу Господнему.

Молодежь Вознесенской церкви любила меня, но открыто поддерживать боялась, так как служители предупредили и молодежь, и их родителей, чтобы опасались общаться со мной.

Одесские братья приезжали повторно, но на этот раз пресвитер не принял от них даже привет. По окончании собрания во дворе молитвенного дома братья спросили членов церкви:

– Брата Бойко отлучили за грех или за что-то другое?

– За то, что не слушается братьев! Не исполняет законодательство! – объясняли одни.

– Брат Николай прав, он стоит на верном пути,– робко отозвались скорбящие об отступлении руководящих служителей от истины.

Приезжие братья дали некоторые пояснения: «Не крестить молодежь, запрещать детям присутствовать на богослужении, не проповедовать грешникам о Христе – это грех, это вопреки Писанию. Если безбожники принуждают нас нарушать Слово Божье, то в делах веры мы не должны их слушать, как некогда Апостолы».

Выслушав наставления, искренние души ободрились и открыто говорили: «Значит, брат Коля прав, повинуясь больше Господу, чем людям». За такие высказывания сначала отлучили семь человек, а потом еще семь – в основном отцов и матерей многодетных семей.

В собрании по-прежнему вместо проповеди с кафедры порочили «раскольников» и меня. Я решил не посещать собраний, так как из-за меня люди не могли послушать Слово Божье, а только клевету на верных последователей Христовых.

Отлученных оказалось 15 человек. Одесские служители посоветовали нам собираться отдельно. Чаще всего богослужения проходили в моем доме, и к общей нашей радости на них присутствовало много детей. Бог явил нам милость – начались благословенные занятия с детьми. В любую погоду родители приводили детей на собрание.

В зарегистрированной общине быстро заметили эту отрадную перемену и стали приходить с детьми на наши богослужения. Родителей сразу отлучали, а наша группа пополнилась (23 члена церкви!) и укрепилась духовно.

«Почему у отделенных присутствуют дети на богослужениях, а у нас нельзя?» – спрашивали служителей в зарегистрированной общине. Они забеспокоились, вызвали Калибабчука, пожаловались, что из общины уходят люди, и он, к удивлению, разрешил приводить детей в молитвенный дом. «Вы отвечаете за своих детей перед Богом»,– сказал он.

Члены церкви из нашей группы искренне порадовались этой перемене: «Не вернуться ли нам в ту церковь? Вдруг и молодежь крестить разрешат?»

«Давайте повременим. Может, это просто недобрый маневр, чтобы верующие не соблазнялись и не переходили к нам»,– предостерег я от поспешного шага. И точно: видя, что никто из отлученных и ушедших раньше не возвращается в зарегистрированную общину, Калибабчук с кафедры объявил: «По законодательству о религиозных культах мы не имеем права водить своих детей на со-

брания. Тогда я разрешил вам по собственной инициативе, но сейчас нам категорически запретили. Воспитывайте детей дома!»

Господь сохранил нас от неверного шага, потому что с любовью надзирал над нами. Вместе с малолетними детьми мы проводили богослужения и прославляли Господа.

●

Изменения произошли и в моих жилищных условиях: землянка, в которой мы ютились, от ветхости и сырости завалилась так, что от нее осталась гора земли. Слава Богу, детей не засыпало. Жена успела выскочить только с Библией. Всю нашу нехитрую мебель буквально раздавило. Детей мы временно разместили у соседей, а сами остались в уцелевшем коридорчике.

Средств на приобретение дома не было никаких. Моей малой зарплаты хватало только прокормить семью. А сотрудники милиции непонятно почему угрожали и заставляли приобрести жилье.

Господь не оставил нас. Когда я рассказал о своих обстоятельствах на работе, мне посоветовали в бюро инвентаризации при горсовете взять план на строительство дома. Я взял, и меня прописали согласно этому плану.

Семья Бойко. (Вознесенск, 1960 г.)

Но на какие средства строить и из чего? Господь со Своей чудной заботой и здесь вышел навстречу: на работе нам выдавали на дрова бревна и доски из разрушенных аварийных бараков. Их обычно отгружали напиленными. Я попросил отдавать целыми и постепенно собрал необходимый стройматериал.

Церковь наша была дружная. В больших работах мы помогали друг другу. Когда я приступил к строитель-

ству, то Бог положил на сердце все делать самому. Помогали мне только мой родной брат и дядя. Верующие сначала обижались: «Почему пренебрегаете нашей помощью?» Но позже поняли, что так было нужно.

(Позднее во время суда, меня усиленно допрашивали: «Кто тебе помогал строить дом?» Пришлось брать в свидетели соседей и родного брата, что верующие не помогали. Недруги, по-видимому, намеревались конфисковать дом и оставить мою большую семью без крова. Но Господь раньше об этом позаботился, и побудил меня строить самостоятельно.)

Дом с помощью Божьей я построил. Купили мы много стульев, я сделал небольшие скамейки для детей, и первым делом пригласили проводить у нас богослужения. Всем было просторно и уютно. Радостно мы восхваляли Бога вместе со всей церковью.

Глава V

В 1961 году Бог воздвиг в нашей стране великое пробуждение Своего народа. Вознесенская группа верующих с радостью откликнулась на призыв Господа через Инициативную группу. Включилась в ходатайства о созыве Чрезвычайного съезда церкви ЕХБ, от всего сердца приобщившись к гонимому братству, к его страданиям и трудностям.

С безудержной яростью ополчился враг душ человеческих на скорбящих о разрушенных святынях Господних. Я встречался с одним из братьев, возревновавшим о деле пробуждения, мы обменялись адресами. В 1962 году его арестовали и когда меня не было дома, нагрянули с обыском: начальник КГБ г. Николаева, зампрокурора г. Вознесенска с сотрудниками милиции.

– Муж приезжает на обед домой? – выясняли у жены непрошенные гости.

– Нет.

– Почему?

– Далеко ездить.

Начальник КГБ дал команду сотрудникам милиции, те вызвали меня с работы, посадили в «бобик» и, как ни в чем не бывало, выпустили у калитки.

– Зачем обманываешь, что муж не приезжает на обед? – с дерзкой усмешкой упрекнул он жену.

– Вы его привезли, вот он и приехал,– спокойно ответила жена, хотя взгляд ее был встревожен.

– Приступайте к обыску! – приказал начальник КГБ своим сотрудникам.

– У вас есть санкция прокурора? – пытался я остановить их.

– С нами зампрокурора – и этого довольно!

– Даже в присутствии самого прокурора и то нужно официальное разрешение.

– Приведите понятых! – не обращая внимания на мои протесты, распорядился начальник КГБ. – А вы,– указал он на меня и жену,– приберите детей к рукам!

Мы усадили детей на кровать рядом с собой. Начальник сел за стол, вынул из кармана пачку сигарет и демонстративно закурил.

– Прошу вас в моем доме не курить...

– Я нахожусь на рабочем месте и имею полное право делать, что захочу!

– В своем кабинете – да, а в моем доме не имеете права, да еще в присутствии малых детей.

– Мне положено!

Милиционер привел понятых – наших соседей.

– Сядьте за стол напротив,– позвал меня начальник КГБ.

Я сел. Он начал писать. Затем сделал глубокую затяжку и с каким-то диким наслаждением выпустил весь дым мне в лицо.

– Вам должно быть стыдно так вести себя в чужом доме. Вы человек с высшим образованием, зачем сами себя унижаете?

– Мы с тобой еще поговорим! – заносчиво пригрозил он мне. – Приступайте к обыску! – поторопил он подчиненных.

– Без санкции не делайте обыск! – снова возразил я. – И понятых не вовлекайте в беззаконное дело.

Уверенные в своей правоте и безнаказанности они тщательно обыскивали каждую щель в доме и на чердаке. Заглядывали в печь, в поддувало, что-то искали в золе. Штырями протыкали землю в огороде.

Всю духовную литературу, послания Инициативной группы, переписанные мной книги И. В. Каргеля, несколько общих тетрадей со стихотворениями и гимнами, конспекты проповедей и духовных заметок, которые я составлял, читая Библию в Воркуте, фотографии – всё изъяли. Я по неопытности не ждал обыска и не позаботился спрятать дорогие мне книги.

●

В августе 1962 года гонимое братство облетела скорбная весть: в г. Николаеве скончался на допросе в КГБ служитель Божий Николай Самойлович Кучеренко. Узнав об этом и видя, с какой циничностью и злобой производил в моем доме обыск начальник КГБ г. Николаева, я, молясь, приговорил и себя к такой же участи и принял внутреннее решение: лучше умереть, но остаться верным Господу.

Предположения мои были не напрасны. Вскоре после обыска меня увезли именно в Николаевский КГБ. По металлической лестнице поднялся я на 5-й этаж старинного здания. Следователь КГБ Гализдра ввел меня в кабинет и добродушным тоном попросил:

– Бойко, нам нужна твоя автобиография. Времени у тебя много, садись, спокойно напиши.

Пригласив к столу, он положил лист бумаги, ручку, а сам вышел.

Стал я писать, а потом помолился и сразу пришла ясная мысль: в этих стенах знают не только мою, но и биографию моего деда и прадеда.

– Ну, как пишется? – вошел следователь проверить, что я делаю.

– Не привык я писать такие вещи, да и для чего не знаю...

– Она нужна нам. Не спеша, восстанови в памяти всё пережитое и опиши. Мы тебя не торопим,– и снова вышел.

Я сложил листок, на котором начал писать, порвал на мелкие кусочки и бросил в открытую форточку,– они разлетелись, как снег. А сам мысленно молился. Слышу, по лестнице кто-то бежит. Открыл дверь дежурный в военной форме. Посмотрел, что я сижу один, и также быстро побежал вниз.

Тихо. Я помолился: «Господи, умереть, так умереть, но помоги мне остаться Тебе верным...»

Послышались мерные неторопливые шаги. Вошел Гализдра.

– Написал?

– Да.

– Отдай мне.
– Я порвал и в форточку выбросил.
– Лжёшь!
– Посмотрите.
Он выглянул.
– Там ничего нет.
– По-видимому, собрали внизу.
– Я должен тебя обыскать...
– Пожалуйста.
– Зачем порвал? – спросил он, ничего не найдя.
– Знаете, прежде чем сюда вызвать, вы знали все не только обо мне, но и о моих далеких родственниках.
– А-а! Ты вот как себя ведешь?! – изменился он в лице. – Ну, пошли!
Мы спустились на 3-й этаж, вошли в кабинет, где сидели замначальника КГБ и другой следователь.
– Садитесь, Бойко.
Сначала, чтобы я разговорился, задавали вопросы на отвлеченные темы: какая семья, где работаю, когда и как уверовал. А потом неожиданно:
– Где вы встречались с... – назвал фамилию арестованного брата, с которым мы обменялись адресами.
– На вопросы о моих единоверцах и о моем убеждении я отвечать не буду.
– Почему?
– Вы не имеете права вторгаться в мою внутреннюю жизнь,– спокойно и уверенно ответил я.
– Бойко, мы знаем, что вы хороший специалист, ваша фотография на доске почета... Почему вы не хотите дать нужную нам информацию?
(Допрос ведут в Николаеве, а фото – в Вознесенске!)
– Я уже ответил.
– Вы же воспитывались в советской системе, были секретарем комсомольской организации, почему не хотите нам помочь? Скажите, вы встречались с Крючковым? Сколько раз были в Одессе?
– Отвечать на эти вопросы я не буду.
– Ты что, не знаешь, где находишься? – возмутился другой следователь.

– Знаю. В КГБ.

– Так вот, Бойко: отсюда тебя теперь ни один Бог не выпустит!

– Если нужно, Господь и отсюда выведет.

– Мы знаем, что ты отбывал срок, где белые медведи, а сейчас отправим туда, где «Макар телят не пас»!

– Но даже и там Христос Своих овечек пасет!

– До каких пор ты будешь нас мучить?! – стукнул он по столу кулаком.

– Вас трое, а я один – как я вас мучаю?

– До каких пор ты будешь здесь плясать? – в ярости стукнул он еще раз по столу.

– Я спокойно сижу на стуле...

– Бойко! Мы тебе покажем! – продолжали они угрожать.

– Скажите, пожалуйста, вы коммунисты? – спросил я.

– Да,– сбавив грозный тон, ответили они.

– А кто для вас Ленин?

– Вождь.

– А мой вождь – Иисус Христос, и за Него я готов не только страдать, но и умереть. А вы, когда вас никто еще не гонит, извратили и нарушили все законы вашего вождя: и Декрет, и Конституцию,– и стал по памяти цитировать основные тезисы из Декрета.

Затем прочитал выдержки из брошюры академика Струмилина «Бог и свобода», изданной в Москве в 1960 году.

– Это пишет ваш человек...

– У нас – демократия,– снисходительным тоном сказал следователь.

– Почему же тогда вы говорите, что Бога нет – на площади, а верующим даже своих детей запретили приводить в молитвенный дом? От Львова до Владивостока все магазины переполнены атеистической литературой, но ни в одном не найти христианской газеты или книги! Почему?

– У нас – социалистическая демократия, и это нужно понимать...

– Вы истолковываете ее, как вам удобно.

Два дня прошло в таких беседах. На время обеда меня отводили к дежурному. Рядом – лестница в подвал. «Там, наверное, мучили брата Кучеренко»,– предполагал я и внутренне готовился к той же участи.

Вечером второго дня следователь привел меня в свой кабинет

на 5-й этаж, а сам ушел. Через время ввел мужчину и женщину, понятых.

– Я вас пригласил с улицы для того, чтобы вы, как свидетели, подписали акт, что этот человек отказывается давать какие-либо показания.

Пока следователь составлял акт, я разговорился с понятыми: «Я – верю в Иисуса Христа, а они (указал на следователя) вмешиваются в мою внутреннюю духовную жизнь, не имея по закону на это права, к тому же – церковь отделена от государства...»

«Неужели вы такой молодой и верите в наше время в Бога?!» – удивлялись понятые.

Я продолжал рассказывать о себе, о вере в Бога.

– Прекрати! – закричал следователь. – В стенах КГБ вздумал проповедовать!

– Вы только напишите, почему я отказался от показаний,– попросил я следователя.

Понятые подписали акт и ушли. А меня освободили только на следующий день утром.

– У тебя есть деньги на дорогу? – неожиданно спросил следователь.

– Нет.

– Вот тебе деньги на обратную дорогу и справка – предъя́вишь начальнику на работе. И не думай, Бойко, что Бог тебя освободил! Это – мы, ради твоих четверых детей. Но это – не последняя наша встреча. Мы тебя не оставим без внимания...

Вернулся я домой, жена – в скорби: ее посетил служитель, перешедший в нашу группу из зарегистрированной общины, и сказал: «Всё, Валя... Николай не вернется...»

Оказывается, его в тот же день, что и меня, вызвали в городское отделение милиции. Какие беседы с ним вели, чем угрожали, он скрыл. Его отпустили в тот же день, и он сразу вернулся в зарегистрированную общину. Покаялся, что ходил к отделенным, и его приняли, но уже не служителем, а рядовым членом церкви.

О своих беседах в КГБ я рассказал церкви. «Как будем жить дальше? – спрашивали меня,– будем ли продолжать собираться?»

Богослужений мы не отменили. Церковь росла, дети славили Господа. С благовестием в сёла мы продолжали ездить. Из проповедников, можно сказать, был один я.

Нам угрожали, нас гнали, но нашу ревность по Боге никто не мог угасить – все пламенели любовью ко Христу. Церковь знала, что я приговорил себя к смерти. «Если страдать, так страдать, если умереть, так умереть, только бы остаться верным Господу!» – убеждал я братьев и сестер. Глядя на мою искренность и готовность, все были бодры, не унывали.

Духовному росту общины содействовало и посещение одесских служителей. Они совершали у нас вечерю Господню.

Иногда нас посещал старший пресвитер ВСЕХБ по Одесской области А. Г. Квашенко. Он предупреждал церкви гонимого братства о грозящих опасностях. Рассказывал, какую неприглядную работу проводят служители ВСЕХБ и чтò они совместно с гонителями готовят против истинной церкви. Сообщал о рядовых верующих, которые сотрудничают с органами власти.

Всё так и было. С 1962 по 1968 гг. я находился под пристальным вниманием сотрудников КГБ. За моим домом велась постоянная слежка. К этой работе подключили даже соседей.

Поскольку я работал в домоуправлении, которое располагалось в здании горсовета, то прибывшая из Николаева группа работников КГБ для наблюдения за мной, работала и отдыхала в одном из кабинетов горсовета. Как только я появлялся, они пытались вступить со мной в разговор. Им, по-видимому, было поручено приглашать лекторов-атеистов, чтобы переубедить меня, бывшего атеиста и комсомольского работника. Я потерял счет, со сколькими лекторами беседовал.

Господь научил меня не полагаться на свой разум, а постоянно пребывать в молитвенном общении с Ним. Мысленно я всегда взывал к Господу и полностью полагался на Его Слово: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, чтò вам говорить, и не обдумывайте; но чтò дано будет вам в тот час, тò и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой» (Марк. 13, 11). Вызывают ли на лекцию или ведут в кабинет на беседу – иду молюсь, сижу молюсь, идет беседа – я в непрерывном контакте с Господом: «Боже! Дай им понять, что они имеют дело не со мной, ничего не значащим человеком, а с Тобой! Прославь Свое великое имя!» И Дух Святой по Своему верному обещанию приводил в ничто их безбожные доводы.

– Как поживаете, Бойко? – приветливо спросил меня лектор (рядом стоял второй).

– Слава Богу!

– Неужели вы, советский человек, учились в советской школе и верите в какого-то Бога?

– Не только верю, но знаю и глубоко убежден, что Бог есть!

– Космонавты поднялись в космос и никакого Бога не видали!

– Меня это ничуть не удивляет.

– Почему? Весь мир торжествует.

– Вы опускаетесь глубоко в недра земли, поднимаетесь высоко в космос, а свое сердце, что под рубашкой, не знаете, а хотите увидеть Бога.

– Если бы Он был, то космонавты увидели бы Его.

– Скажите, у вас совесть есть?

– Есть,– отвечают.

– И разум?

– И разум есть.

– Тогда покажите мне вашу совесть и ваш разум. Если не покажете, то кто вы тогда?

Лекторы молча переглянулись.

– Хирург с мировым именем может тщательно исследовать всего человека, но ни любви, ни страха, ни ума, ни совести, ни памяти не найдет и следа. В том-то и дело, что человек не только материален, но и духовен, поэтому вы не можете мне показать ни совести, ни ума. И Бога, дорогие мои, вы не можете увидеть физическими глазами. Он – не материален. В Библии сказано: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Другой коммунист в беседе со мной утверждал, что он верит лишь в то, что видит.

– Вы же себя обманываете,– остановил я почтенного человека. – Скажите, вы Ивана Грозного, Петра Первого видели?

– Нет.

– Но верите, что эти люди когда-то жили?

– Верю, потому что история о них говорит.

– И о Боге ясно, доступно, обстоятельно повествуется в Библии, поэтому мы верим в Его существование. Да и вообще, человек многое воспринимает на веру, потому что в нем есть душа.

– Никакой души нет! – поучительно возразил коммунист.

Бог устроил нас так, что мы можем говорить и мыслить одновременно. Я не знал, как разубедить его, и мысленно воззвал к Богу,

и Он мне помог. Перед нами за окном росло красивое дерево.

– Будьте добры, скажите, это дерево живое?

– Ясно, что живое.

– И мы с вами – живые, но какая разница между деревом и нами?

Мой собеседник на минуту задумался.

– Я вам напомню очень простую истину, которую вам и мне преподавали в школе: человек – одушевленный предмет, а дерево – неодушевленный. Значит, есть и у вас, и у меня душа, и она бессмертна.

Этот высокий в обществе человек конечно знал эту элементарную истину, но враг душ человеческих через засилье атеистического воспитания вытравил в людях простое и верное мышление.

●

Вознесенская незарегистрированная община была частью гонимого братства, духовное попечение о которой нес Совет церквей. В наших краях проходили совещания служителей Совета церквей и областные общения. Меня, как ответственного за Вознесенскую церковь, приглашали на эти общения, и я старался не пропустить ни одной встречи.

Церковь наша участвовала в ходатайствах об узниках. Но о Майской делегации 1966 года в Москве я не знал, поэтому там и не был. Позже я узнал, как поступили гонители с верными защитниками дела Божьего, отстаивающими независимое от мира служение церкви.

В 1967 году в конце апреля меня, еще одного брата и двух сестер вызвали в горсовет. Работник КГБ из Николаева предупредил нас:

«Если вы еще раз соберетесь на свои моления и мы услышим, что хотите устроить митинг, мы вас найдем и арестуем! А тебя,– указал он на меня,– в первую очередь!»

«Собраний не прекратим – это наше право, а судить – судите, это – ваше право»,– ответил я.

«Запомни, Бойко! Я с тобой разговариваю последний раз! Панькаться с тобой я больше не буду – в этом я тебя уверяю!» – жестко и категорично оборвал меня работник КГБ.

Кто бы мог подумать, что слова этого грозного человека так быстро сбудутся! Действительно тот наш разговор для него был по-

следним! 1 мая после демонстрации он повесился в своей квартире. Его похоронили без всяких почестей.

●

Мои дети любили рассказывать стихотворения в собрании, хорошо их запоминали. Когда я возвращался с работы, они рассказывали мне, кто что выучил за день. Весной 1968 года старшая дочь вложила в учебник листок со стихотворением «Бог есть» и пришла с ним в школу. Одноклассники каким-то образом взяли его и, передавая один другому, с интересом прочитали. Потом стихотворение попало к преподавателю, та огласила его в учительской и, конечно, оно оказалось у директора школы. Он меня и вызвал по этому поводу.

– У вашей дочери нашли стихотворение религиозного содержания. Зачем она принесла его в школу? Вы знаете, что у нас в стране школа отделена от церкви?

– Я не заставлял ее это делать, она, по-видимому, забыла выложить этот листок.

– У нас религия не запрещена. Молитесь вы, взрослые, но не навязывайте детям своих убеждений.

– Не запрещена религия только на словах, а на деле за веру в Бога в тюрьмах и лагерях находятся много верующих именно в наши дни. Некоторых верных христиан, таких как Николай Кучеренко из Николаева и Хмара Николай из Кулунды, замучили за веру.

– Не может быть! Не может быть! – удивлялся и робел от моих рассказов директор.

– Я сам был некогда атеистом, а потом, будучи в плену, нашел листок с молитвой «Отче наш». Стал молиться этой молитвой, и Бог меня услышал и ответил на мои просьбы. После этого я уверовал в Него. Теперь у меня и жена, и дети верующие, но меня без конца преследуют за веру сотрудники КГБ.

Для директора это было большой и страшной новостью. Он не мог поверить моим словам.

●

В этом же 1968 году я однажды отлучился из дому, чтобы отремонтировать насос по просьбе верующей сестры. Только я располо-

жился, прибегает дочь: «Папа, тебя просит прийти какой-то дядя...» Я вернулся.

– Николай Ерофеевич! – встретил меня мой начальник по работе. – Срочно нужно подключить водопровод в новый дом.

– Все наземные городские коммуникации я знаю, но за эту трассу несут ответственность монтажники. Вторгаться в их работу я не имею права.

– Вы только покажите, где можно подключиться,– настаивал он.

Я сел в его машину, и мы поехали. Осмотрев люк, я досконально объяснил начальнику, откуда и как провести водопровод в подвальное помещение нового дома.

Выходим с ним из подвала,– стоит начальник КГБ города Вознесенска!

– О, Бойко! – и прямо на улице задает мне один вопрос, второй. Я отвечал.

– Бойко! Вы прекрасный специалист, хороший семьянин, зачем вам верить в Бога?! Мы можем дать вам хорошую квартиру...

– Благодарю! У меня свой дом 6х9, лучшего мне не нужно!

И снова – вопросы, ответы. Задал и я ему вопрос. Он, на удивление, признался:

– Знаете, Бойко, я не компетентен в этих вопросах. Хотите, я могу устроить вам диспут с лектором?

– Диспуты были при Луначарском, сейчас их нет.

– Я все могу устроить, только согласитесь.

– А после диспута вы меня... – и, сложив пальцы, показал тюремную решетку.

– Нет, что вы! – заверил он меня.

Наш разговор слышал мой начальник.

– Иван Иванович,– обратился он к работнику КГБ,– я сто человек не променяю на одного Бойко. Он избавил нас от всяких ЧП (чрезвычайные происшествия)! Сколько было неисправностей до его прихода – все устранил! Он не пьет, не курит, не ругается, весь город его уважает! Где какая авария – он даже ночью тут как тут!

– Знаю-знаю, что он хороший человек. Одно его портит – он верит в Бога...

Это было в субботу. На следующий день, в воскресенье, я поехал на велосипеде на собрание. Учитывая, что за моим домом неотступно следят, я, сбивая ориентир наблюдателей, поехал в про-

тивоположную сторону. Объехал несколько кварталов и, убедившись, что за мной никто не следует, подъехал к дому, где намечено богослужение.

(Муж верующей сестры позже рассказывал, что примерно с 11 часов утра сотрудники милиции на машинах разыскивали, где собрались верующие. Только в первом часу дня, когда кончилось богослужение, они нашли нас.)

В этот день к нам приехала одесская молодежь. На собрании детей было больше, чем членов церкви! Благословенное служение закончилось, кое-кто ушел. Остались молодежь и несколько детей. И вдруг – милиция! А с ними – начальник КГБ г. Вознесенска Иван Иванович и его сотрудники. Заглянув в зал и убедившись, что я там, он вышел. Начался обыск. У верующих вырывали из рук духовную литературу, проверяли документы.

– А эта молодежь откуда? – указывая на одесситов, поинтересовались работники спецслужб.

– Это наши друзья во Христе.

– Чтоб вас здесь не было! – пригрозили им, а меня посадили в милицейский «бобик» и доставили домой.

На крылечке сидел мой брат и жена с детьми – они раньше меня пришли с собрания.

Сотрудники КГБ и милиции смело вошли в дом.

– Начинайте обыск! – распорядился сотрудник КГБ.

– И опять без предъявления санкции?

Привели понятых, произвели обыск. У меня, кроме Библии и Гуслей, да общей тетради со стихотворениями ничего не было. С 1962 года в моем доме прошел не один обыск.

«Ну что, берем его?» – уходя, спросил сотрудник милиции у начальника.

Работник КГБ отрицательно качнул головой.

Я понимал сложившуюся вокруг меня обстановку: попытки переубедить меня с помощью лекций не дали нужных им результатов: я от веры в Бога не отказался и они решили меня изолировать.

Два месяца спустя после обыска, 20 июня 1968 года, я встал рано с тревожным сердцем. Подходя к спящим детям, я над каждым помолился. Валя, войдя в комнату, всё поняла.

– Дорогая, подошло время моего ареста, о котором я тебе говорил еще до брака.

– На кого же ты оставляешь семерых крошек? (Жена ожидала восьмого.)

– Валечка, я – отец, но мои силы и возможности ограничены. Поручаю вас Богу всемогущему и всесильному...

Жена заплакала. Мы помолились вместе, поплакали, и я пошел на работу.

Только я вошел в мастерскую, мне сообщили, что вызывает начальник. В его кабинете меня ожидали два незнакомца.

– Хотят с вами побеседовать,– сочувствующе взглянув на меня, сказал начальник.

Они пригласили меня в машину, привезли в прокуратуру и начали беседу.

– Неужели вы в наше время верите в Бога?!

– Я убежденный христианин.

– Зачем вам нужен Бог? Вы – отличный специалист. Вам могут дать приличную квартиру!

– Извините. Променять вечную жизнь на временную, как бы хороша она ни была,– никогда не соглашусь!

– У вас столько детей, хотя бы их пожалели...

– Мои дети – под опекой Отца Небесного.

Сотрудники КГБ неоднократно напоминали мне о детях, и я подумал: не намерены ли они отнять их у нас, ведь ни у жены, ни у меня не было таких родственников, которые могли бы взять их на попечение. Я возложил упование на Господа и в отношении детей.

– Ну и фанатик же ты! – резко изменили тон разговора сотрудники. – Молись сам, хоть лоб разбей, но сиди дома!

– Процитирую вам выдержку из Евангелия: «Если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом...» Общение – неотъемлемая часть моего служения Богу. Не посещать собраний я не могу. Это равносильно неверию в Бога.

– Ходил бы в православную церковь...

– Там мне нечего делать.

– Тогда шел бы в зарегистрированную...

– Буду ходить туда, куда мне Господь велит.

– В таком случае – будем тебя судить!

– И по какому же закону? Конституция гарантирует каждому свободу вероисповедания.

– По постановлению 23 съезда КПСС!

– Сколько по таким постановлениям безвинно уничтожили людей, а потом посмертно реабилитировали...

– Во время культа личности «перегнули палку»...

– Вы ее и сегодня перегибаете. Придет время, и, как вы сейчас признали эти перегибы, так и тогда своими устами подтвердите, что поступали со мной вопреки закону. Поэтому ни на один вопрос, касающийся моих убеждений и моих единоверцев, я отвечать не буду. Не задавайте эти вопросы.

– Будешь! – строго и властно произнес работник КГБ.

– Не буду.

– Заставлю! – закричал он и в ярости вскочил.

– Не всех вам удавалось заставить.

– Заставлю! И на всё, что мне нужно, ответишь!

– Извините! Но если эта стенка вашего кабинета белая, вы никогда не заставите меня сказать, что она черная.

– Не таких заставляли!

– Не угрожайте мне смертью. Что мне смерть, когда я верю в бессмертие?!

– Уведи его отсюда! – приказал он дежурному.

Я никогда не считал себя смелым и ясно сознавал, что по молитвам церкви Бог посылал мне мужества, не боясь разговаривать с недругами дела Божьего. Господь явно укреплял меня и давал силы приговорить себя к смерти.

Глава VI

На второй день после ареста следователь вызвал меня на допрос. В дверь кто-то постучал.

– Можно мне поприсутствовать?

– Если Бойко не против.

Я не возражал.

Следователь расспрашивал о многом и всё издалека. Как только спрашивал об убеждении, единоверцах, о поездках, я молчал.

– Можно мне задать несколько вопросов Бойко? – заговорил по-

сетитель, который оказался редактором николаевской областной газеты «Южная правда».

– Если Бойко согласен.

– Пожалуйста, задавайте.

– Бойко, вы воспитывались при нашей системе и неужели верите, что дева Мария родила Христа?

– У Бога не останется бессильным никакое слово! Он создал словом Вселенную, сотворил нас с вами, и силой могущества Его слова родился Христос.

– Скажи, кто втянул тебя в секту, ведь ты же был комсомольцем?

– Да, в молодости я был атеистом. Есть такая поговорка: «Кто не был молод, тот не был глуп». Повзрослел, наступила пора размышлений. Плохие поступки стали меня тяготить и противоречили моему уму. Бороться против них я оказался бессильным. Но когда обратился к Господу, Он изверг, подобно вулкану, из моей души всякую нечистоту и скверну плоти и духа! С тех пор я дорожу честностью и всем тем святым и добрым, что составляет истинную красоту и гармонию человеческой души.

Да, я был комсомольцем, но в то же время пил, воровал, хулиганил. Спросите теперь у жителей города – они почти все меня знают – кто-нибудь заметил за мной плохое?

Редактор смотрел на меня недобрым, осуждающим взглядом:

– Лучше бы ты был вором, пьяницей, убийцей, чем веришь в Бога!..

– Тогда мне с вами говорить не о чем.

– Видишь, как он себя ведет? – словно жалуясь, сказал следователь. – Я здесь не буду вести его дело и увезу его в Николаев.

Он исполнил свое слово: через два дня меня в Вознесенске уже не было.

Позже я узнал, что после моего ареста сотрудники КГБ распространили слух, что при обыске в моем доме якобы нашли рацию, антисоветские листовки, оружейный склад и, чтобы настроить жителей города против верующих, утверждали, что я принес в жертву ребенка. Город гудел, как растревоженный улей. Все ждали суда, чтобы узнать правду. В газетах одна за другой печатались клеветнические статьи о верующих и непосредственно обо мне.

Следствие шло полным ходом. На допросы вызывали не только верующих, но и учителей, соседей. При этом нужные суду показания

получить им не удавалось. Допрашивали и мою старшую сестру. Она ничего плохого обо мне не сказала, но протокол допроса подписала.

Жена моя горевала вместе с ней: «Мария, ты защищала Колю, но зачем подпись поставила? Они допишут на твоем листе что угодно, а на суде скажут, что это – твои слова...»

На следующий день жена пошла в прокуратуру, чтобы, если удастся, хоть взглядом со мной встретиться, и Мария пошла с ней.

Войдя в кабинет следователя, Мария попросила прочитать свои вчерашние показания. Следователь, работник КГБ Ипатьев из Николаева, протянул ей листок. Она держала его в руках буквально мгновение и успела только прочитать одну фразу, которую не говорила: «Нужно отнять у него детей...» В ужасе она стремглав выбежала с этим протоколом допроса на улицу! Бежала и рвала листок на мелкие клочки и тут же разбрасывала.

Следователь совершенно не ожидал такого оборота дела. Выбежал за ней. «Ох, эти базарные бабы!» – в гневе досадовал он.

Догонять Марию было бесполезно. Клочки бумаги уже разлетелись по всем сторонам...

Мою младшую сестру, Юлю (она работала главным бухгалтером), следователь запугал: «Если не откажешься от брата, уволим с работы!» И она заявила: «Я не признаю его за брата и отрекаюсь от него, потому что он пошел по ненужному пути».

Я не затаил на нее обиду. Она – человек неверующий и не имела силы устоять перед принуждением отречься от меня. (Позже она просила у меня прощение. Сейчас она – член зарегистрированной церкви.)

Не оставили в покое и моего брата. Он работал в пожарной команде и был на хорошем счету у начальника. Всю документацию вел добросовестно, наряды закрывал верно. Ревизионные комиссии (они участились после того, как брат на допросах говорил обо мне только хорошее) не находили никакого компромата.

После очередного допроса они взяли с брата подписку, что он приведет моих детей в прокуратуру для допроса в присутствии учительницы. Он, не распознав коварства, привел троих старших (Люду – 11 лет, Веру – 10 лет и Павлика – 9 лет). В прокуратуре встретил мою жену и сестру по плоти Марию.

Валя, увидев детей, обомлела. От душевных страданий ей хотелось рыдать. От Марии она уже узнала, что гонители действи-

тельно намереваются отнять детей. Валя ожидала восьмого ребенка и, опасаясь, чтобы для нее не вызвали «Скорую помощь», молилась и просила у Господа силы спокойно всё перенести.

«Павлик, сынок, на тебе деньги на проезд, беги, что есть силы, на улицу Ленина и поскорей езжай домой. Там возьми остальных детей, и сразу куда-нибудь уйдите, спрячьтесь, а то вас всех заберут...» – наставила она сына, и он исполнил все. Дети целый день просидели в винограднике у верующей сестры.

Сотрудники милиции несколько раз подъезжали на «бобике» к моему дому, разыскивали малолетних детей. Но дом был пустой: Павлик увел малышей, а Валя находилась в прокуратуре со старшими: Людой и Верой.

«Лёня, что ты сделал? – объясняла жена моему брату. – Это же дети! Они могут что-нибудь сказать и будут свидетелями против родного отца! Дети только проснулись, не привели себя в порядок, не завтракали, и ты таких их привел!»

«Уж этого я никогда не предполагал, что дети будут свидетелями!» – оправдывался Лёня.

Но было уже поздно: Люду ввели в кабинет для допроса. Слышно было, что она все время плакала и твердила: «Мой папа хороший! Мой папа хороший!» Когда ее выводили из кабинета, она както беспомощно обмякла и не могла идти. От переживаний и нервного напряжения, по-видимому, отнимались ноги.

Вторая дочь, Вера, по-детски не сознавая серьезности обстановки, все время усмехалась на допросе, ничего не говорила и ни на что не соглашалась. Ее угощали конфетами, обещали купить красивые туфли, только бы она сказала, что папа заставлял их ходить на собрания. Она усмехалась и молчала.

После допроса Мария привела детей в свой дом. А ранним утром следующего дня Валя отправилась с сыновьями к двоюродному брату и пробыла там неделю. Всех меньших отвезли к верующим на станцию Помошную.

За нашим домом наблюдали не только соседи, но и работники КГБ. «Куда исчезла мать? Где дети?» – недоумевали они, подъезжая к закрытому дому. Бог сокрыл малых деток: никто из наблюдавших не заметил, как их отвозили в разные места.

Валя, видя, что работники КГБ не оставляют слежки за домом, поехала в Совет родственников узников и обо всех беззакониях, чи-

нимых над малыми детьми, они отправили телеграмму Л. И. Брежневу, сообщили об этом всей церкви. После ходатайств преследование детей прекратилось.

План похищения моих детей сорвался, но брата моего сотрудники КГБ не оставляли в покое. Против него собрали производственное собрание, настраивая коллектив выйти с ходатайством перед прокуратурой об его аресте.

«Да, мы кровные братья. Но неужели это является преступлением, за которое можно устроить такую травлю?» – откровенно возмущался брат.

«Что творится, товарищи? – негодовал начальник производства. – Если бы он был верующий! Лёня же – неверующий! Он просто его родной брат!»

Через время звонят Лёне из Николаева: «Срочно привези Николаю в тюрьму передачу (виноград и др. продукты)». На этот раз он посоветовался с родными. «Не ловушку ли они тебе устраивают? Пусть поедет Мария»,– решили родные, и Мария повезла передачу.

Следователь, увидев ее, возмутился: «Почему Лёня не приехал? Мы звонили, чтобы он привез!» И никакую передачу не приняли...

Много раз Лёню вызывали в николаевскую прокуратуру, но он был уже осторожен и не приезжал. А сотрудники КГБ вызывали даже рабочих, чтобы наблюдали за ним и помогли собрать на Лёню компромат. После этого брат не выдержал и уволился с работы.

В мой дом с проверкой и обыском часто приезжали работники разных служб. Изъяли даже документы о реабилитации за первую судимость. Когда жена с рождением нового ребенка находилась в роддоме, за детьми присматривала верующая сестра.

«Как работники КГБ надоели! – сетовала она. – То одно проверяют, то другое, все углы по нескольку раз просматривают! Однажды взобрались на чердак, я хотела даже лестницу убрать...»

Со дня моего ареста и до суда, то есть с 20 июня по 25 сентября, наша соседка (из окон ее дома хорошо просматривался наш двор) не выходила на работу ни одного дня! Всё, что говорилось в моем доме и во дворе, было известно в КГБ. Родные и верующие выходили в огород и там разговаривали. В таком напряжении приходилось жить моей семье во время следствия по моему делу. Но Господь утешал и укреплял, и родные безропотно несли все тяжести вместе со мной.

В сентябре 1968 года дело передали в суд.

Вечером меня увезли из Николаева, а наутро в Вознесенске уже был назначен суд. Привезли меня в «воронке» к вознесенскому Дому культуры и в окружении сотрудников милиции повели в зал суда. Пока меня вели, моя сестра Мария успела крикнуть: «Коля! Сколько на тебя вылито клеветы! Никого не пускают на суд, даже родных!»

«В таком случае я откажусь от суда!» – успел я ответить.

Оттеснив толпу, меня ввели в зал суда.

Процесс устроили показной. Установили теле и радиоаппаратуру. На рынке рядом с Домом культуры прикрепили громкоговорители. Народ сначала толпился у громкоговорителей, а потом, столкнувшись с неприкрытым обманом, уходил, потому что вопросы судьи, прокурора отчетливо слышались, но как только начинал говорить я, громкость умышленно убавляли, и ничего не было слышно.

«Бойко, я – ваш защитник»,– встретил меня бывший судья, которого я знал.

«Мой защитник – Бог, с Его помощью я буду защищаться сам».

«Я – государственный защитник, не платный»,– пояснил он.

«Я не нуждаюсь в вашей защите».

В зале суда народу много, но все чужие незнакомые, кроме директора школы и учителей. Оказывается (об этом я узнал позже), на суд собрали со всей области активных комсомольцев, коммунистов, дружинников. На время суда разместили их в гостинице, кормили в отдельной столовой.

Через время открыли боковую дверь. Смотрю, идут первыми: моя сестра с дочерью, затем гуськом все мои семеро детей, а за ними – жена.

Если бы я увидел ее плачущей, мне трудно было бы спокойно участвовать в судебном разбирательстве. Она же, войдя в зал, подняла руку и громко приветствовала меня:

«Коля! Во имя Иисуса Христа, дерзай!»

Сидящие в зале повернулись в ее сторону. Она прошла в центр и еще раз воскликнула:

«Дерзай, Коля, во имя Иисуса Христа!»

Ее ликующий дух ободрил меня. Я почувствовал приток силы. Не ожидал я, что Господь так чудно поддержит и ободрит меня через жену!

В зал вошли: прокурор из Николаева и общественный обвинитель из Николаева (женщина-юрист). Зачитали обвинительное заключение, и я попросил слово.

– Граждане судьи и прокурор! Как может быть обвинителем от имени общественности человек, который меня не знает и не знает жителей города, рабочего коллектива, где я работал?

– Это не ваше дело,– оборвал судья.

– В таком случае я отказываюсь от обвинителя. Кроме того: в Вознесенске есть прокурор и два его заместителя, почему в составе суда прокурор из Николаева?

– И это не ваше дело. Отвечайте на вопрос: кто втянул вас в эту веру?

– Никто. Господь меня нашел и привлек к Себе.

– Бойко, с вами беседовали много лекторов и не могли вас переубедить. Где вы получили образование?

– В Библии написано: «Кто любит Бога, тому дано знание от Него».

Учителя по ненависти к моим детям лгали: «У Бойко дети забитые, замкнутые, неграмотные...»

– Граждане судьи! В деле есть показания учительницы моего сына Яши, и написано следующее: «Яша в дошкольном возрасте уже знал 70 христианских стихотворений...» 70 он не знал, но 40 – это точно, даю вам гарантию. Теперь рассудите: как забитый, «затурканный», как вы называете, ребенок может выучить столько стихотворений, состоящих из 12 и больше куплетов?

– Все дети резвятся на перемене, бегают, а ваши соберутся и шушукаются! – обвиняла следующая учительница.

– Наши дети кроткие, не привыкли толкать друг друга, бегать по школе. Они воздержанные, не балуются и не хулиганят.

– Вы детей силой заставляете посещать ваши моления! – возмущалась следующая учительница. (А их в суде значилось 34 свидетеля!)

(Когда класс, где училась моя дочь, принимали в пионеры, всех выстроили. Не принесла галстук только моя дочь. «Бойко, почему нет галстука?» – спросила пионервожатая. «Я не буду пионеркой, я верю в Бога»,– ответила дочь. «Марш домой и без галстука не приходи!» – крикнула вожатая и толкнула ее так, что она упала и поранила колени и локти в кровь. Пришла домой и говорит:

«Мама, посмотри, как толкнула меня вожатая! Если будешь даже заставлять вступить в пионеры, не пойду!»)

Зная этот случай, я попросил Людочку рассказать об этом в ходе суда. Она не побоялась и громко об этом рассказала.

«Граждане судьи, вот кто проявляет насилие»,– подтвердил я слова дочери.

В первый день суда мне не позволили больше говорить.

Свидетелем на суде был и пресвитер Вознесенской зарегистрированной общины.

– Товарищ Коваленко, что вы можете сказать о подсудимом Бойко?

– Он с кафедры проповедовал не подчиняться законам государства и Конституции.

Больно было слышать такие слова от верующего человека. С кафедры я никогда таких слов не произносил. В частной беседе я говорил, что не согласен с Законодательством о религиозных культах, потому что оно противоречит основному закону страны.

На второй день суда принесли «вещественные доказательства», на основании которых оформлялось на меня уголовное дело. Это была отобранная при обыске духовная литература.

– Это ваши книги?

– Обыск в моем доме производили без санкции прокурора, акта об изъятии я не подписывал. Дайте мне посмотреть эти книги, я покажу, какие мои.

Секретарь подавала мне книги. Чужие я откладывал в сторону. Подала мою Библию! Я поднял ее и сказал:

«Граждане судьи! Уважаемая публика! Это – Библия, о которой не посмел произнести осуждающего слова русский критик Белинский, а только сказал: "Библия – всем книгам Книга!" Эта Книга открыла мне глаза, указала истинный путь, цель и смысл жизни!»

И положил ее. Взял «Гусли» и тоже, подняв, сказал:

«Это печатный сборник религиозных песен,– какое богатое содержание этих песен!»

«Это моя общая тетрадь,– показывал я сидящим в зале. – В ней я собственноручно писал стихотворения чисто религиозного содержания».

Остальные книги мне не принадлежали.

В зал суда пытались пройти жители города, чтобы посмотреть на «вещественные доказательства моей преступной дея-

тельности»: на оружие, склад которого якобы был обнаружен в моем доме, на рацию, посредством которой якобы я выходил на связь с Америкой.

Но ничего подобного не было представлено на суде, да и откуда этому взяться?! Просто гонителям нужно было в оправдание своих беззаконий распространить клевету и настроить против моей семьи общественность города.

Секретарь унесла книги. Стол остался пустой. В зале поднялся шум. У слушателей пропал интерес. Выступление прокурора сопровождалось выкриками. Судья пыталась звонком навести тишину – бесполезно.

После совещания суда зачитали приговор: по ст. ст. 209 и 138 УК УССР – 5 лет лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима и 5 лет ссылки. (10 лет! Как Господь мне открыл еще в Воркуте.)

– Бойко, что вы скажете суду в последнем слове?

– Граждане судьи! Я благодарю моего Бога, что Он удостоил меня великой и незаслуженной чести: быть живым свидетелем о живом Боге в нашем безбожном XX веке! Много ли, мало ли, но молю Бога, чтобы страдания мои и моей большой семьи были последними страданиями Церкви Христовой на земле.

Судья не дала договорить. «Хватит, Бойко, хватит!»

В Вознесенске мне не предоставили даже положенного после суда свидания с родными и сразу отправили в Одессу, так как в народе было сильное волнение. Жители возмущались. «Весь город обманули! Ничего у Бойко не нашли!» – открыто высказывались начальник и инженер, где я работал. За эти высказывания их уволили с работы. Ни один человек с производства, где я работал, не стал свидетелем на суде!

Директор школы, где учились мои дети, ушел из зала суда, не дождавшись конца, когда увидел, что меня судят за убеждения. После суда надо мной он запил и его уволили.

●

Служитель, который из-за угроз вернулся от нас в зарегистрированную общину, будучи сам сломлен в духе, расслаблял упование верующих Вознесенской церкви. «Собираться на собрания незачем, все равно Николая не освободят...» А жене говорил: «После

строгого режима он не вернется! На свидания к нему ездить бесполезно – ему не разрешат встречаться с семьей...»

Верующие смутились: кто перешел в зарегистрированную общину, кто переехал в другие города. К сожалению, некоторые охладели духовно и ушли в мир.

Сын сломленного духом служителя тоже перестал ходить на собрание и говорил: «Если дядя Коля выйдет на свободу, то я покаюсь и буду служить Господу».

Человек, рассуждающий подобным образом, обманут сатаной и находится на скользком пути. А если Богу угодно, чтобы я отдал свою жизнь за дело Христово в узах, значит, он не покается?! Бог стучит в сердце грешника и конкретно указывает на истинный путь. А человек откладывает покаяние на «потом». Сатана пользуется этой ложью и губит тех, кто верит ему.

Хотя врагу душ человеческих удалось поколебать и рассеять верующих Вознесенской церкви, искренние и верные дети Божьи всё же остались. Они не боялись разговаривать с моей женой, как некоторые верующие, приходили и помогали ей, чем могли. Одна сестра-старица, инвалид, так расположилась сердцем к моей семье, что даже жила у нас, несмотря на то, что ее родные дети немало противились этому.

На собрания в мой дом приходило всего четыре–пять сестер. Усадив детей, Валя и еще одна из сестер читали Слово Божье, а потом, склонив колени, взывали к Господу о защите гонимого народа Божьего, об узниках Христовых, томящихся в неволе за верность Господу. Молились о себе, чтобы выстоять в постигших гонениях.

Несправедливо относились к моим детям в школе. Их оскорбляли за то, что они – не пионеры, выгоняли из школы и по три недели не допускали до занятий, а потом занижали оценки, чтобы объявить неуспевающими.

Так поступали и с детьми других узников гонимого братства: умышленно делали их отстающими, а потом определяли в спецшколы для умственно отсталых детей. Там их, лишенных родительской опеки, «лечили» психотропными средствами и некоторых делали инвалидами на всю жизнь. Кто, кроме Господа, может утешить в скорби родителей, которые понимали, что за верность Богу отцов приходится страдать и детям?!

Глава VII

Из тюрьмы г. Одессы я был отправлен в Винницкую область в 39 зону на гранитный карьер, так как в моем деле значилось: «Использовать на особо тяжелых работах».

По прибытии этапа, как обычно,– обыск, баня и – барак. Положив вещи на кровать, я едва успел помолиться, как по коридору, направляясь ко мне, шли быстрыми шагами двое заключенных.

– Вы с нового этапа, не так ли? Скажите, пожалуйста, где можно найти Бойко?

– Зачем он вам?

– Надо! – ответили односложно, нервно.

– Скажете зачем, тогда я покажу его вам.

– Начальник санчасти сказал, что поймали «большую рыбину»! Сами понимаете, преступника большого к нам в зону привезли! Мы хотим познакомиться с ним.

– Это я...

Они переглянулись, не зная: верить моим словам или нет.

– По какой статье вынесли приговор?

– 138-й и 209-й,– украинские.

– 10 лет сижу, все статьи знаю, а эти – нет!

– За то, что я верю в Бога и не соглашался с беззаконным Законодательством о религиозных культах. За то, что детей и молодежь допускал в церковь на богослужения меня осудили на 5 лет строгого режима и 5 лет ссылки.

– Начальник санчасти сказал, что ты ребенка в жертву принес. Это правда?

– Если ты в заключении уже 10 лет, то хорошо знаешь, что за убийство, в какой бы форме оно ни совершилось, приговаривают к расстрелу. В крайнем случае – 15 лет! А у меня – пять и пять.

Ребята молча размышляли. Иногда, пока человека не направишь к логичному рассуждению, он, не вникая в суть, воспринимает все так, как ему преподнесли. А когда начинает анализировать, сопо-

ставлять, тогда понимает, что его ловко обманули.

Ребята стояли в недоумении и не уходили. Я стал им свидетельствовать о Христе, о Боге, в Которого верю, о жизни вечной и о вечных мучениях.

– Так ты что, баптист? – спросил парень, который до этого молчал. – Я в ворошиловградской тюрьме сидел с такими людьми! Во люди! – подняв большой палец руки, добродушно отозвался он о верующих.

Начальство, преследуя явно недобрую цель, распространило обо мне заведомую ложь, а заключенные, выяснив всё обстоятельно у меня, во всеуслышание говорили в зоне обратное:

«Мы Бойко уже видели! Знаем статью, по которой его осудили – никакая это не «рыбина»! Если бы он принес в жертву ребенка, его бы расстреляли!»

Так умышленное зло Бог обратил в добро – заключенные хорошо относились ко мне.

Наутро стоял я с заключенными в отстойнике, на вахте, откуда ведут на работу. Все расспрашивали: за что? Отвечал. Удивлялись и не спорили. Возвращаюсь со смены – вокруг меня еще больше собиралось заключенных. Всем им я вынужден был, можно сказать, еще и еще раз говорить о Христе, о своем служении Богу. Планы недругов оказались несостоятельными, и они ничего не могли сделать, чтобы настроить против меня заключенных.

– Где я тебя видел? – мучительно напрягая память, спрашивал один заключенный.

– Я в Воркуте отбывал срок, ты там был?

– Нет. Но я хорошо запомнил твое лицо! А, вспомнил! – заулыбался он. – По телевизору я тебя видел! Это точно, я смотрел, когда твой суд показывали!

– Это может быть!

«Мы неизвестны, но нас узнают!» Слава Богу.

Прошло всего несколько месяцев моего пребывания в лагере, а от заключенных уже невозможно было скрыться. Прапорщики, если не находили меня на месте, искали в других бараках и по указанию замполита разгоняли собравшихся вокруг меня заключенных.

Чтобы как-то отвлечь людей, начальник лагеря собрал их в клубе на политзанятие, а я никогда на эти занятия не ходил, за что

не раз сидел в штрафном изоляторе (ШИЗО). Возвратившись из клуба, ребята обо всем мне с удовольствием рассказывали:

«Дядя Коля! Начальник объявил, что скоро будет большая амнистия, и многих из нас освободят. "Но на таких, как Бойко, никакие льготы не распространяются! И того, кто будет иметь контакт с Бойко – не выпустим!" – устрашал он нас».

Таким заявлением начальник вызвал немалое любопытство, и те, с которыми я еще не был знаком, невольно потянулись ко мне. После этого собрания возле меня стало собираться еще больше людей.

Со мной было Евангелие. Один из заключенных, не раз внимательно слушая свидетельство о Господе, потянулся сердцем к истине. Я дал ему почитать Евангелие. Он прочитал от начала до конца. Покаялся, утвердился в полученной радости спасения и стал безбоязненно свидетельствовать другим о Христе.

Теперь в лагере было два христианина, а для начальства это, конечно, чрезвычайное происшествие. Покаявшегося брата посадили в изолятор. Начальник зол был на него сверх меры: «Я заставлю тебя «кормушку» грызть!» («Кормушка» – небольшое окно в двери камеры, куда подают заключенным пищу.) Меня тоже поместили на 15 суток в ШИЗО. Брат отсидел 15 суток и его вывели на работу. Он не унывал, и его в тот же день вновь посадили в ШИЗО еще на 15 суток, что по лагерным правилам запрещено: заключенный должен хотя бы ночь провести в бараке, и только потом его могут снова наказывать.

Не зная, как отстранить от меня заключенных, начальники пригласили в зону лектора и всех заставили идти в клуб. Мы с уверовавшим братом отошли в сторону, чтобы в спокойной обстановке побеседовать друг с другом.

– Бойко! Советую вам пойти на лекцию,– сказал мне ответственный по зоне.

– Что за лекция?

– На атеистическую тему.

Помолившись, мы решили пойти. Зал был полон, так как дежурные обошли каждый барак и всех собрали в клуб (заключенных в лагере было больше тысячи).

Вошли: начальник оперчасти, замполит и лектор. Он 28 лет преподавал в институте атеизм.

Обычно лекторы-атеисты, ссылаясь на современные научные достижения, на явления природы, пытаются доказать слушателям, что Бога нет. Так поступил и этот. Он, как видно, полагал, что достиг цели и стал убеждать заключенных, что верующие люди самые темные, ни в чем не сведущи.

«Я вижу, что среди моих слушателей в основном молодежь. Никакому Богу не верьте,– обратился он к аудитории. – Ваше светлое будущее – коммунизм! Хотя вы и совершили преступления, но мы вас воспитываем в коммунистическом духе...»

Лектор несколько раз повторил эту фразу и довольный закончил.

– Можно вопрос? – поднял я руку.

– Пожалуйста.

– Вы, я вижу, атеист, значит, в Бога не верите, а в духов верите.

– Нет! – решительно заявил он. – Ни в каких духов я не верю!

– А как же тогда можете воспитывать молодежь в коммунистическом духе?

Минуты три в зале стоял такой смех, что в ушах звенело. Я вышел на середину. Смех стал стихать.

Когда я был еще на расстоянии от лектора, он внес поправку:

– Я верю в дух, которым дышу.

– Но мы вдыхаем кислород, а выдыхаем углекислый газ...

Смех грянул еще сильнее. Замполит, чтобы выручить лектора, объявил: «Лекция закончена! Можно идти...»

На второй день майор, приглашавший лектора, сказал мне:

– Наверное, этот лектор больше к нам не придет...

– Вы слышали, как он оскорбительно насмехался над Богом и над верующими? Господь сразил этого «грозного великана» простыми доводами. Это – не моя заслуга. Мой Бог его посрамил, чтоб он не превозносился.

– Его, наверное, из партии исключат... – посожалевал майор.

Действительно, лекций больше в лагере не устраивали, а бесед с начальством было много.

Начальник колонии (полковник, депутат Верховного Совета) вызвал меня в штаб и поинтересовался моими убеждениями. Я рассказал ему, как уверовал, в Кого уверовал, подтверждая цитатами из Библии.

– Но у нас за веру не судят, статьи такой нет.

– Перед вами осужденный за веру и за то, что нарушал проти-

воречащее Конституции противозаконное Законодательство о религиозных культах.

– Что конкретно вы нарушили?

– Фактически законодательство запрещает всякую религиозную деятельность: детей нельзя приводить на богослужение, а я приводил. Молодежь нельзя крестить, а я крестил. Проповедовать Евангелие нельзя, а я проповедовал.

Далее я процитировал ему высказывание Ленина о свободе вероисповедания.

– Ленин такого не говорил!

– Вы, если пожелаете, можете найти эту цитату в 10 томе, 66 страница, третье издание. И в 6 томе, 365–366 страницы «О крестьянской бедноте».

– Хорошо, проверю,– пристально посмотрев на меня, записал он. – Если уж ты так веришь в загробную жизнь и не боишься смерти, то повесься или застрелись,– преподнес он мне дьявольское искушение, и я понял убожество его атеистической души.

– В Библии сказано, что убийцы Царства Божьего не наследуют. Их участь в озере, горящем огнем и серой (Откр. 21, 8).

Больше начальник колонии никогда меня не вызывал. При встрече в зоне он всегда улыбался, по-видимому, уточнил, что я верно привел высказывания.

Позже я узнал, он бросил первую жену за то, что она стала верующей, и женился на атеистке.

●

Работал я в лагере на погрузке гранитных глыб. Вручную это делать очень тяжело. Первое время руки болели невыносимо. Мне казалось, если бы их ампутировали, то хотя боль стихла.

Надзиратель требовал совершать погрузку быстро. Несправляющихся угрожал перевести на пониженное питание – в таком случае и вовсе норму не выполнишь.

– Начальник, я 6 месяцев не работал, пока шло следствие и суд. После суда долго пробыл в тюрьме,– пытался объяснить я.

– Посмотри, как работают люди! – указал он на худощавого парня, который легко и свободно брал камни гранита и бросал за борт машины.

– Если знаменитого тяжеловеса посадить на 6 месяцев на скуд-

ную пищу, да еще не давать ему тренироваться, он и малый камень с трудом поднимет.

Но начальство оставалось непреклонным. Я приуныл от невыносимой усталости. И тут меня озарила мысль: я же страдаю за Господа, а заключенные терпят за свои преступления. Стал я молиться, чтобы Бог укрепил и послал мне любовь к этой работе. И Бог милосердный услышал: приходил я в карьер, и гранит казался легче! Силы в руках прибавилось, руки не так болели. Господь преподал мне урок: наша сила – в любви страдать за Господа!

Н. Е. Бойко (крайний слева), прохаживаясь, беседует с заключенным о Боге в лагере строгого режима в с. Ладыжино Винницкой области Гайсинского района. Здесь наш дорогой узник изнемогал от невыносимо тяжелой работы на гранитном карьере. 1972 г.

Когда у меня опухла нога, поврежденная штыком в плену, меня перевели делать гранитные бордюры. Работа трудоемкая, тоже ручная, но легче, чем грузить гранит.

●

Прошло более двух лет. Приехала в лагерь комиссия по условно-досрочному освобождению (УДО), и меня вызвали в штаб на суд. Зашел я в кабинет. Сидят: прокурор, администрация лагеря, начальник отряда, замполит и судьи.

– Бойко, мы вызвали вас на УДО,– пояснил начальник отряда.

– Извините, я заявления не писал.

[Мне почти с первых дней предлагали вступить в секцию внутреннего порядка (СВП), чтобы я носил повязку с этими буквами и помогал наводить порядок в зоне. «Как только наденешь повязку, сразу тебя освободят!» – обещали мне. «Я даже в руки ее не возьму!» – отказался я. А теперь они меня решили обольстить другим.]

– Я за вас написал! – похвалился отрядный.

– Бойко, вы признаете себя виновным? – спросил замполит.

– Граждане судьи! Уважаемая администрация! Придет время, когда не только я, но и все вы признаете меня невиновным!

– Если и все признают, я – никогда! – быстро поднялся с места начальник режимной части, капитан Москаленко.

– Придет время, и вы признаете...

– Мы предлагаем вам свободу, только признайте себя виновным! – уговаривали меня.

– Нет, я не виновен.

Прокурор хотел задать вопрос, но замполит остановил его.

– Не задавайте вопросов этому философу. Он сейчас начнет цитировать высказывания вождей и скажет: где, на какой странице и в каком томе это написано. Если он не признает себя виновным, пусть уходит.

И я ушел.

●

Из лагерной библиотеки заключенные приносили мне книги или журналы, где говорится о Боге или о верующих. Я выписывал интересное в тетрадь и рядом записывал свои комментарии. При обыске эту тетрадь изъяли.

– Бойко, это твоя писанина? – вызвал меня начальник режимной части Москаленко.

– Дайте посмотреть... Да, моя.

– Это все пойдет в КГБ! – медленно, с металлом в голосе отчеканил он каждое слово.

– Пожалуйста, отдавайте! С 1962 года у меня очень много отняли, пусть и это читают,– улыбнулся я.

Лагерное начальство побаивается сотрудников КГБ. Капитан считал, что и я устрашусь, и моим спокойствием был удивлен до предела.

– Бойко! Где твой Бог, почему Он тебя не выведет отсюда, ведь ты же веришь Ему?!

– Знаете, верующий профессор Марцинковский Владимир Филимонович в своей книге «Смысл страданий» описывает о том, как он в царское время посещал тюрьмы и распространял среди заключенных Евангелие. Скажите, в наше время за какие деньги вы пус-

тили бы меня в лагерь проповедовать о Христе? – Да ни за какие! Смотрите, как мудро Бог управляет обстоятельствами: вы, вопреки закону, осудили меня как преступника. Привезли в лагерь, где собраны преступники со всего Советского Союза! Я бы с ними, да и с вами, никогда не встретился! Но я здесь! И проповедую! И вы меня не выгоните! Не имеете права!

Обратите внимание и на это: будучи атеистом, разве стали бы вы читать религиозную литературу?! Но вы изъяли у меня тетради с христианскими записями и обязаны прочитать всё, что в них написано – это ваша работа.

В добавление ко всему: вы меня вызываете в кабинет и требуете отчета в моем уповании. И я рад вам засвидетельствовать, что Бог есть, и жизнь вечная есть, и вечные мучения есть. Так что, если вы не покаетесь, то предстанете перед Господом на суд, где вы уже не сможете солгать, что никогда не слышали о Боге.

– Выйди! Он меня в моем кабинете еще и агитирует! – разволновался начальник.

●

В третий год моего пребывания в лагере в одно из воскресений я ожидал приезда родных на свидание. Недалеко от бараков, за запретной зоной, проходила автотрасса. Со второго этажа барака ее хорошо видно и даже можно переговариваться, хотя это категорически запрещено.

«Николай, к тебе кто-то приехал! Зовут с трассы»,– сообщили мне.

Я поднялся на второй этаж и увидел брата Климошенко Николая из Херсона. Спросил у него: «Где же Валя?» Он знаками дал понять, что еще не приехала. До вечера она так и не приехала, свидание не состоялось.

В лагере каждое воскресенье – кино, но я никогда не ходил.

«Ну, как? Понравился вам фильм "Маленький беглец"»? – спросил заключенных мой земляк, который жил через секцию от меня.

«Конечно!»

«Скоро увидите "большого беглеца"!» – посмеялся он.

Никто на его слова не обратил внимания.

Ночью всех заключенных подняли по тревоге. Выстроили, пересчитали дважды – одного недостает. Сбежал! Оказалось, недо-

считывались моего земляка, который сказал вроде в шутку: «Скоро увидите "большого беглеца"».

Дали отбой. Только я лег, подошел дневальный: «Бойко, вас вызывают в штаб...» Помолился я и пошел.

– Куда ты дел Ивана? – так звали сбежавшего заключенного.

– Я спал, ничего не знаю.

– Ты с ним дружил! К тебе днем кто-то приезжал, ты переговаривался. На трассе видели машину. Ты оказал ему содействие в побеге!

– Ничего я не знаю.

Отправили меня в барак, но до утра и весь следующий день то и дело вызывали в штаб и угрожали новым сроком.

У сбежавшего – большой срок – 12 лет строгого режима. По селектору объявили, что сбежал опасный преступник. Пустили на поиск собак, но следы не обнаружили. Собаки кружились на одном месте.

Из лагеря сбежать практически невозможно. Прибыло начальство из Винницы. Выдвигалось две версии: или он сбежал при содействии Бойко, или Бойко принес Ивана в жертву.

Три дня нас не выводили на работу, вскрывали все канализационные люки, спустили 50 кубов воды из пожарного водоема, надеялись на дне найти труп Ивана якобы принесенного мной в жертву. Устроили тщательнейший обыск везде,– ничего не обнаружили.

Предполагали, что я, договорившись с вахтерами, все же посодействовал его побегу.

«Не верю, что Иван сбежал сам,– утверждал начальник лагеря. – Если не Бойко, то как он мог уйти?!»

На третий день сообщили, что Ивана сняли с поезда и вернули в лагерь. Начальство в недоумении допрашивало: «Покажи, как ты смог сбежать!»

Иван был отличным спортсменом. Как только охранник на вышке отошел, он легко перепрыгнул с помощью шеста через запретную зону. Чтобы скрыть следы, пошел с шестом по реке. Нашел переправу, бросил шест, пришел на станцию, сел в поезд и поехал. На станции Козлятино он выглянул из окна вагона, чтобы сориентироваться, где находится. Его заметили, так как железнодорожников в первую очередь предупредили, что сбежал опасный преступник. Ивану добавили срок: три года строгого режима за побег.

Ивана, конечно, допрашивали:

– Помогал ли тебе Бойко?

– Бойко даже не знал о моих планах.

После этого начальство изменило ко мне отношение, прекратили угрожать: «Добавим срок! Сгноим!»

●

В лагере работал цех по выпуску железобетонных изделий и при нем – котельная. Сантехник, обслуживающий ее, освободился, а другого не могли найти. Оборудование без присмотра пришло в негодность. Цех уже угрожали опломбировать, как аварийный. Начальство озадачилось: именно этот цех давал лагерю наибольшую прибыль. Пригласить меня они опасались. В деле значится: «Использовать на тяжелых работах». Долго они утрясали этот вопрос и решили, чтобы я работал там и сантехником, и кочегаром, а летом сделал ремонт. Работать в котельной, конечно, намного легче, чем с гранитом,– так Господь, вопреки жестоким предписаниям, облегчил мое пребывание в лагере.

А тут в поселке, прилегающем к лагерю, вышел из строя котел. Зима. Холодно.

– Бойко, у нас ЧП! Выручите нас. Женщины из поселка заявили: не сделаете котел, детей приведем в ваш кабинет греться!

– Поселок-то – за зоной! И я не знаю, что там за котлы,– не решался я.

– Мы вас проведем, посмотрите.

Повели меня под конвоем в поселок. Осмотрел я котлы: универсальные, чугунные, но оттого, что их вовремя не промывали, образовался большой слой накипи и котел прогорел снизу. Чугун не заваришь, нужно менять котел.

– Бойко, мы созвонились с Вознесенском, нам сказали, что вы делали котлы, сделайте и нам.

– Без проверки из котлонадзора я не имею права.

– Это наши проблемы. Вы сделайте котел.

Я согласился. В поселок меня водили под конвоем. Я замерил все конструкции и в лагере сделал котел. Перевезли его в котельную поселка. Устанавливал я его сам и подключал сам – слава Богу, греет! Все были довольны, и мне намного легче стало работать. Так до отправления на ссылку я работал в лагере сантехником.

Глава VIII

После окончания пятилетнего срока заключения из лагеря строгого режима в Винницкой области меня отправили в ссылку в поселок Бирилюссы Красноярского края.

Прибыв, я никого не нашел из поселкового начальства и в поисках ночлега прошел поселок от одного конца до другого. Никто из жителей не согласился принять меня, так как заранее обо мне распространили недобрые слухи.

«Переночуй в пустом сарайчике»,– предложили мне. Я заглянул, а там – полно крыс. Жутко.

Дойдя до крайнего домика, я решил попросить у хозяев немного соломы. Надвигался дождь, и они складывали сено в копну.

– Зачем тебе солома?

– Постелю в сарае, чтобы не спать на голой земле...

– Откуда ты?

– Издалека. – И рассказал им, кто я, почему оказался в поселке.

– Ты что, веришь в Бога?

– Да.

– Отбывал тут у нас ссылку один верующий. Жил возле нас...

– Если можете, пустите в свой сарай переночевать, а то в том много крыс.

– Сейчас я с женой посоветуюсь.

Быстро вернувшись, сказал хозяин:

– Согласилась только на одну ночь.

Переночевал я у них и пошел к председателю поссовета. Он посмотрел мои документы и, прежде чем оформить кочегаром в школьную котельную, долго переспрашивал:

– Скажи, ты здорово пьешь?

– Я не пью.

– У меня здесь недавно взорвали котел, электростанцию и три дизеля – и все по пьянке! Я серьезно спрашиваю: ты здорово пьешь водку?

– Я совсем ее не пью.

– Брось ты, я и то выпиваю! Нет таких, кто не пьет водку!

– Я буду первым непьющим у вас.

– Посмотрим...

Долго они меня проверяли, искушали как только могли, пока не убедились, что есть люди, которые не пьянствуют.

Через время в поселок наведался сотрудник КГБ и предупредил директора школы, чтобы я не собирал вокруг себя детей и молодежь, но беседы с детьми у меня все же проходили.

●

Вскоре ко мне приехала жена Валя с двумя детьми. Рассказала о неутихающих преследованиях братьев и сестер всего нашего братства, а также и в нашем городе. Они уже подумывали переехать всей семьей ко мне в ссылку, но поселок Бирилюссы расположен в глухом захолустье, живут в нем в основном старики и почти все – пьянствуют. Весной поселок затапливало, люди ходили по деревянным настилам, иногда даже приходилось доставлять детей в школу на лодках.

●

Прошло полгода ссылки. Жители ко мне привыкли. Убедились, что я вовсе не страшный, каким представили меня работники КГБ. Дети забега́ли ко мне в котельную. Заглядывали поговорить и директор, и завуч, и учителя.

Неподалеку от котельной, где я работал,– автобусная остановка. Группа студентов (человек 18, они приезжали на каникулы к родителям) продрогли в ожидании автобуса, я пригласил их к себе. Они оставили одного, чтобы сообщил, когда подойдет автобус, а остальные зашли.

Двое сразу засуетились, соображают, как выпить.

– Ребята, это – грех, – остановил я их. – В котельной не пьют и не курят.

– Какой грех? Ученые не верят в Бога, и мы не верим!

Студенты вспомнили итальянского философа материалиста Джордано Бруно (1548–1600 гг.).

– А знаете, какие он произнес последние слова, когда в 1600 году горел на костре в Риме?

Никто этого не знал.

– В книге австрийского философа (1911–1986 гг.) Холличера «Природа в научной картине мира» приведены слова Джордано Бруно: «Я умираю как мученик, а моя душа из пламени сего поднимается в рай». Вы считаете Д. Бруно материалистом, а он верил, что у него есть душа!

– Мы никогда этого не слышали.

– Найдите в библиотеке эту книгу и познакомьтесь. Исаак Ньютон, отец физики, открыто говорил, что первый толчок всему небесному механизму сообщил Бог! А вы утверждаете, что ученые не верят в Бога.

– Слушай, ты не баптист ли? – спросил один из них.

– Да.

– Братцы! Первый раз в жизни вижу живого баптиста! Слыхать – слыхал, но не видел!

Дежурный закричал: «Автобус!», и они высыпали на улицу.

●

Вызвал меня как-то на беседу парторг села, учитель.

– У тебя много детей! – подчеркнул он свою осведомленность. – Они – там, а ты здесь сидишь. Зачем тебе эта вера? Ты пошел один против всего нашего государства. Если бы ты изменил свои взгляды, давно был бы на свободе!

– Я убежденный христианин и глубоко верю в Бога.

– Ты идешь против течения нашей жизни.

– Только мертвая рыба плывет по течению. Я – живой христианин, поэтому ни на какой компромисс с совестью никогда не пойду.

Парторгу запомнилась беседа. Сколько бы раз мы ни встречались в поселке, он всегда, улыбаясь, говорил: «Мертвая рыба...»

●

И все же шестеро детей приехали ко мне и жили со мной в ссылке. Учились в школе хорошо, одеты и обуты были нормально. Помогали мне по дому: и дрова рубили, и воду носили. В сильные сибирские морозы (столбик термометра показывал –54°С!) местные жители обмораживали лицо, а мои дети – нет.

«Вот так южане!» – удивлялись люди.

«Мои дети – в двойных одеждах! Их согревает и хранит Бог!» – свидетельствовал им я.

В моем доме проходили богослужения. Новосибирские братья в этом поселке преподали двум сестрам крещение, и еще двое приближались к Богу. Во время служения мои дети играли кто на мандолине, кто на балалайке, кто на гитаре (гитар было две).

Приходили послушать Слово Божье и одноклассники моих детей. 15-летняя девочка после собрания пришла домой и отец (партизан и коммунист) выгнал ее по пьянке. Она вернулась к нам. Ее мама к верующим относилась неплохо – это еще больше раздражило отца-безбожника, и он написал на меня жалобу в КГБ, что якобы я хожу по домам и совращаю людей в свою секту.

Жители поселка приглашали меня кто смонтировать электророзетку, кто стиральную машину отремонтировать. Некоторые просили поштукатурить, я никому не отказывал. Денег за работу ни с кого не брал и, конечно, не выпивал, когда меня пытались угощать. В каждом доме я не упускал случая рассказать о Господе, о спасении.

Приехал в поселок работник КГБ и пошел по адресам, указанным в жалобе. Жители не отказывались, что я по их просьбе приходил к ним и оказывал кое-какую помощь. Не скрывали также, что я говорил им о Боге. «Никуда он нас не втягивал...» – уверяли они. Положительно обо мне отозвались директор школы и учителя. Жалоба партизана не подтвердилась. Позже работник КГБ еще раз приезжал, искал тех, кого я «завербовал» в секту, но не нашел.

Студенты, приезжая домой в Бирилюссы на каникулы, проходя мимо моего дома, слышали пение и игру на музыкальных инструментах. Им очень хотелось со мной пообщаться. Кто-то из них проявил инициативу, они собрались в клубе и пригласили меня. Беседа затянулась далеко за полночь. Два часа ночи, но никто не устал и не хотел уходить. Слушали свидетельство о Господе, о моем покаянии.

Друзья по вере из сибирских церквей посетили Николая Ерофеевича в ссылке. (1973–1978 гг., с. Бирилюссы, Красноярский край)

На Рождество (7 янва-

ря) молодые люди снова пригласили меня в клуб. Заведующая клубом тоже проявила интерес:

– Я слышала, вы играете на гитаре?

– Не очень хорошо, но играю.

Я не взял с собой гитару, они принесли свою, семиструнку. Я сел у стола, и запел под аккомпанемент: «О, я грешник бедный!..»

Зазвонил телефон. Завклубом с кем-то разговаривала, а я продолжал петь. Потом она поднесла телефонную трубку к гитаре – кто-то на противоположном конце провода слушал.

– Ну и как? – когда я закончил, спросила она слушавшего мою игру на том конце провода.

– Чудесно!

– Узнай, кто пел и играл? Все равно не отгадаешь! Это дядя Коля святой!

Слушала нас дочь учительницы, и пока шла беседа, она пришла в клуб со своим молодым мужем. Они попросили меня спеть тот же псалом. Затем я спел им: «Все будет иначе...», «Милосердный врач Христос...» Стрелки часов и в этот раз показывали 2 часа ночи.

– Дядя Коля, перепишите нам эти песни, мы их выучим.

Я, конечно, тут же переписал. На следующий день они похвалились: «Целый день мы работали и пели ваши хорошие песни!»

Весть о проведенном в клубе вечере быстро достигла начальства. В поселковый совет из района срочно прибыли: секретарь райкома партии, секретарь райкома комсомола, начальник милиции. Они, оказывается, уже строго выговорили молодежи, что устроили такую сходку в клубе.

Вызвали двух верующих сестер в поселковый совет и сказа-

«Блаженны изгнанные за правду... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...»

ли: «Вас мы оштрафуем, что хо́дите на моления, а Бойко – на новый срок за это осудим!»

Сестры сообщили обо всем мне.

– Наверное, и меня вызовут,– предположил я.

– Скорее всего, потому что, когда мы выходили, там уже сидели мужчины из актива поссовета.

И точно. Пришли за мной. Я помолился и пошел. Пригласили в кабинет, и – посыпались упреки, угрозы.

– Тебя отправили в ссылку для исправления, а ты чем тут занимаешься? Агитируешь! Категорически запрещаем тебе заниматься проповедью своих идей!

– Я человек верующий и послан Богом в этот отдаленный край не молчать, а рассказать вам, что вы, если не покаетесь, погибнете.

– Какой ты верующий, когда у тебя в доме нет ни одной иконы?!

На основании Священного Писания я много и долго объяснял, почему не поклоняюсь иконам.

– Ты что Бога видел, что проповедуешь о Нем? – спросил начальник милиции.

Я выглянул в окно, на улице стояла его машина.

– Это, наверно, ваша машина? – спросил я.

– Моя.

– Скажите, она сама собой возникла или у нее есть конструктор?

– Конечно, есть!

– А вы его видели, что так утверждаете?

Он молчал.

– А у здания поссовета, где мы беседуем, тоже есть архитектор, который составлял и утверждал его генеральный план?

– Есть,– вынужден был ответить он.

– И у Вселенной есть Конструктор. Вы люди грамотные и знаете, что в мире ничего само по себе не возникает и не исчезает. У Вселенной есть Творец, и Он не перестал держать в Своей могучей деснице все мироздание, хотя вы в Него не верите. Он любит вас, заботится о вас, посылая солнце и дождь на землю, чтобы вам было хорошо. Более того, Бог послал на землю Сына Своего, Иисуса Христа, Который умер за мои и ваши грехи на Голгофском кресте, чтобы ваша душа не погибла.

Беседа затянулась. У мужчин, приглашенных в поссовет для какого-то дела, кончилось терпение.

– Вы занимаетесь только с Бойко! Если мы вам не нужны, отпустите нас.

Начальство забеспокоилось и приступило к делу, ради которого и прибыли.

– Так Бойко! Мы с вами не будем долго разговаривать. Если будете продолжать заниматься пропагандой, полу́чите новый срок!

– Это ваше дело.

– Ты что, не хочешь вернуться в Одессу?

– Для меня нет разницы, где проповедовать: в Одессе или в Бирилюссах.

Прошло несколько месяцев после этого разговора. Получил я повестку явиться в районный суд. Нужно было ехать 30 километров.

Дома у меня как раз находилась верующая сестра из поселка. Вместе с детьми мы преклонили колени, помолились, и я поехал.

Прибыл. Доложил о своем приезде. Вызвали в кабинет. Судья спросила:

«За что отбываете ссылку? По каким статьям?»

Рассказал и этим блюстителям закона о Законодательстве о религиозных культах – насколько оно коварно, антигуманно и противоречит основному закону страны. Не прерывали. И я по побуждению сердца возвестил им о спасении и о Христе. Слушали меня долго, что случается довольно редко на судах.

– Вы же до сих пор занимаетесь пропагандой! За это вас судили и сейчас снова нужно судить.

– Дело ваше.

Я еще дома помолился и внутренне настроился на новый срок. Что-то непонят-

Братья, ободряя Николая Ерофеевича в ссылке, сами ободрились его верой и упованием. 1975 г.

ное происходило с составом суда, и я решил продолжить свидетельство.

– Знаете что: как я рассказывал вам сейчас о Христе, о вашем личном Спасителе, о Боге, в Которого искренне и глубоко верю, так точно я рассказывал и людям, которые меня расспрашивали. Ни одному человеку я не навязывал силой, чтобы он уверовал в Бога.

– Хватит! Выйди!

Я вышел и ожидал очень долго. Они, по-видимому, созванивались, согласовывали, хотя, как я понял позднее, вопрос мой был уже решен.

Пригласили в кабинет и объявили:

– Так Бойко! Чтобы ты не мутил здесь воду и не увлекал нашу молодежь,– убирайся отсюда! У тебя подошел конец срока!

В Красноярский край этапом меня везли три месяца. По закону за один день этапа засчитывалось три дня ссылки. Значит, за три месяца этапа снималось 9 месяцев ссылки. Да еще судом сняли несколько месяцев, так что в ссылке я пробыл только четыре года, а не пять.

По окончании школьных занятий я вернулся вместе с детьми в Одессу. Освобождение это было неожиданным. Я готовился на новые лишения, но Бог усмотрел иначе. За все я был сердечно благодарен моему Спасителю.

Глава IX

Свобода... Но не покоя, уюта и отдыха искала моя душа. Сердце стремилось к общению со святыми, с дорогими и близкими друзьями во Христе.

Радость встречи сменилась печалью: до моего освобождения арестовали служителей Пересыпской церкви г. Одессы. Церковь вроде бы не осталась без служителя – освободился после 2-летнего заключения диакон, но на него недруги дела Божьего обрушились всей мощью устрашения и обольщений, и он зарегистрировал общину автономно от гонимого братства.

Скорбь моей души усилилась. День и ночь возносил я молитвы к Господу и умолял пролить свет на мою стезю: как я должен поступить? Единственная в городе община, входящая в состав СЦ ЕХБ, оказалась под властью мироправителей века сего. Дух мой смущали тяжелые раздумья. С общиной п. Усатово г. Одессы я был мало знаком. Стать членом зарегистрированной церкви – значит согласиться с антиевангельским Законодательством о религиозных культах и не водить детей на богослужения, не позволять молодежи благовествовать. Это значит идти против Господа и не исполнять Его повеления. Едва закончились узнические переживания, как Господь ввел меня в полосу новых, более сложных трудностей. Как найти верный выход?

Господь видел страдания моей души об отступлении народа Божьего от истины. Встретившись со служителем Совета церквей, я получил ясность по многим сложным вопросам. Ободрился, хотя впереди предстояла нелегкая духовная брань.

«Брат Николай, нужно стать членом Пересыпской церкви и вести дело Божье так, чтобы освободиться от греховной регистрации»,– посоветовал служитель.

Луч солнца озарил мою утомленную воздыханиями душу. Я согласился, но понимал, что соглашаюсь не на отдых, а на суровую брань с недругами дела Божьего, а это снова – угрозы сотрудников КГБ, вызовы и – очередной арест.

В церкви вскоре назрел вопрос рукоположения на пресвитерское служение. Выдвинули две кандидатуры, в том числе и меня. (Еще в Вознесенской церкви меня хотели рукоположить, но недруги, зная это, поспешили изолировать меня на 10 лет.)

Одесская церковь насчитывала более 100 членов. Я тревожился: смогу ли достойно нести служение? И положил в сердце: если никто из членов церкви не станет против моего рукоположения, значит, Бог призывает меня.

Вся церковь с молитвой ожидала членского собрания. Три служителя Совета церквей прибыли в субботу и весь день провели в рассуждениях с церковью, с моей семьей.

Вечером ко мне приехал встревоженный местный брат: «Братья дорогие! Молитвенный дом окружен, ведется пристальное наблюдение!»

Служители склонились на колени и помолились: «Господи,

если воле Твоей угодно рукоположение брата, Ты силен разрушить все замыслы...» После молитвы они, получив уверенность от Господа, твердо и решительно сказали: «Уповая на Господа, мы пойдем на богослужение!»

Наутро у молитвенного дома было спокойно. Гонители, желая помешать рукоположению, пытались, через своих людей в церкви создать панику.

На членском собрании при голосовании не было ни одного возражения, лишь воздержалась сестра старица, и только потому, что не знала меня. Так церковь и служители благословили меня нести пресвитерское служение: в соответствии со Словом Божьим, ни в чем не уступая миру; наставляли иметь братское общение только с общинами, поддерживающими духовный центр – Совет церквей; ходить в свободе Христовой, за которую многие верные служители положили жизнь, а другие находились в узах.

После рукоположения я пришел на молодежное собрание и попросил: «Дорогие мои! Ревнуйте свято о деле Божьем! Посещайте верующих везде, куда только сможете дойти или доехать! Повсюду благовествуйте, проповедуйте спасение! Всякую добрую инициативу согласовывайте со служителями – ни одно святое дело не будет подавляться!»

Молодежь воспрянула духом. Организовался молодежный хор, духовой и подростковый домровый оркестры. Молодые братья проповедовали на богослужениях. Вечернее воскресное служение после хлебопреломления полностью вела молодежь. Кроме того, они посещали общины гонимого братства в округе, благовествовали, где могли.

Об этом сразу стало известно в КГБ. Немного выждав и убедившись, что духовная жизнь молодежи заметно оживилась, меня вызвали в райисполком.

– На каком основании вас избрали пресвитером? Почему не согласовали ни с исполкомом, ни с уполномоченным?

Не ожидая от меня ответа, мне подали бланк и предложили не медля заполнить. Прочитав, я сказал:

– Церковь – не организация, а я – не администратор. Отчитываться в духовном служении, как требуете вы через заполнение бланка, я не могу. Да и вы не должны этого требовать.

– Служитель вашей зарегистрированной церкви тот, у кого на руках регистрационное удостоверение. Вы для нас – никто! Мы вас

не признаем, и поэтому вы не имеете права совершать служение!

– Церковь отделена от государства и сама решает, кого избрать на служение.

– Ваша церковь зарегистрирована и должна подчиняться! – с нажимом повторил присутствующий при разговоре сотрудник КГБ.

– Я избран церковью, и за отказ от регистрации церкви уже отсидел почти 10 лет.

– Мы категорически запрещаем, чтобы молодежь и дети присутствовали у вас на собрании!

– Эти вопросы церковь решает самостоятельно. Двери молитвенного дома открыты для всех.

●

Вызовы в райисполком продолжались, а повод они находили: не позволил проповедовать в церкви пятидесятнику; не перенес утреннее воскресное богослужение на более поздний час, «чтобы вся церковь участвовала в первомайской демонстрации».

– Вы пользуетесь у верующих авторитетом, убедите их пойти на демонстрацию,– настаивали в исполкоме.

– Никогда я этого не сделаю.

– Нам Логвиненко подчиняется (ст. пресвитер по Одесской обл.)! Пятидесятники, субботники, даже цыганский барон подчиняется! А ты кто?

– Служитель Божий, и в делах служения обязан повиноваться Богу и слушать Его более, нежели вас.

●

Духовная жизнь церкви не замирала. 2 мая 1979 года в Одесскую церковь на христианское общение съехалось около 600 верующих из Молдавии и ближних областей Украины. Из молитвенного дома вынесли скамейки. Молодежь, стоя плечом к плечу, заполнила весь зал. Теснота не сковывала свободу духа.

Служение только началось, как прибыли: уполномоченный по делам религий, работники КГБ, милиции и дружинники.

– Что за сборище? Немедленно разойтись! – гремел через мегафон уполномоченный.

Верующие плотнее стали друг ко другу, чтобы не дать возможности бесчинствующим пройти вперед.

Проповедовал брат цыган из Закарпатья.

Начальник КГБ через мегафон обратился ко мне:

– Бойко, прекратите! Распустите свое сборище и разойдитесь!

– Извините. Здесь идет богослужение. Не нарушайте порядок.

– Бойко! Идите сюда!

Посоветовавшись со служителями и помолившись, я подошел к начальнику КГБ (он стоял в дверях зала).

– Через 15 минут чтобы здесь никого не было!

– Я – служитель церкви, и ваше требование могу предложить на рассмотрение верующих. Как они решат, так и будет.

Вернувшись к кафедре, я объявил:

– Братья и сестры! Администрация города приказывает нам в течение 15 минут разойтись. Согласны?

– Нет! – единым голосом ответило собрание.

– Продолжайте говорить слово,– обратился я к проповеднику.

Брат цыган продолжил.

– Прекрати! – властно приказал начальник КГБ.

– Когда я был неверующим, я воровал, вы мне не запрещали, а теперь я проповедую о Христе, вы кричите: «Прекрати!» Я цыган, вот мой паспорт!

– Началось время отсчета данного вам 15-минутного срока! – с напором повторил начальник КГБ.

Собрание продолжалось. Нарушители порядка попытались пройти в зал. Верующие взялись за руки.

Николай Ерофеевич в кругу своей семьи. 1977 г.

– Остается 10 минут! 5 минут! – после этих слов начальник КГБ дал команду «приступить к делу». Сотрудники милиции стали теснить плотно стоящих верующих. Стены молитвенного дома могли не выдержать такого натиска и рухнуть. Я молился, чтобы Господь сохранил от этого.

Дружинники вырывали сестер, кого за руки, кого за волосы, братьям заламывали руки. Кто-то из верующих крикнул: «Выходим на улицу!»

Сотрудники милиции тут же отступили и тщательно просматривали выходящих. Рядом со мной выходил рослый брат. «Идите за мной»,– попросил он меня. Я вышел и стоял в толпе верующих.

«Вас ищут! Им нужны только вы! Уходите!» – сообщили братья.

Помолившись, я пошел в соседний дом к верующим. Мне сообщили, что 8 братьев увезли в КПЗ. Я попросил, чтобы не расходились, пока не отпустят задержанных братьев.

Все верующие вышли на улицу. Меня среди них не было. Сотрудник КГБ приказал служителю, у которого было удостоверение пресвитера, чтобы он убедил верующих разойтись. Он стал увещевать: «Надо послушать и разойтись...»

– Если не отпустите задержанных, мы все пойдем в город к отделению милиции,– сообщили о своих намерениях оставшиеся ответственные братья.

– Расходитесь, или будем поливать водой! – Рядом стояла пожарная машина, прибывшая для этой цели.

– Поливайте! Здесь много и ваших работников...

Начальник КГБ, опасаясь, чтобы верующие не устроили шествия, распорядился, чтобы всех задержанных привезли к молитвенному дому. После этого, помолившись, братья и сестры группами разъехались по городу и свидетельствовали, где могли, о Христе.

Через некоторое время я взял отпуск, чтобы провести в церкви служение по очищению и освящению. С помощью Божьей и участием служителя Совета церквей это благословенное служение совершилось.

●

В 1980 году меня вызвал на беседу уполномоченный по делам религий. Со мной пришли два брата.

– А это что за люди?

– Это посланники церкви, мои братья.

– Они должны уйти.

– Если они уйдут, то и я.

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

– О ходе нашей беседы будет знать вся церковь. От народа Божьего у меня нет никаких секретов.

Уполномоченный был вынужден вести разговор в присутствии братьев. Он предъявил знакомые претензии: почему дети присутствуют на богослужениях, молодежь разъезжает и проповедует? Почему не дорожите регистрацией общины?

В кабинете находился еще один незнакомец.

– Можно я задам несколько вопросов Бойко? – обратился он к уполномоченному. Тот позволил.

Незнакомец задал несколько вопросов на религиозную тему, я ответил.

– Прошу вас, дайте интервью для телевидения.

– В таком случае скажите, кто вы?

Он назвал фамилию.

– Наконец-то я увидел того, кто обо мне писал клеветнические статьи и по телевидению говорил недобрые вещи! Я согласен дать интервью, но при условии, если оно сразу выйдет в эфир.

– Так не пойдет...

– Почему? Я не знаю, какие вопросы вы буде те задавать, вы не знаете, что я буду отвечать. Давайте беседовать откровенно, а люди разберутся...

– Нет! Нет! – отказался он.

Я понял, что на телевидение пропускается только то, что отвечает интересам мироправителей века сего. Проповедники, стремящиеся выйти в эфир, должны учитывать: если им удастся передать людям 99% истины, то достаточно 1% лжи со стороны комментаторов – и слушатель будет сбит с толку.

●

После разгона молодежного общения в церкви поставили вопрос о сдаче регистрации и он обсуждался очень трудно. Но когда его вынесли на рассмотрение членскому собранию и проголосовали, только 12 человек, давно известных церкви своим несогласием,

были против. Церковь приняла бесповоротное решение сдать регистрацию.

Вскоре меня пригласили на братское общение в Харьков, а когда я вернулся, меня поставили перед фактом: братский совет решил, чтобы каждый член церкви подписался под заявлением о сдаче регистрации. Я удивился такому недоброму повороту событий.

«Как так?! Мы просили благословения, молились, решили этот вопрос перед Господом и вдруг все переиначили?»

Меня пытались убедить: вдруг рядовых членов церкви вызовут в КГБ и запугают и, если они не подписали заявление лично, то могут сказать, что регистрацию сдали служители. Время шло. Подписи собирали вяло. Хотя более 100 человек подписались, но братья словно умышленно медлили сдать заявление об отказе от регистрации и саму регистрацию.

А недруги все чаще и чаще стали вызывать меня то в горсовет, то в КГБ. Работники спецорганов усиленно склоняли меня на сотрудничество. На все уговоры я отвечал: «Нет! Потому что не угодно Господу».

«Ваша церковь зарегистрирована автономно, почему вы получаете директивы от Совета церквей и им подчиняетесь? Зачем создали Совет родственников узников и поддерживаете его работу?»

На подобные вопросы я давал такой ответ: «Это внутрицерковное дело, куда вы не должны вторгаться...»

Не раз меня штрафовали за то, что на наших богослужениях присутствуют дети и молодежь.

●

Поскольку на вызовы в КГБ я приходил не один, сотрудники пошли на хитрость. Только я приступил к работе, механик сообщил: «Тебя кто-то ожидает на вахте...» Я подумал, что пришел кто-то из братьев и вышел. Сотрудники КГБ пригласили меня в машину и повезли на улицу Бебеля. Завели в кабинет. Я мысленно помолился. Вошел еще один сотрудник. Началась беседа.

– Николай Ерофеевич! Вы – советский человек, бывший секретарь комсомольской организации, живете в портовом городе, куда по морю приезжают разные люди, среди них могут быть шпионы.

А ваш молитвенный дом открыт для всех. Помогите нам. Поймите, нам необходимо работать сообща...

– Я – служитель церкви. Искать шпионов – это ваша работа. Мне лучше умереть, чем стать Иудой. Делайте вы свое дело, а я – свое.

– Вы должны идти с нами в ногу. Ничего страшного в этой работе нет,– успокаивали они меня.

– Я – верующий, вы – атеисты. Нам невозможно идти в ногу, и разговаривать с вами на эту тему я больше не буду.

– Вспомни, откуда ты недавно вернулся! – в ярости произнес один из сотрудников.

– Еще не успел забыть...

– Бойко! Сгноим!

– Без Божьей воли ни один волос с моей головы не упадет...

– Ты знаешь, где находишься?

– В КГБ на улице Бебеля. Я в ваших руках. Арестовывайте. Я готов. Скажу вам только, что в России будет еще такое пробуждение, о котором вы не имеете даже представления!

– Что?! Контрреволюция произойдет? – приподнимаясь с кресла, встревоженно спросил сотрудник.

– Духовное пробуждение Бог пошлет, и такие грешники, как вы, будут каяться!

Несколько минут сотрудники сидели как онемевшие.

– Бойко! Мы будем тебя судить, но по другой статье, и ты не выйдешь из тюрьмы! – пригрозил он, и, обращаясь к дежурному, сказал: «Уведи его отсюда!»

Тот вывел меня на улицу. Я поблагодарил Господа и, придя на богослужение, обо все рассказал церкви.

●

Я понял, что на свободе мне осталось быть совсем немного. Учитывая угрозы работников КГБ, я ждал от них каверзы, подвоха на производстве, где работал, поэтому бодрствовал и усиленно молился.

Долго ждать не пришлось. Однажды я заступил на дежурство в ночную смену. Погода установилась теплая – котлы подключали только под утро. Всю ночь я читал. Утром решил растопить котлы, но прежде проверил, в каком они состоянии. Смотрю: в водо-

мерном стекле нет воды, значит, и в котле пусто. Поднялся по лестнице, открыл кран – и в кране нет воды. Открыл нижний кран – и здесь вода не идет. Посмотрел журнал дежурств, стои́т подпись рабочего, но о неполадках нет никакой отметки.

Проверяя продувочные вентили, я вспомнил, что в темном углу есть еще один вентиль. Подошел, а он – разобран вообще!

Думаю, растоплю второй котел, в котором была вода. Затопил, а пламя – соломенного цвета, котел никак не разгорается. 7 часов утра! Нужно дать пар заводу, а стрелка термометра резко падает.

Через час пришел ответственный кочегар со сменщиком и спросил.

– Почему в котлах нет давления?

– Один котел вышел из строя. Его кто-то выключил и спустил воду, а в журнале не отметили.

– Кто спустил воду? Я буду писать рапорт.

– Пиши. Кто спустил, я не знаю, но растапливать пустой котел я не имею права.

Это был явный подвох. Они думали, что я не проверю и разожгу пустой котел, а он – на жидком топливе. Только дай огонь – все трубы расплавятся, и котел может взорваться.

– И на втором котле я не могу дать нужной температуры,– сказал я ответственному кочегару.

Как мало было таких отрадных минут общения с церковью у дорогого служителя Божьего! (Одесса)

– Я напишу на вас рапорт!

– Это твое дело,– сказал я ему и пошел в баню. Принял душ, переоделся и вернулся в котельную. Смотрю, а ответственный кочегар со сменщиком уже соединили систему, наполнили водой котел и начали топить. Я понял, что это работа ответственного кочегара: какой бы он ни был специалист, но если он не сливал воду, то, не зная причины, не имел права растапливать котел.

– На доске объявлений висит бумага, чтобы ты написал объяснительную, почему сорвали заводу рабочую смену,– сообщил мне кочегар.

– Не смену, а всего один час (с 7 до 8 часов утра), а писать я ничего не буду.

Пришел я на следующее дежурство и поинтересовался у сменщика:

– Как это могло случиться?

– Неужели ты не понял? Это же тебе специально подстроили. И не только воду из котла спустили! Еще и вентилятор-дымосос на втором котле был подключен так, что вместо того, чтобы воздух откачивать из котла и создавать тягу, он дул в котел!

– Так вот почему я не мог разжечь хорошее пламя и поднять нужную температуру!

– Ты ушел домой, я начал топить – тяги нет. Я позвал электриков, они и обнаружили, что кто-то перекинул контакты и дымосос работал в обратном режиме.

Я еще больше убедился в коварном замысле, но пошел работать.

Перед обедом пришел начальник контрольно-измерительных приборов и потребовал написать объяснительную.

– Ничего писать не буду. Если вызовет директор, поговорю с ним сам.

Через час пришел главный механик, и тоже потребовал объяснительную. Я не согласился. Они на меня написали докладные директору, и он пригласил меня и механика в кабинет. Я все подробно ему изложил.

– Кто дал команду спустить воду из котла? – спросил он механика.

– Я не давал,– ответил тот.

– А кто?

– Бойко! Он же – сантехник!

– Владимир Николаевич! Не только воду спустили, но еще и дымосос на втором котле переключили, чтобы сорвать работу на заводе.

Директор спросил КИПовца:

– Вы давали команду перекинуть контакты?

– Нет.

– Кто тогда?

– Бойко! Он же мастер на все руки!

– Владимир Николаевич! Неужели я – враг самому себе, чтоб на своей смене такое устроить?! Разберитесь. Здесь происходит умышленное вредительство, и я вынужден буду обратиться в конфликтную комиссию.

– Бойко, идите, работайте! – отпустил он меня.

Я понял, что директор не был замешан в этой неприятной истории, которая обернулась бы для меня аварией и судом, если бы Господь не вступился за меня и не помог обнаружить их замыслы.

Происки недругов продолжались до самого моего ареста. Но, слава Богу, Господь чудным образом хранил меня.

Глава X

По обстановке, сложившейся в церкви и на работе, я понимал, что на свободе мне долго не пробыть, поэтому торопился сделать по дому все тяжелые работы: поменять прогнившие и провисшие потолочные балки, чтобы они не обрушились детям на голову. Меняя балки, пришлось обновить потолок и заодно пристроить комнату, где бы я мог принимать верующих, приходящих ко мне для личных бесед. Дом у меня для семьи из 8 детей небольшой, и расположиться с желающими помолиться мне было негде.

Помогал мне в строительстве только родной брат. Подняли стены, стянули их балками, поставили стропила, работа – в самом разгаре, а меня вызвали в КГБ. Я молился, чтобы Господь дал мне время закончить стройку. После беседы сотрудники КГБ отпустили меня.

Снова – за работу. В один из дней обмазывали мы потолок глиной с соломой. Вдруг зло залаяла собака... На верующих она никогда так не срывалась. Значит, пришли чужие и недобрые. Жена подошла к калитке. Потом, обернувшись, с тревогой сказала: «Николай, это к тебе».

Непрошенные гости: уполномоченный и сотрудник КГБ, смело, как давно знакомые, прошли во двор.

– Здравствуйте! – начали они первыми разговор. – Как идет работа?

– Слава Богу,– ответил я.

– Долго вы не будете вместе,– подойдя к жене, предупредил негромко сотрудник КГБ.

– Почему? – догадываясь о чем идет речь, на всякий случай уточнила жена.

– Скоро разлучим...

– Как Господу будет угодно...

– Ты тоже верующая? – делая удивленный вид, спросил сотрудник, хотя прекрасно знал, что моя жена христианка.

– Да, тоже верующая.

– У вас столько детей! О чем вы думаете?

– Как Господу нужно, пусть так и ведет нас.

Внутренняя готовность к страданиям за имя Господа и полное согласие с волей Божьей, какой бы она ни была, раздражала гонителей.

– Что вы за люди?! – возмутились они и ушли.

Жена закрыла за ними калитку.

– Если тебя сейчас арестуют, работа не окончена,– забеспокоилась жена.

– Валечка! Пока не достроюю полностью, не заберут меня. Верь, и Бог пошлет нам по нашей вере. Давай помолимся,– утешил я жену и сам утешился.

Мы склонили колени в недостроенной комнате. Через щели между бревен на потолке виднелось голубое небо, где обитает Тот, Кого мы любим, Кому служим, в Кого крепко верим, и Он услышал нашу просьбу. С Божьей помощью я поштукатурил и побелил стены, настелил пол, вставил окна, покрасил, застеклил,– работа завершена!

И только после этого 29 сентября 1980 года у меня в доме (и еще в двух домах верующих) произвели обыск в мое отсутствие.

– Где Николай Ерофеевич? – настойчиво спросил жену сотрудник милиции.

– У дочери,– поспешила ответить жена а потом очень сожалела об этом.

Я в это время работал с зятем в теплице. Смотрю, подъехала милицейская машина.

– Бойко, вы нам ненадолго нужны. Пойдемте.

– Куда?

– В Суворовский район.

Помолившись, я поехал с ними.

Сначала меня доставили в отделение милиции, затем в прокуратуру, где предъявили санкцию на арест, и поместили в следственный изолятор.

●

Для церкви и для родных мой второй арест хотя и не был неожиданным, но всё же скорбным. На следующий же день в церкви состоялось членское собрание, на котором было вынесено единодушное решение отказаться от регистрации, поскольку органы власти использовали ее только для разложения и удушения церкви. К заявлению об отказе от регистрации Пересыпская церковь приложила протокол членского собрания и документы, подтверждающие регистрацию: справку руководящего общиной и справку исполнительного органа. Заявление это было скреплено подписями учредителей общины, которые ранее подписывали и принимали эту греховную регистрацию [т. е. подписями членов исполнительного органа общины (3 чел.), членов ревизионной комиссии (2 чел.) и членов двадцатки (15 чел.)] и отослано в Ленинский райисполком, в Совет по делам религий при Совете министров СССР, уполномоченному по делам религий Одесской области, в Совет церквей ЕХБ и в Совет родственников узников ЕХБ, осужденных в СССР.

●

На первом допросе я объяснил следователю, что на вопросы о церкви, о моих единоверцах отвечать не буду и не подпишу ни одного протокола допроса. Просил его учесть также и то, что адвокат мне не нужен. Что касается личных убеждений и моего упования на Бога – об этом я свидетельствовал открыто, кто бы меня ни спросил.

– Бойко, поймите, вы обязаны давать мне показания,– настаивал следователь.

– О внутренней жизни церкви, о служении братства, о том, кто ко мне приезжал и где я встречался с верующими – на такие вопросы категорически отказываюсь отвечать – это прямое предательство.

Гонителей же интересовали именно эти вопросы, а я молчал. Через время дело мое передали другому следователю, и ему я ничего не отвечал. Старший следователь в моем присутствии посоветовал ему:

– Ты на Бойко покрепче нажимай!

– Тогда я вообще ни на какие вопросы отвечать не буду.

– Мы всё равно судить тебя будем!

– Это ваше дело.

Новый следователь обращался со мной чрезмерно грубо. Поскольку я не вступал с ним ни в какие разговоры, вести дело взялся третий следователь. Он почти не вызывал меня на допросы и закрыл дело.

Следствие закончилось, и меня привели познакомиться с адвокатом.

– В самом начале следствия я поставил в известность, что в защитнике не нуждаюсь. Мой защитник Бог и Дух Святой,– пояснил я адвокату, и он ушел.

Через несколько дней меня вновь представили адвокату женщине.

– Скоро начнется судебный процесс – я ваш адвокат.

– Извините, я неоднократно пояснял, что в защитнике не нуждаюсь.

– Не бойтесь, Бойко, я вас буду защищать.

– Скажите, вы коммунистка?

– Да.

– Если вы даже искренне хотите меня защитить, вам не дадут.

– Почему? Я знакома с вашим первым судебным процессом. Вы неплохо защищались сами.

– Я человек верующий и не желаю вам плохого. Если вы будете защищать меня честно, то после суда вы не будете больше работать адвокатом,– вы учитываете это?

И рассказал ей, как уволили завуча школы за то, что она по запросу следователя согласно оценкам в журнале дала положительную характеристику на моих детей.

– Почему? – удивилась она.

– Потому что у нас в стране ведется борьба с верующими на государственном уровне.

– Я не могу отказаться, меня заставляют,– призналась она.

– Меня всё равно осудят, и вы будете не защитником, а моим вторым обвинителем.

– Бойко! Очень прошу вас, когда начнется суд, напишите письменный отказ, я буду вам очень благодарна...

●

Завод, где я работал, не располагал большим помещением, поэтому суд состоялся в клубе Одесского кабельного завода. В зал заседаний меня ввели с тыльной стороны. Войдя, я преклонил колени между стульями и помолился.

В зале разместились работники КГБ, милиции, начальство и коммунисты нашего завода. Кое-кто из них мне был знаком. В зале, рассчитанном на 700 мест, сидело человек 15. Среди них – никого из моих родных и близких.

Вошли: судья, прокурор, общественный обвинитель. Судья стала зачитывать обвинительное заключение. Я спросил:

– Граждане судьи! Скажите пожалуйста, суд надо мной открытый?

– Открытый.

– Почему же нет жены, детей, свидетелей?

– На ваш суд никто не пришел! – не смущаясь, лгал прокурор.

– Как же вы будете меня судить без свидетелей?

– Это не ваше дело! – зло и самоуверенно заявила судья.

– В таком случае я отказываюсь от участия в суде.

– Это ваше право.

– У входа я видел несколько человек, желающих присутствовать на суде.

– Я выходил на улицу, там никого нет! – доложил прокурор.

Судья уже зачитала половину списка свидетелей, когда открылась дверь и я услышал плач дочери.

– Папочка! – войдя в открытую дверь, сказала дочь. – К тебе на суд пришло много друзей. Милиция никого не впускает, даже маму.

– Прокурор заявил, что у дверей никого нет, и я отказался от суда,– ответил я дочери.

– Бойко! Садитесь на свободное место в зале,– предложила судья дочери.

Из перечисленного списка свидетелей отозвался лишь один человек. Объявили перерыв.

В это время в зал вошла жена, дети и некоторые братья и сестры.

Суд продолжился. Из 19 свидетелей прибыли только двое.

– Знаете подсудимого? – приступила к допросу судья.

– Знаю. Нас как дружинников послали в их молитвенный дом. Там люди пели, дети рассказывали стихотворения, а Бойко вел антисоветскую пропаганду.

– Как подсудимого зовут? – спросила судья.

– Там его звали «отец Николай».

Показания второго свидетеля были аналогичны.

– Подсудимый! У вас есть вопросы к свидетелям?

– Я пояснил суду, что в процессе участвовать не буду.

Из-за отсутствия свидетелей в этот день судья объявляла пять перерывов, а затем перенесла заседание на следующий день.

Оказывается, суд был назначен на 22 декабря, на эту дату соответственно разослали повестки. Опасаясь, что на суд съедется много верующих, его решили начать на четыре дня раньше. В конце первого дня суда они объехали всех свидетелей и пригласили их на 19 декабря.

На второй день я тоже не участвовал в судебном разбирательстве, хотя присутствовало много коммунистов и моих друзей-единоверцев. От защитительной речи и последнего слова я тоже отказался, несмотря на то, что был хорошо подготовлен.

Дети плакали. Конвойный солдат возмущался: «Что вы плачете?! Вашего отца судить не за что! Его сейчас освободят, он еще вас ремнем отходит...» А когда объявили приговор: 5 лет лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима и 5 лет ссылки по ст. 138 ч. 2 и ст. 209 ч. 1 УК УССР, солдат от ужаса взялся за голову...

●

Из воспоминаний дочери Любы Бойко:

> *«Папа, выслушав приговор, улыбался. Мы бросили ему живые цветы: "Папа! это тебе за верность!" Присутствующие в зале суда верующие дружно запели: "Жить для Иисуса, с Ним умирать..."»*

●

Пожелание друзей, особенно пение, всколыхнуло мое сердце и послужило большим ободрением. Зал высокий, акустика великолепная! Друзья пели от души. Судебная коллегия исчезла, как будто их никого и не было. Справа и слева от меня стояли конвойные солдаты, а начальник конвоя (капитан) тревожно шагал возле подиума. Тут же стояли и слушали, словно в оцепенении, сотрудники милиции и КГБ. Из зала никто из присутствующих не выходил,– звучало пение. Солдаты взяли меня под руки. На них и на меня падали цветы. Как много было цветов! Пение еще не окончилось. Капитан тихо дал команду конвоирам, и они повели меня к пожарной лестнице. По ней мы сошли со второго этажа вниз. «Воронок» стоял наготове. Как только мы сели, он тут же сорвался с места.

В тюрьму меня везли с такой скоростью, что я опасался аварии. Когда я вышел из «воронка», начальник конвоя стоял бледный, как воск. Видно было, что он растерялся, впервые оказавшись в такой ситуации: цветы, пение, приветствия.

В тюрьме моментально узнали, что на Пересыпи осудили какого-то баптиста и после приговора «осыпали цветами и пели революционную религиозную песню».

Из тюрьмы я направил две кассационные жалобы в Одесский областной суд. Судебный приговор остался в силе, и 8 марта 1981 года я был уже на этапе.

●

Из воспоминаний дочери Любы Бойко:

«8 марта человек 60 молодежи Пересыпской церкви пришли на станцию Одесса-малая. Разыскали "столыпинский" вагон с заключенными, стали стучать и дружно кричать: "Папа! Папа!" Выглянул солдат.

– У вашего отца 8 детей?

– Да! – ответили мы хором.

– А остальные кто?

– Дети!

Солдат сообщил папе, что мы у вагона. Папа попросил подойти поближе сына Павла и немного с ним переговорил».

●

«Дядя Коля! Что вам купить в дорогу?» – спросили меня друзья. Я попросил сладкого. Они принесли и отдали начальнику конвоя, но он ничего не передал.

Заключенные в вагоне поинтересовались:

– Это вы тот дядя Коля, которого в зале суда забросали цветами?

– Да.

– Скажите, чтобы ваша молодежь спела ту песню, которую пели в зале суда.

И друзья запели: «Жить для Иисуса...»

– Спойте еще! – просили заключенные.

Зазвучал гимн: «Христианин, неси огонь чудесный свой...»

●

Из воспоминаний дочери Любы Бойко:

«"Столыпинский" вагон стали подавать на платформу пассажирского вокзала и прицепили к поезду Одесса-Харьков. На перроне сотрудники милиции никого не допускали к зэковскому вагону. Но к соседней платформе подошел львовский поезд. Скопилось много народу. Мы снова смогли подойти к вагону, где находился папа. Стучали, но харьковский поезд тронулся... На прощание папа сказал: "Осторожно, дети! С Богом!"»

Дети Николая Ерофеевича и молодые христиане Пересыпской церкви поют у вагона, в котором дорогого служителя отправили на этап.

●

Заключенные видели, как милиционеры отгоняли молодежь то с одной стороны вагона, то с другой. Слышали пение, а пели друзья до тех пор, пока не отошел поезд.

– Кто вы такой, педагог? – поинтересовался начальник конвоя.

– Служитель.

– Поп?

– Я верю в Бога, и нес пресвитерское служение. У вагона была христианская молодежь нашей общины. Скажите, куда меня направляют?

– В Хабаровск.

Так позади осталась Одесса, дорогая церковь, семья, а впереди – неизвестность, которой управлял Бог.

А вот и первая остановка на станции Раздельной. Смотрю в окно – бежит моя дочь, друзья! Они успели добраться сюда машиной, чтобы еще раз увидеть меня и проститься. Бежали по перрону и махали руками: «Дядя Коля, до свидания!»

«Ты смотри! – восхищались заключенные,– и сюда добрались!»

Я успел только сообщить друзьям, что меня этапируют в Хабаровск.

Прибыли в Харьков. Заключенный (старший из преступного мира) предупредил: «Братва! Кто будет ехать на Дальний Восток, смотрите, чтобы дядю Колю никто пальцем не тронул! Ясно?» И меня словно эстафету передавали из одной пересыльной тюрьмы в другую. Везде приказывали не обижать и рассказывали о том, как молодежь провожала меня с пением.

В пересыльных тюрьмах я много беседовал с заключенными. Как-то завели в нашу камеру нескольких зэков, настроенных против меня, те потребовали, чтобы я подошел к ним.

«Никуда не ходи!» – не пускали знакомые этапники.

«Эй ты, поп! Прекрати свои проповеди! Подойди сюда, мы с тобой поговорим!»

«Вам не нравится, не слушайте,– отвечали вместо меня ребята,– а дядя Коля к вам не подойдет».

Сколько они ни домогались, бесполезно. Господь через заключенных оказывал мне Свою защиту, и никто не мог причинить мне зла. Слава Ему!

Глава XI

Этап прибыл в поселок Старт Хабаровского края (27 км от города Комсомольска-на-Амуре).

Познакомившись с моим делом, начальник колонии Лазуткин цинично уточнил:

– Ты что, веришь в Бога?! У нас перестанешь верить! Сломаем.

– Меня в молодости хотели сломать, не смогли. Я убежденный христианин и не ломаюсь.

– Не таких ломали: воров в законе, блатных! Пойдешь в ШИЗО, в ПКТ, а оттуда отнесем тебя наверх (на кладбище) и столбик поставим: «Тут лежит Бойко»!

– Не угрожайте мне смертью, я верю в бессмертие... Насилие – это вернейший признак вашего бессилия.

– Посмотрим! – зловеще сверкнул глазами начальник.

В бараке я помолился Богу: «Господи, Ты видишь их угрозы, и знаешь, что я пощусь в среду о семьях узников, в пятницу – вместе со всем братством, а теперь прошу, дай мне силы в воскресенье половину суток поститься, чтобы они меня не сломали. Мне лучше умереть, чем сломаться. Я хочу остаться верным Тебе до смерти...»

●

Поселок Старт действительно был особой зоной, где ломали заключенных. В отличие от других лагерей, где в неделю проходит одно политзанятие, здесь пять! И за отсутствие на них – 15 суток ШИЗО. На третий день я оказался в изоляторе, где стены, пол и потолок – бетонные. При входе туда заставляют полностью раздеться, присесть 10 раз. Проверяют уши, заставляют открыть рот – вдруг что-то спрятал! Одежду, в которой пришел, отдаешь и надеваешь ту, которая годами лежит в ящике у входа в изолятор, а она – сплошь насижена вшами. Как только я надел ее, они поползли по телу. На груди, на спине и чуть выше колен этой спецодежды большими буквами написано: ШИЗО.

Кормят скудно: в день 600 г хлеба и кипяток; горячая еда – через день. Иногда выходило так, что в дни поста давали горячую пищу, а я не ел, и всю неделю был на сухом пайке.

Войдя в камеру, я предупредил заключенных: буду молиться, чтобы они не подумали, что мне плохо и не поднимали с колен, как это однажды случилось.

Отбыл первые 15 суток и на очередное политзанятие не пошел. Начальник отряда написал докладную. Замполит вызвал всех отрядных (в лагере 17 отрядов), оперуполномоченного и начальника режимной части. Они буквально забросали меня вопросами. Заставляли писать объяснительную. Обычно я писал так: «Объяснительная незаконно осужденного Бойко по ст. 138 и 209 УК УССР. Я – убежденный христианин и т. д.»

После беседы подписали новое постановление на 15 суток.

Так начались мои скитания из изолятора в изолятор. Придя както в камеру, начальник с ехидной улыбкой спросил:

– Как поживаешь, Бойко?

– Живем, хлеб жуем, кипяточком запиваем и все равно Бога прославляем!

Он в ярости закрыл двери. Для них самое страшное, когда в страданиях человек не унывает, тогда они понимают свое бессилие.

– Чем ты живешь, Бойко? – спросил меня как-то другой начальник.

– В Библии написано: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

И этот, зло захлопнув «кормушку», ушел. Не было успеха у моих мучителей, потому что Господь укреплял меня переносить все с терпением.

Господь мне открыл: если меня сломают, то таким же изощренным нападкам подвергнут всех искренних служителей-узников. Я просил у Господа силы лучше умереть верным, но не сломаться. Он слышал мои молитвы и давал твердости духа стоять до смерти. В эти трудные годы я сердцем чувствовал молитвы детей Божьих всего братства, которые возносились обо мне к престолу Божьему.

●

Помещали меня и в «прессхату». (Отдельная камера в изоляторе, где ломают тех, кто не сломался в ШИЗО.) В этой камере находятся заключенные, опекаемые администрацией и специ-

ально подготовленные к травле и издевательствам над другими.

Только я вошел в «хату», ко мне стали придираться зэки, работающие на администрацию.

В камере напротив заключенные услыхали мой голос и стали, выстукивая, переговариваться:

– Дядя Коля, как вы туда попали?

– Не знаю.

– А кто там на вас голос повышает?

– Да есть, тут, я их не знаю.

– Братва! Ответь, кто там сидит? – строго спросили из камеры напротив.

Трое отозвались, а тот, который особенно придирался ко мне и угрожал, молчал. После угроз заключенных из камеры напротив он все же назвал свою кличку.

– Муха! Если ты дядю Колю хоть пальцем тронешь, башку снесем,– на своем жаргоне крикнули ему.

Муха сразу присмирел. Заключенные задавали мне вопросы, я отвечал, но Муха заставлял меня молчать.

– Не будет вопросов, я замолчу. А так – я обязан ответить.

Господь и здесь защищал меня от преступного мира.

На следующие 15 суток меня поместили в 10 камеру с массивными стенами. Переговариваться невозможно, не слышно. В камере было два человека, третьего ввели позже. Все парни были крепкого телосложения.

Через время дверь камеры открыл начальник. В руке он держал ходатайство верующих.

– Ишь ты! Грабил людей в церкви, а теперь они пишут петиции о нем!

– Гражданин начальник! Если бы я грабил верующих, разве они стали обо мне ходатайствовать? Если бы я с кого-нибудь взял, хотя копейку, то КГБ столько бы на меня «накрутили»!

Начальник ушел, а парни приступили с расспросами. К вечеру они еще больше стали приставать. Я постоянно пребывал в молитве.

В изоляторе холодно. Парни были в теплой одежде, согревались, сидя вместе, а на мне – только хлопчатобумажная одежда ШИЗО, и я замерзал. Ночью они не давали мне покоя, подходили и в ярости хотели бить, но кулаки их повисали в воздухе на расстоянии 40–50 см от меня. Бог останавливал их – в этом я видел особую за-

щиту моего Небесного Отца, Который хранил меня по молитвам народа Божьего.

Вышел я из изолятора уставший, небритый, грязный. В ШИЗО во всех этих услугах отказывают.

Встретил меня главный из блатных.

– Дядя Коля, снова в «прессхате» был? Как к тебе относились? Трудно было?

– На этот раз очень тяжело...

– Кто с тобой сидел?

– Они раньше меня вышли.

Мимо нас проходил молодой заключенный. Он подозвал его.

– Сходи в 10-й барак позови Сашку.

Парнишка ушел, а блатной сказал:

– Наши ребята говорят, что с вами хорошо сидеть в изоляторах – время быстро проходит в беседах...

Пока мы разговаривали, подошел Саша. Увидев меня, стушевался.

– В какой камере сидел? – наступал на него блатной.

– В 10-й с дядей Колей.

– Ну и что ты там выделывал?

Саша, обращаясь ко мне, взмолился:

– Дядя Коля! Дядя Коля, да я ж ничего...

– Там ты был герой, а здесь?

Подошли еще заключенные. Обращаясь к блатному и к ним, я попросил:

– Ребята, прошу вас, не бейте. Он сам поймет...

– Дядя Коля, это не ваше дело! Вы вышли из изолятора, идите отдыхайте.

P. S. (В 1983 году я снова попал в зону поселка Старт. Этот Саша сам мне рассказал, что ему все-таки хорошо всыпали, и он попросил у меня прощение.)

●

Администрации лагеря не удавалось меня сломить ни простыми изоляторами, ни «прессхатами», ни специально настроенными заключенными, которые боялись больше блатных, чем администрацию. Поэтому они решили меня поместить в изолятор к блатным, но с выводом на работу.

– Значит, дядя Коля будет нас снабжать куревом! – обрадовались ребята.

– Я верующий,– повторил я известную для них фразу. – Хлеба или чего-то съестного, сколько смогу пронесу, но наркотиков и курева – никогда, потому что это грех и соучастником в грехе я не буду.

– Зачем нам такой в камере! – зашумели ребята. А я усиленно молился.

– Знаете, это боговерующий одессит,– начал рассказывать обо мне заключенный, и они разделились во мнениях.

– Ребята, поймите, администрация специально поместила меня к вам. В «прессхате» меня не сломили, теперь хотят это сделать вашими руками.

– Точно! Что нам тогда скажет наша братва?! – испугались некоторые. – Зачем же мы будем помогать им ломать верующего человека?! Лучше мы с другой стороны получим «подогрев» (продукты, курево, наркотики), только бы нашими руками не сделать зло дяде Коле.

– Хорошо! – согласились они. – Что сможешь из продуктов пронести – приноси.

В 6 утра подъем. Свою пайку хлеба я оставлял сразу в камере, а в дни поста вообще все отдавал и уходил на работу. Встретив главного блатного в зоне, я объяснил, что̀ задумала сделать администрация. «Хлеба я ребятам буду носить, но только не курево и не наркотики. Если я согрешу, то надо мной не будет Божьей защиты, и тогда они меня сломают». Он выслушал и попросил своих друзей не навязывать мне приносить ничего, кроме хлеба. Когда дежурный был хороший, я проносил 3–4 пайки хлеба в течение 15 суток.

И через блатных не удалось меня сломить. Я понимал, что Бог меня защищает по молитвам народа Своего. В изоляторах я особенно ощущал действие молитв святых. Бог посещал меня такой радостью, что от восторга я даже плакал. Дух Святой возносил молитвы искупленных к Богу, а Он с неба укреплял мое сердце и я никогда не унывал.

●

Из воспоминаний дочери Любы Бойко:

«Три месяца от папы не было писем. В сентябре мы отправились на Дальний Восток узнать: жив ли он? Приехали в Комсомольск-на-Амуре в поселок Старт. Нам сказали, что

свидания не дадут, потому что папа "плохо себя ведет и все лето просидел в ШИЗО".

– Почему вы не ответили на наш запрос? – осведомились мы у начальника. – Нам известно, что отца заедают вши.

– Никаких вшей нет! Заключенные едят хорошо!

– Если не дадите свидания с отцом, мы будем жаловаться в Главном Управлении Лагерей в Москве.

– Вот идут расконвоированные, любого спросите, и он вам скажет, что они едят даже мясо.

– Если заключенный ответит, что мяса не видел, то завтра же пойдет в ШИЗО! Покажите нам отца, чтобы увидеть, в каком он состоянии.

– Ну что, поведем женщин в лагерь? – спросил начальник у замполита.

– Ты что? Засмеют!

– Приезжайте завтра, мы решим этот вопрос.

Утром мы прибыли. Начальство как раз совещалось по этому поводу.

– Если Бойко не в ШИЗО, дать свидание на 20–30 минут,– приказал начальник замполиту.

– Бойко в ШИЗО!

– Дайте все равно, они будут жаловаться».

●

Находясь в этом лагере, я не получал ни писем, ни открыток – такое давление создали мне, чтобы сломить. Но я все принимал как должное, зная, что за всем этим надзирает Господь.

Вышел я из изолятора. Меня вывели на работу, и сразу пригласили к начальнику.

– К тебе приехали дети. По их неотступности разрешаю тебе свидание на 20 минут.

А я после изолятора – заросший, немытый.

●

Из воспоминаний дочери Любы Бойко:

«Пришли мы на контрольнопропускной пункт (КПП). Разговаривали с папой по телефону через стекло. Хотели подойти поближе, на нас закричали: "Нельзя!" Папа снял фуражку,

помолился. Мы с этой стороны помолились. Его только вывели из ШИЗО. Папа немного расспросил о церкви, о доме.

– Папа, от тебя нет никаких известий. В церкви нам сказали: езжайте и пока не увидите отца, не возвращайтесь. Мы здесь уже несколько дней. Папа, правда, что в изоляторе полно вшей? Начальник лагеря говорил, что ты здесь мясо ешь, и что вшей нет.

Папа отвернул воротник нижнего белья – он был черным от крови и грязи. Тело тоже все было искусано вшами... В изоляторах – полумрак, а очки в изолятор не разрешают брать. Без очков папа вшей не мог видеть, чтобы их убивать. Вши его так искусали, что здорового места не было видно...

Начальник, вопреки закону, подслушивал наш разговор. Не вытерпел, открыл дверь и вошел.

– Где ваша правда?! Смотрите, отца заедают вши! – возмутились мы.

– Так, Бойко! Я тебе, как человеку, разрешил свидание, чтобы дети тебя увидели, а ты демонстрируешь перед ними лагерные условия?! – ополчился начальник на папу, а нас выгнал».

●

Дети опечаленные вышли. Начальник еще больше разошелся.

– Ты что клевещешь на советскую власть?!

– Где она?

– Как где? Я – советская власть!

Сняв через голову рубашку, я подошел к нему вплотную:

– Посмотрите и убедитесь, что это не клевета!

Начальник, увидев вшей, брезгливо отскочил от меня.

– Сколько ты будешь на Дальнем Востоке, Бойко, свидания не дадим! – пригрозил он.

Свое злое слово начальник сдержал: в этом лагере свиданий с родными больше у меня не было.

●

Девять раз меня помещали в камеру-холодильник, стены которой покрыты снегом. На 9-й раз я сильно переохладился. Поднялась температура, я тяжело дышал. Кончились 15 суток, я пошел в санчасть – воспаление легких. Рентген подтвердил диаг-

ноз. На три дня меня освободили от работы.

Только вышел из санчасти, по селектору вызвали в штаб. Помолился и пришел. На меня – докладная: не был на политзанятии.

– Бойко, на 15 суток в изолятор!

– Ну что ж...

Начальник режимного отдела майор Максименко подписал постановление и повел меня в ШИЗО.

– Гражданин начальник! У меня температура, я освобожден от работы...

– Знаю, но от изолятора ты не освобожден! – с какой-то нечеловеческой жестокостью заявил он.

– У меня воспаление легких! По закону вы обязаны человека вылечить, а потом помещать в изолятор.

– Бойко! Нам надо чтобы ты скорей подох! – довольный своим цинизмом произнес он.

Открыл камеру, обыскал, как обычно. Я переоделся в одежду ШИЗО, и дверь захлопнулась. Камера одиночка, но в ней уже было два человека. Я предупредил, что верующий и мне нужно помолиться. После молитвы я рассказал им, что заболел, да и они видели мое состояние.

Вечером я помолился об исцелении и наутро повторил Господу свою просьбу. К вечеру у меня упала температура, и я почувствовал себя совершенно здоровым. Господь исцелил меня! Я радовался и благодарил Бога.

Отсидел 15 суток и как только вышел, меня сразу повели на рентген. Воспаления легких не нашли.

– Как это могло случиться?! – удивлялись врачи.

– У меня есть Врач – Он всем врачам Врач! Это Христос! Он меня исцелил!

Пришел я в барак и написал родным письмо, а также в Совет родственников узников, что лагерное начальство поставило своей целью сгноить меня в лагере. От церквей вскоре пошли ходатайства непосредственно в лагерь и в другие инстанции.

В лагерь сразу прибыли из политотдела два майора. По селектору меня вызвали в штаб.

– Бойко, вы верующий? Вам же нельзя делать мостырки*!

---

* Мостырка — искусственное повреждение с целью освобождения от работы.

– Извините, верующие такими вещами не занимаются, это грех.

– Мы проверили записи в санчасти, вам не давали ни таблеток, ни уколов, а вы вышли из изолятора здоровым, тогда как другие зарабатывают там туберкулез. О вас ходатайствуют, что вас в лагере терроризируют, а вы совершенно здоровы?!

Подняв руку к небу, я сказал:

– У меня есть Врач – Он всем врачам Врач! Это Христос! Он мертвых воскрешал! Что Ему мое воспаление легких?

– Неужели вы убеждены, что Бог есть?

– Убежден и знаю, что Бог есть!

– В Библии столько противоречий,– как вы можете верить этим басням?

– Я еще не встречал людей, осужденных за то, что они верят басням Крылова. Если Библия – басня, то что это за басня, что за нее судят, да притом неоднократно на большие сроки?! В том-то и дело, что, читая Библию, нужно иметь веру. Вера – это контактный ключ с Богом и Его Словом.

(Позже я написал на это тему стихотворение, где последний куплет был такой:

Все домой мы входим дверью,–
Стенку лбом не прошибешь.
Так и Библию без веры
Век читай и не поймешь.)

После беседы майор из политотдела вызвал начальника и посоветовал: «Слушай, Лазуткин, когда ты оформляешь Бойко в изолятор, не приглашай всех отрядных, а то Бойко переубедит их и сделает из твоих офицеров секту».

И действительно, перед отправлением меня в ШИЗО отрядных больше не вызывали.

●

Меньше чем за полгода я отсидел в изоляторах 10 раз по 15 суток в холодное время года. Два раза я только не замерзал в ШИЗО. Спать приходилось в сутки не более 30–45 минут. Когда в камере было 2–3 человека, мы, сидя на полу спина к спине, чуть-чуть согревались.

Если заключенного помещать в ШИЗО много раз подряд, организм не выдерживает, человек заболевает. Но Господь меня укреплял. Главное все же не физическая сила, а духовная. Похудел

я очень, но не сдался по милости Божьей.

Вызвал меня снова Лазуткин и угрожал:

– Если ты не пойдешь в ногу с администрацией лагеря, мы о тебе такое в лагере распространим, что тебя сами заключенные убьют! Вот тогда-то ты прибежишь за спасением к нам!

– Гражданин начальник! Заключенные – психиатры не хуже вас, они человека узнают быстрее. Если вам удастся настроить против меня весь лагерь, я умру, но за спасением к вам не побегу, потому что я уже спасен Христом. Для меня смерть – не конец жизни, а конец страданий и переход в вечное блаженство. Вы лучше подумайте о себе – что вас ожидает после смерти.

– Иди-иди со своим Богом в изолятор! Найдем, за что тебя осудить! Знай, что ты отсюда не выйдешь живым!

Заключенные, зная, как со мной поступает начальник, еще больше уважали меня за стойкость.

Снова – изолятор, камера № 6 – я здесь уже был не раз. Через время стучат из пятой камеры.

– Дядя Коля, вы здесь?

– Да.

– Вам фабрикуют новое дело. Хотят судить за бунт, который устроили зэки. Говорят, что вы – зачинщик бунта.

– Ты меня среди них видел?

– Нет. Я так им и сказал: «Отцепитесь от меня!» – поэтому и попал в изолятор. Дядя Коля, в лагере сейчас прокурор из Комсомольска-на-Амуре. Вызывают многих, хотят все-таки на вас дело открыть.

Я вспомнил угрозу Лазуткина: «Мы тебя по такой статье осудим, что ты не выйдешь отсюда!» Если спровоцируют бунт, то, согласно закону, за бунт с жертвами могут приговорить к расстрелу, без жертв – 12–15 лет лагерей строгого режима.

Переговорил я с одним заключенным. Слышу, стучат из другой камеры:

– Дядя Коля! Меня вызывали и заставляли дать показания, что вы – зачинщик бунта.

– Какого? – уточнил я.

– За баней собралась группа людей, хотели устроить бунт. Организацию приписывают вам.

– А ты там был? – отстучал я свой вопрос.

– Я проходил мимо, меня схватили и привели к прокурору.

И других еще вызывают.

– Ты там видел меня? – повторил я вопрос.

– Нет! Братва сказала: «Кто на дядю Колю наклевещет, башку снимем!»

Я знал, что достаточно двух лжесвидетелей, откроют уголовное дело и осудят на новый срок. Благодарение Богу: ни один заключенный не подписал протокол допроса и не пошел на предательство.

●

11-й раз меня оформили на 15 суток в ШИЗО, но, поскольку не удалось открыть новое дело – не нашли лжесвидетелей – да и от церквей шли ходатайства и даже из-за границы, я не досидел до конца срока и меня отправили на этап.

А день – не этапный. Вызвали машину из воинской части и трех автоматчиков. Под конвоем меня повезли сначала в Комсомольск-на-Амуре, а оттуда – в Хабаровск.

Вошел я в камеру хабаровской пересыльной тюрьмы. Предупредив заключенных, помолился. Начались беседы: люди – одни приходят, другие уходят.

С очередного этапа прибыл непростой заключенный по кличке Джем. Он был высокого роста, крепкого телосложения. В камере все засуетились, освободили нижние нары, накрыли стол. Я продолжал беседовать с заключенными, а он все время прислушивался, но ни о чем не спрашивал.

Через несколько дней в камеру завели заключенных, прибывших из Прибалтики. Среди них – врачи, учителя – люди внешне набожные, грамотные. Задавали мне много вопросов, и не простых. Бог давал милость отвечать им на основании Священного Писания. Они снимали свои возражения и соглашались с библейскими доводами.

В эту же камеру завели заключенного из лагеря поселка Старт. Джем стал расспрашивать его обо мне.

«Знаешь, сколько дядя Коля уже отсидел за веру в Бога?! Его страшно терроризировали на Старте,– он не выходил из ШИЗО». Джем внимательно выслушал его и подошел ко мне.

– Дядя Коля, что вы за мужик?

– Обыкновенный, только христианин.

– Какой?

– Евангельский христианин-баптист.

– Я тоже христианин, но православный.

Джем задавал вопросы и колкие, и серьезные.

На колкие я не обращал внимания, а на серьезные отвечал из Писания.

– Вы отвечаете, как будто читаете! – польстил мне Джем.

– Я не выдумываю, а говорю то, что написано в Библии.

– У вас же при себе Библии нет.

– Она у меня в сердце.

– Братва,– окликнул Джем заключенных,– если бы все люди были как дядя Коля, другая жизнь была бы на земле. – А потом, обращаясь ко мне, сказал: «Я полюбил вас, как родного отца, хотя своего отца я не помню. Таких людей, как вы, я уважаю».

На другой день дежурный через открытую «кормушку» зачитал список фамилий заключенных, отправляющихся на этап, в том числе и мою.

«Кормушка» захлопнулась. Дежурный ушел. Джем подошел к двери и постучал. Дежурный вернулся.

– В чем дело?

– Куда отправляют Бойко? – властно взглянул на него Джем.

– Это секретно!

Джем был главный вор в законе по Дальнему Востоку. Его знали и заключенные, и администрация, и даже побаивались. Дежурный знал, что ему могут отомстить, и сообщил, что меня отправляют в зону № 13 поселка Заозерный.

Джем сел за стол, написал записку и отдал зэку, идущему со мной на этап. Тот мастерски спрятал записку, ее, пожалуй, ни при каком досмотре не найдут.

●

13 зона находилась недалеко от Хабаровска. По прибытии со мной долго беседовало начальство лагеря: выясняли, кто я и как меня сломить. Наконец придумали: «Бойко! В 8-м отряде ты будешь работать, а в 5-м спать».

Вечером после ужина ко мне подошел парень.

– Вы – дядя Коля из Одессы?

– Я.

– Боговерующий?

– Да.

Он махнул рукой парням, и те поставили передо мной миску каши, хорошо сдобренной маслом.

– Ешьте, дядя Коля!

– Что за привилегия?

– Джем передал нам записку: «За дядю Колю вы отвечаете головой, как за моего родного отца! Поддержите его, и смотрите, чтобы никто его не обижал!»

После изоляторов я не мог есть жирной пищи, мне становилось плохо.

– Ребята, я не могу столько съесть, поймите.

– Дядя Коля, Джем с нас головы снимет, и нас поймите. Съешьте сколько сможете.

– Хорошо, но в другой раз не кладите в кашу много масла.

Они согласились.

Первая среда в зоне № 13 – день политзанятий. Я сказал отрядному, что не пойду, и объяснил почему. Он доложил замполиту, тот – начальнику колонии, но он меня не вызывал.

●

В зону прибыл новый этап. Прибывший заключенный осторожно передал мне аккуратно сложенное письмо от Дмитрия Васильевича Минякова! Прочитав его, я был в восторге! Оказывается, меня увели на этап, а Дмитрия Васильевича привели в эту камеру. Когда он узнал, что я был здесь, он чуть не расплакался. Джем его утешил: «Напиши письмо дяде Коле, а я своей почтой доставлю!» И Джем сдержал свое слово: письмо дорогого брата и узника Христова мне вручили, за что я был сердечно благодарен Господу.

Глава XII

В 13-й зоне, в Заозерном, куда меня отправили, выстроили както весь лагерь, чтобы вести на политзанятие. Я стоял в строю, но со всеми не пошел.

– Бойко! – позвал меня замполит. – Идите в школу.

– На политзанятия я не хожу.

– Я хочу с вами лично побеседовать.

– Согласен,– ответил я и, мысленно помолившись, пошел. Он привел меня в пустой класс, сел за стол и пристально посмотрел на меня.

– Бойко, вы обратили внимание, что я ни разу не подходил к отряду, где вы находитесь, до тех пор, пока из-за вас на меня не наложили взыскание? Я встретился с замполитом Ярковым из лагеря поселка Старт, узнал кто вы, и не тревожил вас. Переубеждать вас я не собираюсь. С вами занимались на Старте, вы остались при своих убеждениях. Попрошу вас об одном: никому из заключенных не навязывайте своих убеждений и не запрещайте ходить на политзанятия.

– Я этого никогда не делал, и делать не собираюсь. Но если меня спрашивают, в Кого я верю, то о Христе я свидетельствую и работникам КГБ, и лагерному начальству, и заключенным.

Часа три мы беседовали на различные темы. Я даже рассказал ему в миниатюре Божий план спасения.

Два месяца я был в Заозерном, и никто меня не принуждал посещать политзанятия. Кроме того, один из сочувствующих офицеров принес мне комментарий к Уголовному кодексу исправительно-трудовых учреждений, где указывалось, что непосещение политзанятий не является нарушением режима. Несмотря на это лагерному начальству постоянно ставили на вид: «Почему Бойко не сидит у вас в изоляторе?» Сотрудники КГБ, поняв, что офицеры ко мне расположены, срочно переправили меня в закрытую зону города Совгавань.

Когда я находился еще в Заозерном, жена просила в письме, чтобы я написал заявление на предоставление свидания, потому что в этом лагере я ни разу не сидел в ШИЗО. Свидание разрешили, но за день до этой даты меня специально отправили на этап, чтобы не встретился с родными.

К назначенному времени в Заозерный прибыли две мои дочери. Начальник оперативной части, узнав их, заявил:

– Вашего отца только вчера увезли...

– Как?! Мы проехали через всю страну, и отца нет? – плакали дочери. – Куда его отправили?

– В Совгавань. Учтите, этот город закрыт, без пропуска вам туда не въехать...

– Как же нам быть? – сквозь слезы спрашивали мои дети.

– Я сейчас еду в управление и могу посоветовать, к кому обратиться. Если хотите, можете поехать со мной.

Дочери приехали в управление. Их попросили подождать в коридоре напротив кабинета. Пока они сидели, кто-то, выходя, так хлопнул дверью, что она приоткрылась и было слышно, как начальник управления с кем-то переговаривался по телефону.

«Если дадим Бойко свидание, что скажут сотрудники КГБ?! Нам места нигде не найдется! Бойко и Миняков – самые страшные преступники...»

Через некоторое время дочерей пригласили в кабинет и категорично заявили:

– Езжайте домой! Никакого свидания не будет!

– Мы так долго не видели отца, неужели вы не посочувствуете? К тому же свидание нам положено!

Сколько они ни просили – бесполезно. Убитые горем, в слезах они пришли на вокзал и долго не могли успокоиться. Люди невольно обращали на них внимание, расспрашивали. Один из пассажиров из сочувствия пообещал провезти их в Совгавань и провез! Но в свидании им все равно отказали. С печалью и слезами они доехали до Хабаровска.

А я после этих событий именно в Совгавани перенес инфаркт, мне оформили вторую группу инвалидности. Ослабевший, шел я потихоньку из тюремной больницы в барак. Замполит, увидев меня, решил добавить мне горечи. Рассчитывал, наверное, что новый сердечный удар будет для меня последним.

– Бойко, к вам приезжали дети, но, поскольку свидание вам не положено, мы отправили их домой,– сказал он и долго испытующе смотрел на меня: ожидал, как я отреагирую на это сообщение.

– Вы думаете, что в сердце детей ваше жестокое отношение оставило хороший след?! Где бы они ни остановились, везде будут рассказывать верующим о вашей жестокости.

Пришел я в барак с тяжелым сердцем, но Господь утешил меня открыткой от детей из Хабаровска. «Папочка, добивайся свидания. Мы не уедем, пока не получим от тебя ответ»,– писали они.

Обратился я к начальнику, но он и слушать не захотел: «Не положено!» Так мои дети и уехали домой ни с чем.

●

В Совгавани я встретился с Джемом. Когда заключенные вернулись с работы, Джем собрал человек 70 и предупредил: «Братва! Это дядя Коля, о котором я вам рассказывал. Быстро получите в каптерке ему постель и положите его на нижнем ярусе!»

Во всех лагерях я спал на верхних нарах. В лагере п. Старт меня с опухшими ногами все равно заставляли подниматься наверх, несмотря на то что знали о моей гипертонии и болезни сердца. «Будешь ходить на политзанятия, тогда найдем тебе место внизу!»

Джем вскоре освободился. Я попросил жену выслать ему Библию, а мне – Новый Завет. Валя выслала, а Джем своими путями передал его мне.

Вскоре в лагере обратились к Богу несколько человек. У начальства – новый прилив гнева и ярости: посадили меня в ШИЗО.

Из воспоминаний дочери Любы:

«Позже папа все же добился общего свидания и выслал пропуск маме и мне. Четыре с половиной часа мы разговаривали с папой через стол. Нам разрешили даже передать папе продукты, и он кое-что поел. Выглядел он немного лучше, чем в поселке Старт. Но не скрыл от нас, что его мучила гипертония: "Если бы вы знали, как у меня болит голова..."

Он был опечален еще и тем, что перед свиданием у него отняли много ценных записей и украли сапоги.

Заключенные, несмотря на травлю начальства, относились к папе хорошо. После свидания он вышел на работу. Ребята сразу заметили, что он печален, и узнали причину.

Один из заключенных сказал дневальному: "Если к вечеру у дяди Коли не будет записей и сапог, мы тебе оторвем голову!"

Вечером у папиной кровати стояли новые сапоги. И тетради его нашли в снегу возле штаба и принесли.

Пока папа был в Совгавани, мы имели еще одно свидание. Мы прибыли по вызову, но ожидали встречи семь дней. Папа хлопотал в лагере, а мы, ожидая и томясь, молились у колючей проволоки. Свидание нам разрешили всего на два с половиной часа. За четыре года, пока папа отбывал срок, нам не дали ни одного личного свидания».

В Совгавани я тоже не посещал политзанятия, и начальник лагеря весьма озлобился на меня. (Он был высокого роста, голос грубый, властный.)

– Бойко! На занятия! – рыкнул он на меня.

– Я нигде их не посещал, и у вас не буду.

– Бойко! Советская власть сильна и крепка, не забывайте! Мы все равно вас сломаем!

– Бесполезно, гражданин майор.

– Не сломаем, говоришь?! – рассвирепев, ударил он кулаком по столу.

– Нет.

– Сгноим, Бойко! Запомни, свободы тебе не видать!

– Гражданин майор, если я не ошибаюсь, вы когда-то преподавали историю.

– Да, преподавал.

– Вы знаете, кем был Чингисхан?

– Знаю.

– Где он сейчас?

Начальник поубавил пыл и молчал.

– Знаете вы и какой могущественной была римская империя, но что от нее осталось? Где ее сила?

Разговаривая, я продолжал стоять у дверей, а начальник сидел за столом.

– Гражданин майор,– глядя ему в глаза, сказал я,– придет время, посмотришь на вас,– и не увидишь... вас не будет.

– Ах ты, антисоветчик! – вспыхнул он.

– Извините, начальник, но я говорю истину: во временной жизни нет ничего постоянного. Сегодня вы сильны, крепки, обладаете властью, а завтра вы – никто, вас нет!

– Вон из кабинета! – закричал он своим зычным низким басом.

Я думал, он сразу оформит меня в изолятор, а он повременил, но все равно отомстил: в ШИЗО 15 суток я отбыл.

●

В августе 1983 года (спустя чуть больше года) меня вновь привезли в лагерь поселка Старт.

– Вернулся! – злорадно встретили меня начальники. – Наконец-то мы тебя доконаем!

И началось: изоляторы, 6 месяцев в ПКТ (помещение камерного типа) и снова – изоляторы – я потерял им счет. Борьбу со мной вели жестокую – на уничтожение. Лагерному начальству было дано указание не просто меня сломить, чтобы я отказался от братства, отрекся от Бога и веры, а чтобы стал предателем и работал на них. Чтобы «шел с ними в ногу», как настаивал начальник лагеря – это было их конечной целью. Поскольку я не подавал им на это никаких надежд, они решили меня «сгноить», о чем мои гонители говорили мне откровенно, так как были уверены, что им это удастся сделать безнаказанно.

– Ты не был на политзанятиях! – подчеркнул начальник режимной части. – Мы можем пойти тебе навстречу: приходи на занятия, затыкай уши ватой и не слушай. Хочешь – спи, но только посещай,– снисходительно и льстиво уговаривал он меня.

И в то же время в зоне за мной был закреплен работник КГБ. Малейшая уступка с моей стороны, и они расценили бы ее как знак согласия «идти с ними в ногу». Кроме того, постоянное присутствие в зоне сотрудника комитета создавало большую напряженность: лагерное начальство его боялось и усердствовало в жестокости сверх меры. За каждое непосещение занятий на меня писали рапорт.

Вышел я из изолятора и, как всегда, не пошел на политзанятия. Вызывают в штаб. Помолился, захожу.

– Бойко, я пишу на вас новое постановление в штрафной изолятор.

И тут входит замполит.

– Опять туда же?! Не надоело? – спросил он.

– Гражданин начальник, для меня страдать за Христа – великая и незаслуженная честь. Я готов не только страдать, но и умереть за Христа. Представьте себе: страдать за Царя царей, за Творца Вселенной!

– У Бойко что-то неладно с головой,– приложив палец к виску, сказал замполит. – Пусть пока идет в изолятор.

Я понял, что они замыслили недоброе. Отсидел 15 суток, и меня отправили в краевую Биробиджанскую психбольницу. Там я очень долго и обстоятельно беседовал с главврачом. Рассказал о себе и, конечно, засвидетельствовал ему о Христе.

– С вами очень интересно разговаривать. Я хочу больше узнать о Боге. Вы – нормальный человек!

Заключенных, покаявшихся через мое свидетельство, тоже возили на проверку в психбольницу. Но возвращали в зону, как и меня, с заключением: «Психических отклонений нет».

Не удалось моим истязателям поместить меня в больницу для умалишенных,– пошли на новые хитрости: не успел я выйти из изолятора, как режимно-оперативный работник (РОР) пригласил меня в штаб. Помолился я, вошел в кабинет и стал, как обычно, у дверей.

– Николай Ерофеевич, садитесь,– выдвинул он стул,– у нас есть важный разговор.

– Говорите, я постою.

– Нет, пройдите, сядьте,– настоял оперативник.

«Господи, помоги и укрепи. Сам говори через мои уста»,– мысленно помолился я и сел.

– Николай Ерофеевич,– начал он издалека. – В нашей зоне около двух тысяч заключенных. Из столовой все воруют, меняют, продают. Жалобы дошли до Москвы. Мы ломаем голову: кого поставить завстоловой? Начальство единодушно предложило вашу кандидатуру – только вы как честный человек подходите на эту должность со стороны заключенных. Помогать вам будет женщина из вольных. В вашем ведении будут все продукты – ешьте всё, что вам нравится, поправляйтесь,– только наведите порядок в столовой. Заключенные вас уважают, будут вам помогать. Политзанятия можете не посещать...

Он наобещал мне «золотые горы», а я, молясь, понял, что это очередная ловушка.

– Только по этому поводу вы меня вызывали?! Извините, но я – служитель церкви. Ловить воров – не входит в мою компетенцию. Это – ваша работа.

– Николай Ерофеевич, физически вы не будете напрягаться. В вашу обязанность входит только: получить продукты и посмотреть, чтобы в вашем присутствии всё это шло в котел и варилось, а не разворовывалось. Выручите нас, пожалуйста,– продолжал он уговаривать.

– Нет,– отказался я и пошел к двери. Взялся уже за ручку.

– Подождите же! Ну, хотя бы в хлеборезке согласитесь работать.

– Нарезать хлеб почти для двух тысяч заключенных?! Я же гипертоник, сердце мое не выдержит такую нагрузку. Я не могу работать в ночную смену.

– Дайте лишнюю пайку заключенному, и он всё за вас сделает!

– Я никогда никого не эксплуатировал.

– Николай Ерофеевич, вы же честный и добросовестный человек!

– Вы все время считали меня неисправимым негодяем, не так ли? – улыбнулся я, закрывая за собой дверь.

Пришел в барак. Отрядный продолжил искушение:

– Бойко! Теплое место освободилось: будешь работать сторожем в магазинчике? Там можно дневать и ночевать. Всегда будешь сыт, и на политзанятия ходить не нужно.

– Нет, нет и нет!

– Тебя же не будут бросать в ШИЗО!

– Лучше в ШИЗО, чем в магазине.

Мне было ясно: любыми путями они хотят найти повод, чтобы завести на меня новое уголовное дело.

Как только ни изощрялись они ввести меня в грех! Прибежал однажды дневальный из штаба: «Дядя Коля! К вам верующая сестра пришла!»

Я знал, что в г. Комсомольске-на-Амуре была группа верующих. Они через своих родственников, которые работали в зоне в школе и в ПТУ, передали мне Евангелие Иоанна. Думаю, может, и на этот раз кто-то осмелился встретиться со мной. Помолился, а на сердце тревожно. Подошел к школе (она находилась рядом с двухэтажным зданием штаба), а сам молюсь: «Господи, если это от Тебя, то Ты можешь устроить встречу...» В школу сразу не вошел, рядом потихоньку прохаживался. Смотрю, в проеме окна появилась фигура «сестры». По ее одежде и поведению я понял, что это очередная ловушка. Подойди я к ней, нас бы сфотографировали скрытой камерой и стали бы потом шантажировать: с кем Бойко встречался?! Почти бегом я удалился с этого места и не переставал благодарить Бога, что Он сохранил меня.

Если христианин боится огорчить и оскорбить Господа, если бодрствует, то сколько бы сетей ни расставлял враг душ человеческих, Господь чудно защитит и избавит его от сетей ловца.

В перерыве, когда я не был в изоляторе, подослали ко мне воинствующего атеиста: надеялись, он переубедит меня. Я приводил ему высказывания светил науки о Боге, о Библии. Он стоял на своем: я не верю в Бога, а только в судьбу.

– Что такое судьба? – спросил я его.

– Предопределение,– ответил он разумно.

– Как же вы верите в судьбу, а в Того, Кто ее вам предопреде-

лил – не верите? Кто, кроме Бога, управляет судьбами людей?! Это под силу только Богу!

Вскоре в зону прибыл прокурор и, как бы между прочим, окликнул меня:

– Бойко, расскажите мне что-нибудь о Христе.

– А верите ли вы во Христа, хотя бы как в историческую личность?

– Понимаете, наукой не доказано,– подняв плечи, сказал он.

– Вы, наверное, марксист?

– Разумеется, все коммунисты – последователи Маркса.

– Скажите, если бы не было Маркса, были бы у него последователи?

– Нет.

– Вот вы сами и ответили верно: если бы не было Христа, откуда бы появились христиане?

– Логично мыслишь!

– Не мыслил бы я верно, если бы Господь не посылал мне Своих откровений.

Беседуя с людьми, никогда не знаешь, на какие вопросы предстоит отвечать, но когда находишься в постоянном молитвенном контакте с Богом, Он посылает нужные ответы, как написано у пророка Исаии: «Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, ты обвинишь» (54, 17).

●

Однажды начальник отряда явно с нехорошей целью попросил:

– Бойко, напишите объяснительную, почему вы не ходите на политзанятия и в кино.

– Гражданин начальник! Сколько можно писать? У вас – целая стопка моих объяснительных.

– Но я прошу вас, напишите еще одну.

Я помолился и на двух листах в клеточку написал: «Объяснительная незаконно осужденного Бойко по ст. ст. 138 ч. 2 и 209 ч. 1 УК УССР. Я являюсь служителем Одесско-Пересыпской церкви, объединенной служением Совета церквей.

Я – убежденный христианин и за учение Христа готов не только страдать, но и умереть. А кто же вы такие? Вас еще никто не гонит,

а вы нарушаете учение своих вождей (и привел цитаты из высказываний вождей коммунизма).

Должен вам сказать, что всякое ваше насилие является вернейшим признаком вашего идеологического бессилия...»

Объяснительная получилась обширная, я отдал ее.

На второй день вечером вызвали меня в штаб. Помолился я и постучал в дверь кабинета. Доложил, как положено, и стою. По кабинету прохаживались два майора из управления. За столом сидел подполковник. Перед ним – моя объяснительная.

– Бойко,– обратился ко мне майор,– вы пишете, что вы убежденный христианин. Чем вы это докажете?

– В объяснительной ясно написано: за Христа я готов не только страдать, но и умереть.

– Написать можно что угодно! Все это – чепуха! Вы докажите!

Я мысленно воззвал к Господу и спросил его:

– Скажите, пожалуйста, вы – убежденный коммунист?

– Да.

– Чтобы убедиться, кто из нас убежденный, а кто нет, достаточно поставить меня и вас к стенке и расстрелять, тогда сразу выяснится, кто есть кто.

– 15 суток изолятора ему! – закричал майор в ярости.

– Пошли, Бойко! – услужливо повлек меня отрядный.

– Извините, гражданин начальник, но они же приехали из управления побеседовать со мной. В изолятор я успею.

– Пошли, пошли! – взял он меня за рукав,– а то еще добавят!

– Пусть добавляют хоть 100 лет – что это по сравнению с вечностью?! – ответил я, выходя из кабинета.

●

Начальство очень интересовало, чем я занимаюсь в ШИЗО, о чем разговариваю с заключенными, и они решили проверить. Ответственный дежурный по изолятору снял обувь и в носках тихо подошел и приложил ухо к двери камеры. В этот момент из камеры напротив заключенные закричали: «Начальник! Как некрасиво! Вам разрешают подсматривать, а вы еще и подслушиваете?!» Дежурный моментально отпрянул от двери, схватил свою обувь и быстро ушел.

Лагерное начальство никак не могло понять: за что меня так уважают заключенные? А уважение они проявляли очень нагляд-

но: например, когда меня приводили в изолятор, во всех камерах наступало оживление. Заключенные стучали и кричали: «К нам дядю Колю! С ним быстро пролетает время!»

●

В 1985 году пятилетний срок моего пребывания в лагерях строгого режима подходил к концу. Последние 6 месяцев срока я находился в ПКТ (помещение камерного типа). Только вышел, и тут же встретил меня начальник оперативной части.

– Бойко! По случаю празднования 40-летия победы ожидается большая амнистия. У вас есть шанс освободиться: вы – участник войны, инвалид, напишите, что отказываетесь от веры в Бога – и все проблемы будут позади. Ваше место не в лагере, а в церкви. У вас – семья...

– Такой ценой мне свобода не нужна. Я никогда не променяю вечную жизнь на временную.

Затем вызвал замполит и тоже предлагал пойти на компромисс с совестью, и ему я ответил отказом. А когда со мной стал беседовать оперуполномоченный, то он откровенно заявил: «Вышла новая статья УК: "За систематическое нарушение режима содержания – три года лишения свободы!"»

– Вы хотите меня судить за непосещение политзанятий. Но что сказали бы лично вы, когда вас, как коммуниста и атеиста, терроризировали и осудили бы только за то, что вы категорически отказались посещать религиозные богослужения и молитвы?

Оперуполномоченный немного помолчал и снова принялся за свое:

– Мы не смогли вас сломить за 5 лет. Вот осудим еще на 3 года, употребим все меры воздействия и сломаем.

– Бесполезно, гражданин начальник. Бог поможет мне устоять, я в это твердо верю.

– Сгноим, но на свободу ты не выйдешь. Детей своих тебе больше не видать!

– Как Господь усмотрит, так и будет в моей жизни.

После открытых угроз осудить меня на новый срок заключения началась закулисная игра. Опасаясь, чтобы я не сообщил об угрозе нового срока родным, пришел как-то в наш барак старшина и принялся меня успокаивать:

– Дядя Коля! Вы идете на свободу!

– Кто тебе сказал?

– Начальник спецчасти оформил список на 28 освобождающихся инвалидов и участников войны. В списке есть и ваша фамилия.

Через время 28 заключенных, в том числе и меня, вызвали в штаб. Каждому надевали вместо рубашки манишку с белым воротником и черным галстуком и фотографировали – готовили документы на освобождение.

– Куда поедешь? – поинтересовались у меня.

– Конечно домой, к семье!

Кажется, можно успокоиться – близок день освобождения, но замполит вызвал меня повторно и по тону разговора я понял, что судить они меня все же будут.

– Николай Ерофеевич! Мне вас жаль: вы хороший человек. Но нам дано спецзадание: любыми путями сломать вас или сгноить, но на свободу живым не отпустить. Зачем вам мучиться, ведь можно договориться...

Я долго свидетельствовал ему о Боге, о спасении, о смысле жизни и, уходя, сказал:

– Если бы вы обратились к Богу и стали христианином, то поступали бы так, как я. За веру в Бога можно страдать и сто лет. Вот вы не боитесь вечно страдать в аду, а меня пугаете временными страданиями и мучениями. Ради бесконечной вечности стоит претерпеть всё!

– Бойко! Если правда всё то, о чем вы говорите, то вы – самый счастливый человек на земле.

– Да! Я действительно счастливый, что познал Бога и служу Ему.

Глава XIII

28 мая 1985 года вместо освобождения меня срочно отправили этапом в тюрьму г. Комсомольска-на-Амуре.

Не позволили даже написать несколько строк родным. Я попросил заключенных сообщить домой, что меня не освобо-

дили. Они выполнили мою просьбу. Семья получила письмо, что я отправлен этапом в тюрьму, а от администрации лагеря жена получила справку о моем освобождении.

●

Из воспоминаний дочери Любы:

Шел пятый, последний год папиного заключения. Дальше – ссылка. Мама и мы, дети, договорились между собой, кто за кем поедет в ссылку, чтобы по очереди быть с папой...

Писем от него мы не получали три месяца: март, апрель и май.

В конце мая из администрации лагеря пришел запрос: согласны ли мы прописать папу дома? Мы отправили срочную телеграмму: «Согласны! Ждем папу домой!» А сами не верили, что он освободится, потому что нас неоднократно обманывали, отказывая в положенном свидании.

Позднее выяснилось, что именно в это время, когда нам прислали справку об освобождении, на папу возбудили новое уголовное дело и перевели в изолятор. Следствие шло полным ходом, а нас успокоили ложной телеграммой, чтобы ни семья, ни верующие не поднимали шума и не ходатайствовали. Неизвестность нас томила, и в июне мы поехали к папе.

●

Прибыв в тюрьму Комсомольска-на-Амуре, дочери стали наводить справки: здесь ли я? Им ответили, что меня нет. Они поехали в лагерь поселка Старт. Добились встречи с начальником лагеря.

– Вы прислали нам справку об освобождении отца, а его до сих пор нет дома. Где он?

– Какую справку?! – как ни в чем не бывало, удивился начальник. Покажите мне эту справку!

Дочери по неопытности отдали ему справку. Он взял и тут же разорвал ее.

– В тюрьме ваш отец! В следственном изоляторе №2 Комсомольска-на-Амуре! Скоро судить его будем! — цинично заявил начальник лагеря.

– Мы были в Комсомольске-на-Амуре! Нам сказали, что его там нет.

– Поезжайте, он там!

Дети вернулись в Комсомольск-на-Амуре, но свидания им так и не дали.

Следствие шло месяц. За это время Господь через мое свидетельство обратил на путь спасения двух преступников, с которыми я сидел в камере. За эту милость Божью, оказанную несчастным грешникам, я от радости плакал и ясно сознавал, что моей заслуги тут нет. Он укреплял меня по молитвам церкви. Во всех лагерях, где я был, Господь касался душ грешников, они каялись. Образовывались группки от пяти до двенадцати человек – это было большой поддержкой и утешением для меня.

●

Почти одновременно с возбуждением на меня в лагере нового уголовного дела в Пересыпской церкви города Одессы 14 мая 1985 года арестовали троих руководящих братьев, которые несколько времени совершали служение в конспирации. Продержали их 7 суток и на машине привезли к дому, где проходило богослужение.

«Вот ваши служители! – заявили церкви сотрудники милиции. – Никто их не ищет! Они сами прятались, не желая жить дома! Никому они не нужны – пусть устраиваются на работу и живут спокойно!»

Одних освобождали, на других возбуждали новое уголовное дело, а третьих вызывали на беседы и усиленно склоняли к сотрудничеству со спецслужбами.

●

Из воспоминаний дочери Любы:

> *1 июля 1985 года начался суд над папой. В зале суда присутствовало 6 человек: мы (две дочери), а также брат и сестра из Пересыпской церкви.*
>
> *Открылась боковая дверь, и ввели папу. Он был худой, заросший – одни глаза улыбались. Подойдя к скамье подсудимых, он склонился на колени. Вошли судья и прокурор. Папа не услышал, потому что молился, и не встал.*

●

Зачитали обвинительное заключение: Бойко Н. Е., являясь осужденным и отбывая наказание в ЯБ-257/8 УИТУ УВД Хабаровского крайисполкома в пос. Старт г. Комсомольска-на-Амуре, под предлогом религиозных убеждений не посетил ни одного политзанятия, чем злостно нарушил приказ №110 начальника ИТК-8 «О порядке проведения политзанятий» п. «а» ч. 2, п. «п» ч. 3 №17, п. «а» ч. 3 №19 и приложения №9 правил внутреннего распорядка ст.ст. 7, 30, 43, 44 ИТК РСФСР...»

●

Из воспоминаний дочери Любы.

Первым свидетелем был отрядный. Говорил невнятно и тихо о том, что папа недобросовестно относился к работе.

– А я вообще работал? – спросил папа у него.

– Нет.

– Значит, не работая, я недобросовестно отношусь к работе?! Притом я инвалид II группы...

Свидетель смутился.

Второй свидетель (замначальника лагеря) на удивление сказал:

«Бойко трудолюбивый! Когда где-то нужно убрать, подмести – он первый. Плохо, что он не посещает политзанятий. Одно присутствие его в лагере – это нарушение закона, так как он разводит агитацию! Заключенные слушают его во всем! Со всяким вопросом бегут не ко мне, а к Бойко. Когда его помещают в ШИЗО, то из всех камер кричат: "Дядю Колю к нам!"»

●

На суде я откровенно говорил: «Как ясно видно, что сегодня весь мир лежит во зле. Безбожными людьми и вами, граждане судьи, имя Божье хулится, а нами – убежденными и страдающими христианами – прославляется. Сбываются слова Христа: «...будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» (Матф. 5, 11–12).

И я радуюсь, граждане судьи, что Господь удостоил меня, не-

достойного старца, этой великой незаслуженной чести! Я могу не только веровать во Христа, но и страдать за святое имя Его, за Церковь Его! Я благодарен Богу за это!

Хотите или не хотите это слышать, но я скажу вам: будет проповедано Евангелие во свидетельство всем народам, в том числе и в России, и тогда придет конец!»

●

Из воспоминаний дочери Любы.

На второй день суда судья спросила папу:

– Что такое вера? Какая она?

– «Возлюби Господа Бога твоего и ближнего твоего, как самого себя» – в этом вся суть веры! – ответил папа.

Судья, удивленно посмотрев, спросила:

– Бойко, почему вас не интересует, сколько миллионов тонн железной руды добывается у нас в стране?

– Если я стану этим интересоваться, вы неизвестно что мне припишете...

– Почему вам не хочется знать, сколько молока надоила передовая доярка Хабаровского края?

– Я не вижу этого молока, поэтому не интересуюсь.

●

В этот день я говорил суду, что Господь полагал мне на сердце. Никто не возбранял и никто не мог опровергнуть мои доводы.

– Человек создан для вечной жизни и для славы Божьей,– вот единственная разумная цель нашей жизни. И смерть – не конец жизни любого человека.

– Бойко, вы убеждены в этом? – уточнила судья.

– Убежден.

– Вы верите, что есть загробная жизнь, что есть Бог?! – язвительная насмешка и уничижение звучало в ее голосе.

– Глубоко верю и за это сижу в тюрьме! Я рад, что сегодня могу засвидетельствовать вам об этой непреложной истине.

– Вы – фанатик! – пыталась она оскорбить меня. – Вы умрете и сгниете – и на этом все! – продолжала она вразумлять меня. Я – атеистка – тоже умру, сгнию – и на этом все! Никакой вечности

и загробной жизни нет!

– Граждане судьи! Надеюсь, вы знакомы с таким выражением Священного Писания: «Что̀ посеет человек, то̀ и пожнет».

– Да, знакома,– поспешила подчеркнуть свою осведомленность судья.

– Это верное изречение?

– Верное,– согласилась судья.

– Ты в лагере сеял свою пропаганду, а теперь срок получишь! Верное, конечно, изречение! – вступил в разговор прокурор.

– Значит, и вы, гражданин прокурор, верите в закон сеяния и жатвы?!

– Смысл слов верен,– подтвердил прокурор.

– А я знаю людей, которые, занимая высокие государственные посты, совершали ужасные преступления. За это они никогда не отбывали срок в тюрьме, и хоронили их с великими почестями. Если вы признаете библейское выражение верным, то скажите, когда эти преступники пожнут то, что, не задумываясь, сеяли?

И прокурор, и судья, негодуя, молчали.

– В Библии написано: «Человекам положено однажды умереть, а потом суд». Кто бы он ни был, если при жизни не пожал посеянное, то за гробом пожнет! Потом будет суд, которого никто не избежит! Загробная жизнь есть, и физическая смерть – это еще не конец!

Мои обвинители молчали, кто-то краснел, не знаю от стыда или от досады. Молчание прервал прокурор.

– Бойко! Мы боремся со злом в лагерях, а вы своей пропагандой портите нашу молодежь.

– Извините. Ваша молодежь испорчена дальше некуда. Кстати, скажите, что такое зло? Прежде чем бороться со злом, нужно знать каково оно.

– Зло – это абстрактное понятие,– ответил прокурор.

– А убийства, насилие, воровство – это разве только теория, оторванная от практики? Отвлеченные и умозрительные понятия, не опирающиеся на факты?

Прокурор понял поспешность и неверность своих суждений.

– Зло – отрицательная сила, вы согласны?

– Да, согласен, сила.

– И, конечно, не электрическая, не механическая, а духовная. Носитель этой силы – дьявол. Борясь со злом, вы, образно говоря, обрываете ветви на дереве, оставляя нетронутым корень, из которого произрастает зло, потому что не верите в реально существующую дьявольскую силу, которая покорила почти весь мир, в том числе и вас. Вы являетесь орудием в руках дьявола, поскольку совершаете зло – судите невиновного человека, причем сознательно делаете это.

Терпение прокурора кончилось. Возбужденный, он потребовал осудить меня по всей строгости закона – на 5 лет!

«Он и двух лет не проживет»,– наклонив голову к прокурору, полушепотом сказала судья.

– Бойко – пресвитер! Он организовал Пересыпскую церковь! Сочитывал молодых! Устраивал детские хоровые и музыкальные кружки! – с жаром перечислял прокурор мои дела, достойные, по его мнению, самого строгого наказания, и никак не мог успокоиться.

– Если ты веришь в Бога, почему Он тебя не освободит? – не спросил, а упрекнул меня прокурор.

– Христа гнали, и нас будут гнать – так заповедано.

Мне предоставили возможность сказать защитительное слово.

– Позвольте мне прочитать стихотворение.

– Пожалуйста,– не возражала судья.

– Оно начинается с хорошо известного верующим псалма: «Есть много на свете прекрасных учений как с горем бороться, как зло победить...»

«Есть много на свете прекрасных учений:
Как с горем бороться, как зло победить.
Но много и много прошло поколений,
А люди не могут, не злобствуя, жить.

Христово ученье все люди узнали.
И с этим ученьем вразрез все идут:
Бессильного давят, пред сильным смолкают,
А слезы людские текут да текут.

Ужели так трудно с неправдой расстаться,
Ужели так трудно другим не вредить,
Ужели так трудно от зла отказаться
И всех, как велел Бог, по-братски любить?»

Сегодня нас снова в темницы бросают
За то, что мы жертвенно служим Христу,
С друзьями и семьями нас разлучают,
Но твердо стоим мы всегда на посту!

И Церковь Христова непреоборима!
Ведь с нами Спаситель, Он – верный наш щит!
От стрел клеветы и коварства, насилья
Рукою Своею Он нас защитит.

И эту защиту увидите вскоре,
Христос, когда Церковь к Себе заберет,
То землю постигнет ужасное горе.
Блажен, кто путь истины ныне найдет!

За истину Божью, за дело святое
Я в старости лет моих ринулся в бой!
За Церковь Христову, за братство родное
Я с радостью жертвую снова собой!

Едва я закончил читать стихотворение, прокурор стремительно поднялся и на едином дыхании выпалил:

– Добавить Бойко еще полгода срока за стихотворение!

– Гражданин прокурор, у вас кипит внутри зло – оно от дьявола.

Он опустил голову.

– Бойко, дайте пожалуйста, мне стихотворение, я его перепишу,– неожиданно растрогалась судья.

Я передал листок. Она попросила секретаря переписать, а сама, полистав папку с уголовным делом, нашла мое письмо (я написал его покаявшемуся преступнику, который дважды по 15 лет сидел за убийство) и сказала: «И это перепиши».

После совещания мне зачитали приговор:

«Бойко Николая Ерофеевича признать виновным по ст. 1883 ч. 1 УК РСФСР и по данной статье подвергнуть к 2 годам лишения свободы.

В силу ст. 41 УК РСФСР полностью присоединить неотбытое наказание по приговору от 19. 12. 80 г. н/суда Ильичевского района г. Одессы в виде 5 месяцев 17 дней и 5 лет ссылки и к отбытию назначить 2 года строгого режима 5 месяцев 17 дней лишения свободы с ссылкой на 5 лет...

Начало срока исчислять с 12. 04. 85 г.».

●

Из воспоминаний дочери Любы.

После приговора я вручила букет цветов дорогому и любимому папочке. «Папочка, это тебе за стойкость и мужество!» «Спасибо»,– поблагодарил он.

●

Небритый, сильно похудевший и обессиленный после трехдневного поста я вызвал сострадание у конвойных солдат. «Все, что принесли, можете отдать, пусть он поест...» Меня завели в комнату для осужденных. Было очень жарко, много есть я не мог, выпил компот.

Вышел я из комнаты с цветами.

– Бойко, хотя мы вас уважаем, но как вас с цветами вести по городу в сопровождении вооруженного автоматами конвоя?!

– Куда мне их деть?

– Отдайте кому-нибудь.

Рядом никого не оказалось, и я положил цветы на скамейку.

Центральными улицами конвой вел меня, как положено: один впереди, другой сзади, а потом, увидев, что никого из начальства нет, шли рядом со мной и беседовали о цели жизни человека на земле, о Христе, о спасении, почему я верю в Бога, и что дает мне эта вера.

«За что человека осудили? Непонятно!» – сочувственно говорили конвойные солдаты. Подошли к тюрьме. Смотрю, стоят жена и дочь.

●

Из воспоминаний дочери Любы.

После приговора папе разрешили поесть и увели, а мы с мамой пошли к тюрьме. «Люба, папу ведут!» – увидела мама идущий конвой и папу. Он беседовал с ними как с друзьями. Оказывается, «воронок» за ними не прислали, и солдаты вели его через весь город пешком. Мы сразу подошли к папе. Он попросил передать тапочки, в сапогах ему было слишком жарко.

– Папочка, почему ты такой истощенный?

– Я не унываю: «если внешний наш человек и тлеет, то

внутренний со дня на день обновляется».

– Коля, о тебе церковь три дня молилась с постом,– на ходу сообщала мама приятные вести.

– Благодарю! Я тоже в дни суда постился.

– Почему на суде ничего не сказали о ссылке?

– Ссылка будет. Валечка, не беспокойся, все будет хорошо. Не унывайте! – помахал папа рукой и скрылся за воротами тюрьмы.

●

Завели меня в тюрьму, обыскали и все, что мне дорого было из записей, писем забрали, даже обвинительное заключение, которое заключенному положено иметь при себе.

Глава XIV

Из воспоминаний дочери Любы:

«14 июля 1985 года папу доставили в лагерь посёлка Эльбан Амурского района Хабаровского края. А на 18–19 сентября нам наконец назначили личное свидание. Мы приехали с опозданием. Подошли к административному зданию. Конвойный солдат попросил:

– Сейчас будут вести отряд заключённых, во избежание неприятностей, поднимитесь на второй этаж.

Я взяла чемодан, сумку. Солдат вызвался помочь. Поднял чемодан, и его резко повело в сторону.

– Как вы везли такую тяжесть?! – удивился он.

– Везли и несли через всю страну,– ответила мама.

Пришла контролер, проверила наши паспорта и категорически заявила:

– На свидание положено пропускать только двоих взрослых!

– А третью дочь, Лилю? Почему на свидание к отцу нельзя пройти всем детям?

– Где вы будете спать?

– Где угодно! На полу! Сидя! – лишь бы папу увидеть!

– Во-первых, вы опоздали! Ваше свидание сокращается...

– Нельзя ли попросить начальника? – забеспокоилась мама.

– Бесполезно! Здесь всё зависит от меня! Если комнаты свиданий освободятся, продлю...

Контролер сделала досмотр наших вещей: нет ли спиртного. Мы помолились и ожидали папу. Его привели быстро, не обыскивали. Мы поприветствовались и склонились на молитву. Заключённые, к кому тоже приехали на свидание, вышли из комнат и с удивлением смотрели на нас молящихся.

Папа очень плакал во время молитвы. Благодарил Господа за встречу, она была единственной за пять лет! Личного свидания ему не давали весь срок.

В пятницу папа совершил вечерю Господню. Мама вручила ему Библию! Он прижал её к груди, обрадовался и сразу стал читать. Потом расспрашивал о церкви – всех он помнил, обо

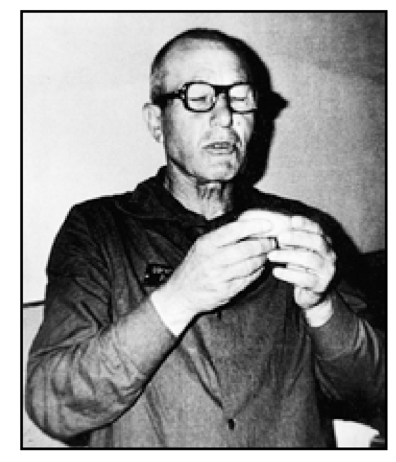

Единственное личное свидание за пять лет неволи.
(сентябрь, 1985 г.)

всех молился. Очень много папа беседовал с нами, отвечал на интересующие нас вопросы.

Рассказам о лагерной жизни не было конца. Как много милостей являл ему Господь! Все заключённые болели дизентерией. Папа помолился и сказал заключенным: "Бог меня исцелит",– и точно, он больше не болел.

У заключённого обострился радикулит. Он попросил папу совершить молитву. «Если ты будешь со мной молиться»,– поставил папа условие. Тот согласился. Папа помолился, и болезнь оставила.

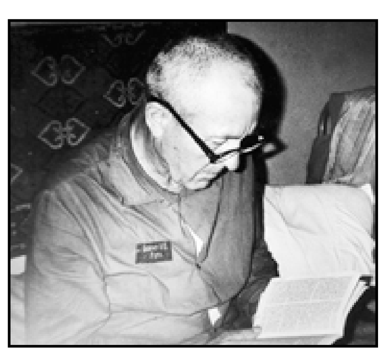
Во время свидания с родными Николай Ерофеевич совершил вечерю Господню, по которой так истомилась душа.

Заключённые папу любили. После лекций в клубе подходили к нему и говорили: "Вот если бы вы, дядя Коля, с Библией выступили, нас не нужно было в клуб загонять, мы бы сидели с раскрытыми ртами! Побольше бы таких, как вы, Бог посылал в тюрьмы, мы хотя что-нибудь узнали бы о Боге..."

В ШИЗО папа всегда шёл с радостью, всегда улыбался. "Я такой немощный,– говорил он,– и могу постоять за Царя небес!"

Мы пробыли на свидании трое суток и один час! Привезли три журнала "Вестник истины" – папа прочитал все!

На прощание он просил писать назидательные письма не только ему, но и всем узникам, так как это – большое свидетельство для администрации и для заключённых.

Николай Ерофеевич читает журнал «Вестник истины», который родные привезли на свидание.

Передал нам своё стихотворение: "Иду страдать за честь Святой Отчизны"».

Иду страдать за честь Святой Отчизны,
За убежденье Господа Христа!
Готов на смерть во имя вечной жизни,
Идти путём Голгофского креста.

Иду, страдая в жизни безупречно,
Чтоб умереть не даром,– за Христа,
Ведь зло укоренилось в жизни прочно,
В борьбе с ним нужна сердца чистота.

Нет, не забыл я, братья, осторожность,
Не буду вашей я судьбы виной
Я всё сказал, что было мне возможно,
Служа Христу, я жертвую собой.

Хочу любить возвышенней и шире,
Как Он любил нас, любит и сейчас,
Как любит всех Он в этом грешном мире,
И я готов с Ним умереть за вас.

Ведь смерть моя, конец моих страданий –
Начало вечной жизни без конца.
В ней вижу я кончину всех скитаний
И нежные объятия Отца.

В моей судьбе давно уже всё ясно:
И цель, и смысл заложен в ней большой.
Коль за Христа умру – то не напрасно!
Спасать людей – вот наш удел святой!

●

После суда я писал кассационную жалобу, жалобу-протест, в которых указывал, что меня судили как христианина, хотя на суде не раз заявляли: «Мы вас не за убеждения судим, а за то, что не посещаете политзанятий». В том вся и суть, что не ходил я на политзанятия не «под предлогом злостного нарушения режима содержания ИТК», как отмечено в обвинительном заключении, а исключительно из-за христианских убеждений, потому что считаю это грехом.

На все жалобы приходил стандартный ответ: «Оставить без

удовлетворения. Оснований для принесения протеста в порядке надзора на приговор суда не имеется. Мера наказания Бойко Н. Е. назначена судом с учётом содеянного...»

И как угрожало мне лагерное начальство: «Мы приложим все силы, чтобы ты перестал верить. Если не откажешься от убеждений, мы сломаем тебя "крытой", изоляторами, ПКТ и сгноим...», так всё и происходило в лагере в Эльбане. За отказ посещать политзанятия я потерял счёт изоляторам. Затем поместили на 6 месяцев в ПКТ (помещение камерного типа). Организм мой не выдержал: сначала был приступ гипертонии, а чуть позже – инсульт... Левую руку, ногу полностью парализовало.

«Мы отведём вас в санчасть...» – сочувственно предложили заключённые.

Я не возражал, но решил отказаться от уколов, поскольку наблюдать за мной был прикреплен работник КГБ. Думаю: в санчасти он постарается усугубить моё состояние. Помолился, чтобы Господь расположил сердце главврача санчасти не принуждать меня к лечению.

– Что с вами? – спросил врач.

– Левая сторона отказала...

Он осмотрел и поторопил санитара:

– Быстренько шприцы!

– Гражданин капитан, извините, от уколов я категорически отказываюсь.

– Почему?

– Надеюсь на моего Врача,– поднял я правую руку к небу. – Христос воскрешал мертвых, что Ему мой инсульт?!

Главврач пристально посмотрел мне в глаза. Помолчал.

– Не хочешь? Тогда не надо!

Положили меня в палату одного. Правая моя рука действовала, я написал письма в Новосибирскую и Омскую церкви с просьбой помолиться обо мне.

(В лагере было 12 приближённых, они тоже усиленно молились обо мне.)

Через неделю рука и нога обрели чувствительность, и я пошел, как здоровый! Для всех моё выздоровление было большим удивлением. Люди после инсульта годами лежат в больнице без какого-либо улучшения.

Из ответа на моё письмо я понял: в тот день, когда друзья, получив моё письмо, помолились, Господь меня исцелил. Я стал здоровым – это чудо Божье!

Несмотря на это, меня всё же отправили в краевую больницу в Биробиджан. Там медсестра с трудом взяла из пальца кровь.

– Где ваша кровь? – удивлялась.

– В изоляторах осталась...

Через день врач мне сообщил:

«Инсульта у вас нет. Гипертония и больное сердце – это будет пожизненно...»

Меня снова отправили в п. Эльбан. Сначала не сажали в изолятор за непосещение политзанятий, а потом и больного помещали,– так было до конца срока.

Я написал заявление начальнику Исправительно-трудовой колонии, 17 поселка Эльбан, капитану Мостовому М. И., в котором поставил его в известность, что не хожу в кино и не посещаю политзанятий согласно своим христианским убеждениям и что администрация лагеря не имеет права навязывать мне силой атеистическое мировоззрение. В доказательство привёл комментарий ст. 19 Кодекса ИТЗ (исправительно-трудового законодательства).

Пункт 4 «Основных требований режима в местах лишения свободы» гласит:

«Недопустимо возложение на осужденных обязанностей, не основанных на требовании закона. Нельзя, например, считать обязанностью осужденных активное участие в проводимых администрацией политических мероприятий (самодеятельности и пр.), посещение политических занятий. Нельзя поэтому и наказывать осужденного за отказ участвовать в художественной самодеятельности и в других массово-политических мероприятиях».

Меня же, вопреки закону, именно за это постоянно наказывали. В добавление ко всему, и за это заявление меня посадили в ШИЗО на 10 суток.

В изоляторе меня мучили частые приступы головной боли, пришлось лечь в санчасть. Срок подходил к концу.

Перед ссылкой мне почему-то вторую группу инвалидности заменили третьей, рабочей. Позже я понял, что это коварство. Вскоре меня вызвали на этап.

●

Выдержка из письма брату Ивану Яковлевичу и сестре Неониле Антоновым.

Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне; он пасет между лилиями.
П. Песн. 6, 3

Мир Божий вам, дорогие и возлюбленные друзья! Вечные друзья мои во Христе Иисусе!

Приветствую вас любовью возлюбившего нас Иисуса Христа, день пришествия Которого приближается и очень поспешает...

Очень хочется ещё хотя бы разок увидеться с вами на этой земле, если Ему угодно. Порадоваться в Нём и поговорить лицом к лицу,– любовь всегда жаждет общения. Очень трудно узникам в Господе иметь общение не только с друзьями, но даже с родными.

Скоро у меня кончается срок и направят на 5-летнюю ссылку в Хабаровский край. Если я уеду в ссылку, то здесь, в лагере, остаются друзья мои, любящие Господа, приближённые, которые тоже жаждут общения с детьми Божьими...

Нам всем надо крепиться и бодрствовать, ибо знаю, что все мы живём в самое драгоценнейшее, весьма интересное, ответственное и тяжкое время. Время взятия Церкви Христовой будет славней и величественней дня её рождения!

Письмо вам пишу в два приема, ибо трепетная радость сердца вызывает слезы, а они мешают писать. Пришлось прерваться и после обеда продолжить письмо.

С пламенной братской любовью к вам наименьший
во Христе брат и узник в Господе Николай Бойко.

●

Одно из последних писем родным из лагеря в п. Эльбан.

...Я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день.
2 Тим. 1, 12

Самое главное – бодрствовать в Господе и крепиться, а все остальное Господь усмотрит.

Дорогая моя семья! Помните всегда, что день Господень приближается. Готовыми к встрече с Господом нужно быть не когда-то, а сегодня. Если сейчас кто не готов, будет ли он готов завтра? – Не думаю. Поэтому прошу всех вас: вникайте в себя и в учение, занимайтесь сим постоянно, ибо Слово Его – это зеркало для ваших душ. Если вы серьёзно и внимательно будете вникать в Слово Божье, то увидите состояние вашей души: готовы ли вы к встрече с Ним.

Испытывайте, дорогие мои, в вере ли вы? Самих себя исследуйте (2 Кор. 13 гл.). «Если Христос в вас, то тело мёртво для греха, но дух жив для праведности» (Рим. 8, 10). «Кто во Христе, тот новая тварь...» (2 Кор. 5, 17).

Сообщаю вам, что длительного свидания нас не лишили, но и не дали. Я спросил отрядного, он обещал узнать, но до сих пор ничего не сказал, почему не дают. А ждать дальше уже некогда, сегодня 29 июля...

Наименьший во Христе Иисусе брат
и пожизненный узник в Господе – Николай.

Глава XV

Поскольку я был крайне истощён и слаб, сопровождать меня в ссылку под конвоем посчитали излишним, хотя это было нарушением. Со мной отправили только санитарку и работника КГБ.

Перед тем, как открылись ворота лагеря, начальник с твёрдой уверенностью в голосе заявил: «Бойко, долго на ссылке ты не пробудешь... Твоё место здесь, у нас...»

Он не позволил мне даже попрощаться с приближёнными братьями, которые покаялись в лагере. Я уже вышел на улицу, а начальник всё ещё стоял и пристально наблюдал: с кем я обмолвлюсь словом или обменяюсь взглядом, чтобы потом преследовать и их, как некогда меня.

Сначала меня привезли в Хабаровск. Затем по реке Амур двое суток плыли до Николаевска-на-Амуре. В трюме баржи – очень холодно. Воду для питья конвойные черпали из реки, а она – ледяная. Я простыл, заболело сердце, голова, желудок.

В тюрьме г. Николаевска-на-Амуре всех заключённых поместили в одну камеру. Теснота. Туалет в подвальном помещении – ни умыться, ни постирать.

И только 13 октября на самолете под конвоем начальник санчасти препроводил меня на полуостров в Охотском море, где находится посёлок Аян, с трёх сторон зажатый сопками, и лишь с одной стороны имеет небольшой выход к морю. Прибыли в холодную погоду, на сопках уже лежал снег.

Первую ночь провёл в гостинице, а затем поселили в дом-развалюху, где жили двое ссыльных пьяниц.

Посёлок закрытый, приграничная зона. Значит, приехать ко мне смогут только прямые родственники и обязательно по пропуску.

В лагере поселка Эльбан за непосещение политзанятий меня постоянно помещали в изоляторы, а в них всегда очень холодно. Спать приходилось 30–40 минут в сутки, не более. На цементный пол я обычно ложился сначала на живот. Согрею немного место, потом на короткое время перевернусь на бок, подложив руку. Если сразу лечь спиной или боком – непременно простудишься и заболеешь. Лагерное начальство со дня на день ожидало, что я заболею туберкулёзом, но Господь меня хранил.

Скажу откровенно: находясь в изоляторах, я плакал от радости. Кому-то трудно поверить, но это так. Я знал, откуда в моё сердце изливалась радость – молитвы народа Божьего возносились к Богу об узниках, особенно с постом по пятницам! Бог внимал святым мольбам и с неба посылал утешение в мою истомленную душу.

Да, я дрожал всем телом от холода, но от радости плакал, что Бог удостоил меня такой великой чести не только веровать в Иисуса Христа, но и страдать за Него. Я готов был и умереть в узах и ждал этого момента. Но у Бога были другие планы.

В карцерах я сильно застудил руки и ноги и еле ходил. Утром я должен был сначала растереть их, потихоньку походить – иначе даже расческу в руки не мог взять. Днём кости во всём теле боле-

Николай Ерофеевич с посетившими его в ссылке сыном Яшей (слева) и родным братом Леонидом (справа). (Аян, Хабаровский край, 1988 г.)

ли так, что, казалось, их кто-то выкручивает. Сил не было наколоть дрова, а в общежитии — холодно. Ссыльные не заготовили дров на зиму, а я приехал поздно, к тому же – не здоров.

С первого дня местное начальство заставляло меня устроиться на работу, поскольку у меня III группа инвалидности, это значит – я трудоспособен.

– Я не могу работать в таком состоянии,– пытался объяснить я начальству.

– Для тебя есть рабочее место – на базе сторожем.

– Мне 63 года, я пенсионер...

– У нас все старики работают!

Теперь только я понял, почему перед отправлением в ссылку с меня сняли II группу инвалидности. Здесь хотели принудить работать на базе, устроить подвох – воровство или пожар, а потом осудить на новый срок.

Расчёт был коварный: посёлок в закрытой зоне, никто ко мне не приедет. Недаром начальник колонии сказал на прощание: «Твоё место у нас, а не в ссылке!»

Я категорически отказался от работы. Стали угрожать. Тогда

я пошёл в райисполком, написал заявление, чтобы оформили разрешение на вызов жены и семьи. Разрешение на приезд жены дали всего на 5 дней, хотя согласно закону ссыльный имеет право жить в ссылке с семьёй.

Трудности на пути следования за Господом – это наше родное, христианское. Благодарю Бога, что Он с первых дней уверования ясно указал мне путь, по которому прошёл Иисус Христос, и что этот путь стал моим.

Благодарю Бога, что я полюбил не только Христа, но и страдания за Него. Полюбить страдания кажется противоестественным делом, тем не менее, это так. Для меня страдания не являются странным приключением или печальной неизбежностью. Страдания – это знак Божьего благоволения ко мне. Это великий и неоценимый дар Божий. От всей души хочу сохранить этот дар до конца земной жизни и остаться верным Богу при всех обстоятельствах!

Я знаю, что любой металл подвергают переплавке – только тогда он представляет собой какую-то ценность. И нас Господь проводит через горнила скорби, чтобы мы стали более смиренными и послушными.

К лишениям я привык. Бог нашёл меня в лютой беде и спас. Я духовно родился в страданиях и для страданий за Господа.

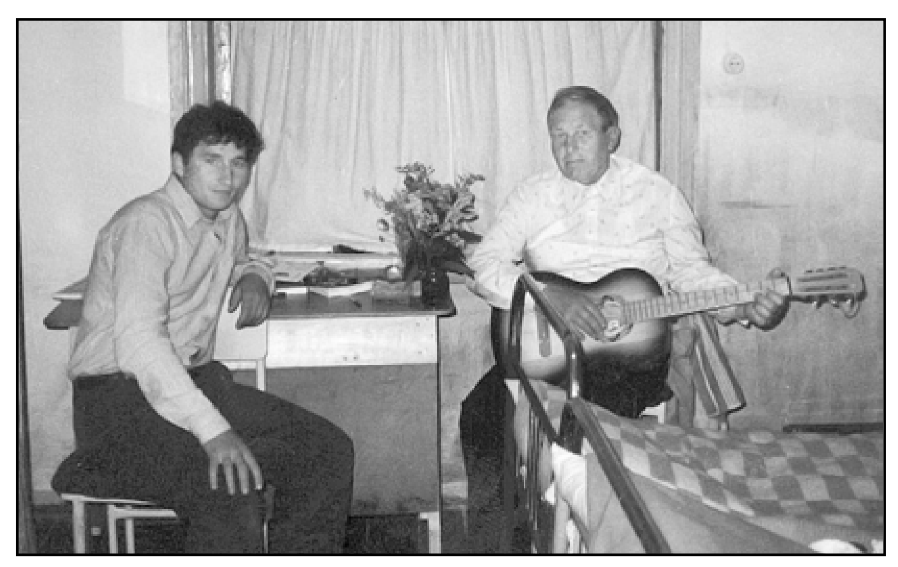
О том, что меня заставляют устроиться на работу, я сообщил родным, в Отдел заступничества Совета церквей ЕХБ и некоторым церквам. А сам пошёл к прокурору. Объяснил ситуацию, как она была открыта мне Господом.

Он понял, что мне небезызвестны их умыслы, и сказал: «Идите, я позвоню начальнику милиции и участковому... Вас не имеют права заставлять работать...»

От народа Божьего, кому дороги были страдальцы Христовы, пошли ходатайства на имя прокурора и довольно много.

Меня вызвали в милицию, но на сей раз по другому поводу: из Москвы пришло распоряжение, чтобы я прошёл врачебную комиссию (ВТЭК). Я согласился, и мне по состоянию здоровья пожизненно определили II группу инвалидности. После этого меня вообще перестали терроризировать по поводу устройства на работу.

10 декабря 1987 г. в ссылку приехали жена с зятем. Прошло 5 дней, закончился срок её пребывания, и её стали выдворять.

Николай Ерофеевич с сыном Яшей в ссылке.
(Аян, Хабаровский край, 1988 г.)

«Муж болен. В таком состоянии я его одного здесь не оставлю. Не уеду, если даже станете применять физическую силу...» – настойчиво убеждала она работников поселковой администрации.

Зять уехал, а жена осталась. Весь декабрь угрозы не прекращались. Я написал об этом письмо дорогим друзьям по вере.

7 января 1988 г. на почте мне вручили телеграмму от Михаила Ивановича Хорева: «Николай Ерофеевич, Валю прописали? Дрова дали? Сообщите».

В это время стояли крепкие морозы, топить было нечем.

Отослал Михаилу Ивановичу ответную телеграмму: «Валю не прописывают, дров не дают».

12 января вызвали меня и жену в исполком. – Как быстро всё изменилось! Валю прописали, разрешили за наш счёт выписать дрова и ещё предложили для жилья аварийный барак, хотя в посёлке пустовало много добротных квартир. Мы в радости за все благодарили Бога, потому что до этого жили в мужском общежитии, а это – ад в миниатюре.

Перебрались жить в барак. И тут, не раньше и не позже, заду-

ла дальневосточная пурга. Снегу намело, и очень много,– в комнату. Мы вымели снег, заделали щели, растопили печь. Накипятили воды и вымыли пол, покрытый слоем замёрзшей грязи. На кухне – настоящий «ташкент», а в комнате – «воркута». С 20 января и до мая в этом продувном холодном бараке мы истопили 20 кубов дров.

Живя отдельно от пьяниц, усилили мы с женой посты и молитвы, и Господь исцелил меня от многих недугов, только сердце давало о себе знать.

За долгие годы христианской жизни мы привыкли к стеснённым обстоятельствам. Как только вспоминали, что цель прихода Иисуса Христа на землю была: не жить и роскошествовать, а послужить и отдать жизнь Свою для искупления многих, то ещё больше утверждались: кто мы, чтобы ожидать лучшего?! Мы вполне осознанно избрали узкий путь следования за Господом со всеми вытекающими последствиями.

Северный климат мы с женой переносили нормально, хотя сами – из тёплых краёв. Меня Бог провёл и через сильные холода, и через жару. Не испытал я, наверное, только тропического климата. Но верю и знаю, что с Господом везде хорошо.

Условия нашей жизни – самые простые: вместо табуреток сидели на круглых деревянных чурках. В воскресенье с 12 ночи до 4 утра сердцем находились в собрании народа Божьего (разница во времени с Москвой здесь 6 часов).

Находясь в лагере, я просил перевести меня в открытую зону, чтобы ко мне могли приезжать и родные, и друзья. Но Хабаровское Управление исправительно-трудовых учреждений было враждебно настроено против меня. Они задались целью если не сломить, то сгноить меня в тюрьмах.

«Не видать тебе ни свободы, ни семьи! Ты больше двух лет не проживёшь!» – постоянно устрашали они меня. И я чувствовал физическую слабость. Но Господь был моей защитой.

Вскоре жена уехала к детям, а ко мне на лето приехал сын. С ним мы отремонтировали барак.

Участковый милиционер не скрывал неприязненного отношения ко мне. Однажды при встрече спросил:

– Бойко, у вас, наверное, внутри всё кипит против нас?!

– Почему вы так думаете?

– Столько отсидеть ни за что...

– Я страдал за Христа. Как на вас обижаться?! Мне вас жаль, вы же – несчастные люди.

– Кто вам сказал? – обиженным тоном спросил участковый.

– Сам знаю. Отвергая Бога, вы живёте для вечной гибели, а я верю в Бога и буду жить вечно с Ним в небесах!

Много свидетельств о Господе слышал этот человек от меня, но ничего не воспринимал. В прошлом он был начальником лагеря. И в посёлке постоянно собирал на меня доносы и заставлял ссыльных работать «стукачами». Спрашивал, кто приходит ко мне, кто посещает собрания, которые я проводил в бараке.

Глава XVI

27 августа вечером 1988 года возле барака, где я жил, несколько раз проехала милицейская машина, я не придал этому особого значения. (Позже я узнал, что машина дежурила всю ночь.) А наутро ко мне пожаловал дежурный милиционер и пригласил к 11 часам явиться в отделение милиции. Я помолился и пришел на 15 минут раньше.

Посёлок Аян в Хабаровском крае, где Николай Ерофеевич отбывал ссылку в 1987–1988 гг.

– Меня кто-то вызывал?

– Зайдите в паспортный стол,– засуетился дежурный.

Помолился. Зашел. За столом сидел начальник паспортного отдела и пограничник в чине майора,– что бы

все это значило?!

– Бойко, к вам прибыли два единоверца и желают с вами встретиться, не возражаете? – испытывающе глядя мне в глаза, сказал встревоженный начальник.

Вид на Охотское море из поселка Аян.

Для меня эта новость была как гром среди ясного неба. Кто мог осмелиться приехать ко мне без вызова, ведь зона закрытая?!

– Правда, они нарушили границу,– продолжал озадачивать меня начальник. – Мы их оштрафовали, но они все-таки хотят вас видеть. Вы не против?

Тревога на сердце сразу улеглась: кто может нарушить границу ради меня? – Только мои братья во Христе!

– Конечно, не против! – тут же согласился я.

Завели в кабинет братьев, которых я видел впервые. Сердце радостно забилось.

У братьев – восторженные лица! Приветствуемся, плачем и одновременно знакомимся. Сколько лет я не видел братьев по вере! Они прибыли из Ташкента. Один из них, будучи неверующим, сидел в тюрьме. Там встретился с братом-узником из Омска, покаялся и полюбил народ Господень, особенно узников, пробрался аж ко мне в запретную зону!

– Вы разве не знали друг друга раньше? – удивляясь, спрашивал то пограничник, то начальник.

– Нет.

– Что за человек этот Бойко? Плачет, радуется, братьями называет совершенно незнакомых людей! Ведь он, наверное, не знает не только имени, но и их фамилии?!

– Мы верующие! Мы братья во Христе. Знали друг друга только по письмам...

– 45 минут вам на беседу! – неожиданно расщедрился на-

чальник, не переставая удивляться происшедшему.

Братья рассказали о своем желании посетить тех узников, которые находятся в неволе длительное время и живут в отдаленных глухих местах. Сначала добрались до меня, затем хотят посетить Ивана Яковлевича Антонова и Евгения Никифоровича Пушкова.

Начальник долго смотрел на нас, радующихся, и не вытерпел: «Слушайте, вы люди взрослые,– обратился он к братьям,– как вы рискнули идти пешком по дикой тайге?! 120 километров пробираться по сопкам! Там столько медведей и всяких диких зверей – вы о чём думали?!

– Мы верующие. Помолились, и Господь нас вел. Медведей мы не боялись.

– Медведи разве разбираются, кто верующий, а кто неверующий?

– Всё зверьё хорошо разбирается, только люди не могут. Когда мы доверяемся Богу – ни один зверь нас не тронет, потому что всё живое подчиняется Богу, а люди не хотят покоряться Богу.

– У вас хотя ножи с собой были?

– Зачем? Наша защита и ограда – Бог.

– Вы – более чем странные люди...

– Гражданин начальник! – обратились братья,– Разрешите, мы сходим к Бойко домой и посмотрим, как он живет, по чашке чая выпьем.

– Благодарите хотя за то, что мы дали вам возможность поговорить здесь!

Видя, что никаких тайных разговоров у нас нет и мы ведем себя просто и откровенно, начальники вышли и братья рассказали о том, как Господь провел их от Ташкента до Аяна.

«Еще в Ташкенте мы знали,– рассказали мне братья,– что без пропуска можно прилететь только в поселок Нелькан. А от Нелькана до Аяна 120 км – глухая тайга. Ташкентские братья не советовали нам ехать, но у нас была вера, что мы дойдем пешком. Приехали в Хабаровск и здешние братья отговаривали: «Не рискуйте!» Но мы все же поехали.

Приехали в Богородское, встретились с сестрой Ниной Андреевной Вьюшковой (она в молодости работала в Аяне). И она убеждала нас не подвергать себя опасности.

– Вы не проедете и не пройдете туда никоим образом. Там нет

никаких дорог – сопки, тайга и непроходимые болота...

– Мы уповаем на Господа, Он знает, как нас провести туда.

Из Богородского приехали в Николаевск-на-Амуре, а оттуда самолетом прилетели в Нелькан.

– Как нам попасть в Аян? – спрашивали местных жителей.

– Только самолетом,– однозначно отвечали нам,– но туда нужен пропуск.

– Покажите, пожалуйста, в каком направлении нам идти.

– В тайге нет дорог совершенно! Идти не по чем, понимаете? – горячо растолковывали жители.

– Если знаете, укажите главное направление,– не отступали мы.

– Вот эти телеграфные столбы идут до Аяна, не пойдете же вы по проводам?!

Это – уже надежный ориентир, решили мы! Помолились и пошли. Идем сутки, вторые. Ночью один спал, а другой бодрствовал у костра. Продуктов с собой у нас было немного, в основном несли с собой духовную литературу. Питались ягодами и тем съедобным, что попадалось.

На третьи сутки перед нами выросли как из-под земли два пограничника.

– Стой! Куда идете?

– В Аян.

– Кто вы такие? Шпионы? Ваши документы?

– Никакие мы не шпионы, вот наши паспорта.

Пограничник открыл один паспорт, другой... Глаза его округлялись, лицо вытягивалось от недоумения.

– Слушайте, вы из Ташкента идете в Аян?! К кому?

– К брату по вере.

– Что это за брат?

– Николай Ерофеевич Бойко. Он отбывает ссылку в Аяне.

Пограничник положил наши документы в карман. Нас привели на заставу. И здесь начались расспросы.

– Почему идете пешком?

– У нас нет пропуска.

– Посидите здесь... – оставили они нас с солдатами.

Начальство ушло, видимо, созваниваться: проживает ли в Аяне ссыльный Бойко? А нас окружили солдаты. Мы с удовольствием рассказывали им о Христе. Сколько у нас было литературы – всю

моментально раздали. Нигде мы еще не видели такой жажды в Слове Божьем, как на этой глухой заставе.

Часа через три вернулось начальство. Оштрафовали нас для порядка, провели в вездеход и привезли в Аян, куда мы и хотели! Здесь нас задержали на ночь».

О чрезвычайном происшествии узнали и в Главном управлении лагерей г. Хабаровска, и в КГБ,– всех подняли по тревоге! Они опасались, что эти двое молодых людей из Ташкента первыми пришли в разведку, и что за ними движется целая группа захвата, чтобы «освободить из ссылки Бойко!»

Позже начальство поселка меня зло упрекали: «Декабристы такого не делали, как ваши баптисты!»

Мы еще беседовали с братьями, пришло начальство: «Собирайтесь! Сейчас подойдет машина и вас увезут...»

Мы вышли на улицу, а там – и работники КГБ, и участковый милиционер, и народ собрался. Весть о приезде ко мне братьев молниеносно распространилась не только по поселку.

– Объясните, что вы за люди? – обратился участковый к братьям. – Как вы не побоялись пробираться тайгой?! Спросите хотя у Бойко, сколько медведей в Аян заходит, не говоря уже о тайге!

– Да, заходят медведи,– подтвердил я.

– Господь нас защищал, мы медведей даже не видели! А вообще-то, к верующим не прикасаются даже голодные львы! – рассказали братья библейское событие о том, как Даниила за верность Богу бросали в ров ко львам.

– С вами трудно разговаривать,– вздохнул милиционер. – Скажите, с какой целью вы рисковали своей жизнью?

– Мы уже говорили: посетить нашего дорогого брата и узника за дело Божье – Бойко Николай Ерофеевича.

– Знали ли вы друг друга раньше? – повторялись вопросы.

– Заочно. Христос нас сроднил.

– Кто такой Христос?

На эти и многие другие вопросы братья отвечали откровенно, как было на самом деле, и смело свидетельствовали о Боге.

Подъехала машина.

«Пройдите»,– пригласил моих дорогих гостей пограничник.

«Мы сейчас помолимся, попросим благословения у Бога на обратный путь братьев»,– сказал я.

Нам разрешили. Каждый из нас громко в присутствии любопытной толпы помолился Господу. Мы попрощались, плача от радости. Братья сели в милицейский «бобик» в сопровождении пограничника и двух милиционеров.

Шел я в свой барак и продолжал плакать от великой радости, какую Бог послал мне через посещение братьев. Поблагодарил еще раз Бога и решил написать письмо в Ташкент, ведь церковь о них тревожится. Сел писать... О! Фамилии братьев я не знаю, кому же адресовать?

Вернулся в отделение милиции. Постучал в кабинет начальника паспортного стола. Мне разрешили войти. Вхожу, а там – все в сборе и работник КГБ среди них. Продолжают обсуждать ЧП!

– Гражданин начальник, извините. Я хотел написать письмо в Ташкент, а фамилий моих братьев не знаю...

– Полюбуйтесь! – обратился он к присутствующим. – Братья они ему! Ни имен не знал их, ни фамилий! – а у самого – улыбка на лице и добрый взгляд.

– Мы братья во Христе,– в который раз повторил я знакомую, но абсолютно непонятную им фразу.

– Фамилию одного я знаю, а второго – сейчас поищу,– ответил мне начальник и, улыбаясь, принялся просматривать лежащие на столе документы.

– Бойко! Непроходимая тайга! Медведи! Да в своём ли они уме?! – ужасаясь, рассуждал вслух председатель райисполкома.

– Они помолились и шли с верой. Бог их хранил!

– Какой там Бог! Разве медведи считаются с Богом?!

– Еще как!

– Слушайте, Бойко: если кто еще захочет вас посетить, пусть напишут заявление на пропуск, и мы выдадим, только не рискуйте, пожалуйста, жизнью.

– Я не знал, что братья приедут ко мне. Если кто сообщит, тем, конечно, посоветую заручиться пропуском.

Начальник паспортного стола сообщил мне фамилии братьев, и я ушел.

Написал письмо в Ташкент: «Братья и сестры! У меня состоялась очень радостная встреча с братьями из вашей церкви! По вере своей они получили желаемое. Но я не знаю, куда их увезли...»

Время тогда было еще тревожное: могли увезти в КГБ и осудить

как «шпионов». Такие беззакония в те годы были в порядке вещей. Я молился Богу о дорогих моих братьях.

Вскоре пришел ответ из Ташкента: «Брат дорогой, не переживайте! После встречи с вами они посетили И. Я. Антонова и Е. Н. Пушкова, а сейчас – на пути домой...»

Братья на свободе! – радовался я и благодарил Бога.

Через время получил письмо от самих братьев: «Николай Ерофеевич! Нас из Аяна везли как сынов Царя царей. Вызвали специально самолет и двоих отправили в Николаевск-на-Амуре. Оттуда – на Хабаровск, а из Хабаровска – в Ташкент. Мы благодарны Богу, что увидели вас...»

После посещения братьев отношение поселкового начальства ко мне заметно изменилось. Они увидели простоту и искренность верующих и нашу любовь друг ко другу. То, что они ради встречи со мной рисковали жизнью, было очевидно и начальство невольно проникались сочувствием ко мне.

Участковый милиционер стал довольно часто приходить ко мне.

– Нам говорили, что баптисты агрессивные и ненавидят советскую власть... Сколько я наблюдаю за вами – вы хорошие люди.

– Для нас – всякая власть от Бога. Мы подчиняемся ей во всем, кроме вопросов веры.

– Что вы за человек?

– Читайте Евангелие, и вы поймете, кто я такой.

– А мне можно его читать? Разрешается?

– Вы обязаны читать Евангелие, чтобы знать, что Бог вас любит и хочет спасти. Вы должны знать, что вас ожидает в будущем и где вы будете проводить вечность.

Глава XVII

В сентябре 1988 года вызвал меня начальник милиции. Вижу, он чем-то озабочен.

– Бойко, вы читали серьезную статью в газете «Аргументы и факты»? – вздохнул он.

– Читал, конечно,— не смутившись, ответил я.

– Вы поняли, что всех верующих освободят из тюрем, а вас — ни в коем случае? – смотрел он на меня изучающее и ожидал моей реакции.

– Слава Богу, что служители церкви будут на свободе! А мне сколько Господь определил быть в неволе, столько и будет. Я готов на Аяне остаться до смерти, чтобы свидетельствовать людям о Господе.

Начальник молча выслушал, вздернул плечами, не зная, что мне ответить.

– Знаете,– прервав тягостное молчание, обратился я к нему,– я хочу вас попросить: дайте мне в таком случае отпуск, я хотя с родными встречусь, которых не видел 8 лет! Да и внуки уже выросли, ни разу не увидев дедушку.

Он поднял голову и не слишком сурово, но все же со властью, подчеркнул:

– Бойко, вы же прекрасно знаете: вам отпуск не положен, потому что вы не работаете. А впрочем,– он с минуту помолчал,– зайдите дня через три, я этим временем позвоню в Хабаровское управление...

Я ушел полный тяжелых раздумий. В прежние годы перед тем как арестовать служителей церкви, в газетах, по радио и по телевидению непременно перед всей страной их чернили, не скупясь на клевету и оскорбительные слова. Это делалось с единственной целью: вызвать в народе презрение к верующим, а затем, не опасаясь возмущений, на длительный срок лишать служителей свободы. На сей раз ситуация сложилась аналогичная и, судя по клевете в газете, такая же неприглядная. Ожидать можно было и нового срока, и покушений,– общественность заранее настроена через влиятельную газету.

Прошел почти год, как я жил в Аяне. За это время некоторые работники милиции в своих семьях прочитали Евангелие, а кое-кто и Библию. В поселке образовалась уже группка верующих.

В первое время жители были настроены против меня, но потом, увидев мою жизнь, поведение моих родных, изменили отношение и прислушивались к тому, о чем я им свидетельствовал.

Через три дня я наведался к начальнику милиции.

– Вам что-то ответили из Хабаровска?

– Бойко, хочу вас порадовать: вам разрешили поехать домой повстречаться с родными. – И, обращаясь к коменданту, который был расположен ко мне более других, добродушно его спросил: на сколько дней выпишем Бойко разрешение на отпуск?

– Сколько Бойко захочет,– не поднимая лица, спокойно ответил комендант.

Меня удивила и даже насторожила их расположенность. Что за обстановка сложилась в стране, недоумевал я.

– Хотя бы на месяц,– осмелился попросить я.

– Подписывай, насколько он попросил. Пусть едет... Были бы все ссыльные такие, как Бойко, нам не о чем было бы переживать и делать было бы нечего.

В документах мне, как ссыльному, обозначили маршрут следования, от которого я не должен отклониться. Иначе меня могли задержать и оформить нарушение, а потом, соответственно, и наказание определить.

О предоставленном отпуске я сообщил домой. Родные, узнав, что я лечу в Одессу, подумали, что меня освободили.

Николай Ерофеевич во время отпуска на празднике Жатвы в родной Пересыпской церкви.

Прибыл я в свою родную церковь непосредственно на праздник Жатвы.

«Вот почему в нашей церкви уже два раза откладывали празднование дня Жатвы! – радовались друзья. – Бог знал, что вы приедете!»

Через несколько дней ко мне приехал служитель братства Михаил Сергеевич Кривко. Я радовался встрече с дорогим соработником, в прошлом, как и я, за дело Христово испытавшим не одни узы.

– Николай Ерофеевич! Освободился из заключения брат печатник Николай Боринский. Многие верующие приедут на встречу, он приглашает и вас.

– В моем маршрутном листе этот город не обозначен.

– Брат дорогой, давай помолимся, и Бог все усмотрит.

– Правильно, Михаил Сергеевич! Помолимся, и Господь сохранит от проверок и неприятностей! – с удовольствием согласился я, всецело положившись на Господа.

На сердце было спокойно, я побывал на радостной встрече народа Божьего с дорогим узником. И меня многие друзья уже долго не видели, приветствовали, расспрашивали – приятное было общение.

Оттуда я заехал на родину, в Вознесенск, еще раз отклонившись от маршрута.

Радостная встреча освободившихся узников: Тарасовой Зинаиды** (первая слева), **Боринского Андрея** (второй слева). **В центре — Николай Ерофеевич, рядом с ним служитель братства — Кривко Михаил Сергеевич. 1988 г.

Когда возвратился домой, жена встретила меня неожиданной вестью:

«Коля, пришла телеграмма от начальника милиции из Аяна. Сообщает, чтобы ты срочно вернулся и забрал документы об освобождении».

Все произошло так неожиданно, что с трудом верилось: неужели отменили дальнейшее пребывание в ссылке? Я всего полмесяца побыл в отпуске и вдруг меня возвращают?! Всегда готовишься к худшему, на лучшее не рассчитываешь.

На сей раз не только меня, но многих узников Господь привёл в изумление: расторг крепкие узы и отпустил на свободу Своих страдальцев. Чудная победа Господня была дарована народу Божьему.

Приехал в Аян – действительно меня освободили от ссылки.

Хабаровский краевой суд 14 октября 1988 года рассмотрел мое дело по протесту председателя Хабаровского краевого суда на приговор Центрального районного народного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 2 июля 1985 г., которым я, не отбыв до конца прежний срок, был вновь осужден по ст. 188-ЗУК к лишению свободы дополнительно на 2 года за то, что не посещал политзанятия.

В Постановлении президиума Хабаровского краевого суда значилось (привожу очень кратко):

«Рассмотрев дело и протест, в котором поставлен вопрос об отмене приговора и прекращении дела на отсутствие состава преступления, и, заслушав заключение прокурора Хабаровского края, полагавшего протест удовлетворить, президиум Хабаровского краевого суда установил, что приговор народного суда подлежит отмене за отсутствием состава преступления...

Согласно ст. 19 "Основ Исправительно-трудового законодательства" видно, что возложение на осужденного обязанности посещать политические занятия не основано на требованиях закона. Поэтому осужденного нельзя подвергать наказанию за непосещение политических занятий.

При таком положении помещения Бойко в ПКТ (помещение камерного типа) и другие наказания, которым подвергала его администрация колонии, БЫЛО НЕЗАКОННЫМ. Поэтому приговор подлежит отмене, а дело – прекращению за отсутствием состава преступления...»

Я знал, что не нарушаю режим содержания. Прекрасно знало об этом и все лагерное начальство. Сами по себе они не оказывали бы на меня такое жестокое давление, если бы не получали указаний от работников КГБ, которым поручено было не только всячески порочить служителей гонимого братства, но, как можно быстрее, лишить нас жизни. Три десятилетия подряд напряженнейшую брань пришлось выдержать узникам за имя Христово и по милости и помощи Божьей не подать недругам никаких надежд, что братство оставит узкий путь и пойдет на уступки миру по внутрицерковным вопросам.

Вручили мне документы об освобождении. Я выписался.

Когда прощался с поселковым начальством, подошел ко мне участковый милиционер, который наблюдал за каждым моим шагом, и совершенно другим тоном (куда исчез его высокомерный взгляд) сказал:

– Бойко, только теперь, когда вы уезжаете, я начинаю понимать, что̀ вы за человек...

– Как поздно, как поздно...

– У вас есть еще что-нибудь божественное, я с удовольствием бы почитал...– задерживал он меня, желая, по-видимому, хоть както загладить прежнее недоброжелательное отношение ко мне.

Я подарил ему Библию, книгу П. И. Рогозина «Существует ли загробная жизнь?» Когда я прибыл в ссылку, он усердствовал, чтобы осложнить мое пребывание в поселке, а теперь был просто не узнаваем. Дал бы ему Бог милость найти путь спасения.

13 декабря 1988 года под благословляющей рукой моего Доброго Пастыря я вернулся домой, в семью и в родную церковь.

Итак, мой срок неволи: в общей сложности я был приговорен к 45 годам и 10 месяцам лишения свободы и плюс 5 лет без права выезда, но отбыл меньше.

13 декабря 1945 г. меня осудили по ст. 581 п. «б» УК РСФСР к лишению свободы на 15 лет. (В концлагере пробыл 3 года и 10 месяцев. В воркутинских лагерях с 1945 по 1954 – 8 лет и 9 месяцев).

26 октября 1968 г. осужден по ст. 138 ч. 2, 209 ч. 1 УК УССР к лишению свободы на 5 лет со ссылкой на 5 лет. Отбыл полностью.

19 декабря 1980 г. по ст. 138 ч. 2 УК, 209 ч. 1 УК УССР к лишению свободы на 5 лет со ссылкой на 5 лет.

2 июля 1985 г., не отбыв до конца срок, и без выхода на свободу по приговору Центрального районного народного суда г. Комсомольска-на-Амуре осужден по ст. 1883 УК УССР к лишению свободы еще на 2 года. На основании ст. 41 УК УССР к этому наказанию присоединено полностью неотбытое наказание по приговору от 19 декабря 1980 года. Окончательно к отбытию назначено наказание в виде лишения свободы на 2 года 5 месяцев 17 дней с последующей ссылкой на 5 лет.

В 1984 году до отправления в ссылку в лагере я провел 157 суток в карцерах и ПКТ. Кроме того лишался длительного свидания и в течение месяца возможностью пользоваться магазином.

Сколько суток я провел в карцере лагеря в п. Старт, я потерял счет. Кроме того, там за 5 лет я не имел ни одного личного свидания.

Глава XVIII

После долгой разлуки с церковью, с семьей встреча с народом Божьим, с дорогими служителями Совета церквей: Степаном Никитовичем Мисируком, Николаем Абрамовичем Крекер, с братьями Одесского объединения и множеством гостей из других общин была радостной.

Благодарность Богу переполняла мое сердце. Он вёл все наше братство путем страданий, Он и посылал силу проходить долинами скорби. Без Его поддержки устоять в вере в тех условиях не просто трудно, а невозможно. Мы же призваны не только сохранить верность в испытаниях, но и, как сказал великий подвижник Апостол Павел, С РАДОСТЬЮ СОВЕРШИТЬ каждый свое поприще и служение, которое приняли от Господа (Д. Ап. 20, 24).

Страдать, негодуя на гонителей, значит потерять награду. Христос, страдая, не угрожал (1 Петр. 2, 23). Страдать, не любя причиняющих тебе боль и не молясь о них, как первомученик Стефан,– это напрасная трата времени.

В то же время с радостью пройти путь страданий христианин не сможет, если у него не будет готовности умереть за Господа, за истину, за возлюбленную Церковь Христову.

Николай Ерофеевич рассказывает церкви о милостях Божьих, явленных ему в страданиях.

«Будь верен до смерти...» (Откр. 2, 10). Приговор к смерти не гонители нам выносят и даже не Бог, а каждый сам себе, «для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мёртвых» (2 Кор. 1, 9).

Готовность каждую минуту расстаться с жизнью без страха и паники посылает Господь тем, у кого сердце свободно от греха. Нечистое сердце делает христианина боязливым, лицемерным, заискивающим перед гонителями, такой человек не устоит на узком пути. Сами гонители презирают таких христиан.

В день радостной встречи с дорогой церковью. Слово назидания говорит друг Николая Ерофеевича Филаретов В. Н.

Я благодарил церковь за молитвенную поддержку меня и моей семьи, за ходатайства, через которые Бог очевидным образом смирял ярость сильных мира сего.

Памятны для меня искренние пожелания друзей в день встречи. Дороги эти два стихотворения, которые я сохранил.

Я не прошу,
чтоб не было печали,
чтоб слез не лить,
чтоб не было скорбей,
тюремных камер.
Чтоб не испытала
плоть ужасов
сибирских лагерей.

Я не прошу ни почести,
ни славы,
ни благ земных,
ни долгих лет житья,
ни облегченья
на пути кровавом,
ни спада волн
на море бытия.

Я не прошу
поруки и залога,
меня чтоб понимали –
не прошу.
Христом одна
назначена дорога –
по ней прошел Он –
я по ней иду.

Пускай восстанет
смерть, и тьма, и ад,
но Ты со мной –
и нет уже преград.

Пс. 138, 9–10

Ах, как много километров
Узкий путь вместил!
Северо-восточным ветром
Брат испытан был.

Всякий узник – горя данник,
Скорбью осажден.
Но всегда был брат изгнанник
Твердо убежден:

«Если даже на край моря
Я переселюсь,–
В одиночестве и горе
Близок Иисус!

Если станет на дороге
Злых запретов полк,–
Людям возвещать о Боге –
Мой удел и долг!..

Верность Богу!
Остальное –
Как допустит Бог:
Иль за проволкой стальною,
Иль – свободы вздох».

Ненависти хищный кречет
Все кружил над ним...
Слава Господу за встречу
С братом дорогим!

Первое время после освобождения я посещал церкви нашего братства, где меня с нетерпением ждали. Друзья просили о встрече, потому что долгие годы подвизались обо мне в молитвах и желали вместе поблагодарить Бога за то, что я остался жив.

Дни пролетали не только в радостном общении, но в тех цер-

квах, где была нужда, я участвовал в ответственном служении по очищению и освящению. (В церкви г. Сумы я по просьбе братьев помог в этом служении.)

На сердце у меня было посетить еще церкви на Дальнем Востоке. После всесоюзного совещания в Ростове-на-Дону я, заручившись согласием служителей Совета церквей, сначала приехал в Хабаровск, а затем в Комсомольск-на-Амуре. Там в церкви некоторые души ожидали служителя, чтобы преподал крещение. Меня на это никто не уполномочивал, а самовольно делать дело Божье я всегда остерегался. Позвонил ответственному служителю в Благовещенск. Он мне ответил: «Совершите, пожалуйста, мы вам доверяем...» И я с Божьей помощью крестил желающих присоединиться к Церкви Христовой. Совершал также вечерю Господню в малых группах и церквах.

Затем я поехал в Советскую Гавань. (В этом городе меня просили найти и побеседовать с приближающейся к Богу женщиной.) Пришел я по адресу, дома нет никого. Вышел на улицу, сел на скамейку у подъезда и наблюдал за прохожими.

Советская Гавань... Здесь в лагере я перенёс инфаркт. Сюда че-

За 47 лет совместной жизни более 18 лет Николай Ерофеевич провел в разлуке с женой Валентиной Ильиничной и дорогой семьей.

рез всю страну, а это 11 тысяч километров, приезжали ко мне на свидание дети, но положенного свидания не дали. Здесь очень жестоко обращался со мной замполит, принуждая ходить на политзанятия. «Бойко! – кричал он и стучал в негодовании кулаком по столу,– советская власть сильна! Мы тебя или сломаем, или сгноим!» В общем, было что вспомнить...

Время шло, прохожие мелькали перед глазами, а к дому никто не поворачивал. И вдруг... И вдруг идет майор, замполит лагеря, о котором я только что вспоминал. Это он зычным голосом кричал: «Запомни, Бойко! На свободе ты не будешь!» Майор приближался, вот-вот поровняется со мной. Мне как-то неловко было его окликать. Я помолился: «Господи, хотя бы он посмотрел в мою сторону...» И он не только посмотрел, но, увидев меня, оторопел и остановился...

– Бойко?! Неужели это вы?!

– Да, я, Виктор Павлович.

– Как вы сюда попали?

– Приехал в гости. Присядьте, пожалуйста.

Он сел рядом на скамейку.

– Виктор Павлович, все-таки истина восторжествовала!

– Да. В последнее время я вас часто вспоминаю, Бойко... Вспоминаю всё, что вы говорили, а я много с вами беседовал. Прошу вас, не обижайтесь на меня... И, конечно, прошу у вас прощение... Время было такое, меня заставляли, поймите...

– Я никогда на вас не обижался,– поспешил я успокоить разволновавшегося майора. – Разговаривая с вами в лагере, я хотел, чтобы вы поняли, что жизнь и моя, и ваша зависит только от Бога, а не от людей.

– Я узнал, что вас освободили, но никогда не думал встретиться с вами в такой дали от Одессы.

– Это Господь подарил вам такую возможность встречи, чтобы вы еще раз из моих уст услышали, что есть Бог и есть жизнь вечная.

– Бойко, я много думал над вашими словами, когда вас не было. И теперь могу сказать, что какая-то сила есть! И есть Кто-то...

– Виктор Павлович! Не кто-то, а Бог есть! Живой Бог! Не какая-то сила есть, а Божья сила есть! Он Бог и Творец всей Вселенной. Обратите внимание: мы не по своей воле рождаемся, не по

своей воле умираем. И не по нашей воле Бог воскресит всех людей, независимо от того, верят они в Бога или нет, хотят или не хотят. Всех до одного Бог воскресит и каждого будет судить соответственно тому, что он сделал, живя на земле,– так написано в святой Книге Библии.

– Бойко! Мне всё так же интересно вас слушать, но мне пора, я – на службе...

– Виктор Павлович, я всё же должен ещё раз сказать вам: если вы не покаетесь, вам всё равно придется предстать перед Богом и за то, что не приняли Иисуса Христа как личного Спасителя, пойдете в ад. А вот этот лагерь, куда вы спешите, и где я томился в карцерах (я указал рукой на зону, она была хорошо видна с места, где мы сидели), он по сравнению с адом – рай. Неужели вы хотите попасть в место вечных мучений? Не забудьте: если не покаетесь, попадёте туда – этой участи не избежать ни одному нераскаянному грешнику. Вы захотите избавиться от ада и пожелаете всю жизнь ползать на коленях по земле, но этого не будет: «что посеет человек, то и пожнёт»: или вечное осуждение, или вечную жизнь. Выбор нужно сделать сегодня раз и навсегда,— сказал я ему, молчащему, на прощанье и ждал от него хотя бы какого-нибудь ответа. — До свидания. Передайте, пожалуйста, привет моим друзьям заключенным, которые уверовали во Христа. (Я знал, что в лагере оставались приближённые братья.)

На этой ноте мы расстались. Позже я узнал, что Виктор Павлович изменился по отношению к заключенным и привет им от меня передал.

Ни раньше, ни позже, а как только закончился наш разговор, в подъезд вошла женщина. Я понял, что это именно та, которую я ждал. Такие встречи может посылать только Бог! И они у Него рассчитаны до секунды.

Уделил внимание этой, ищущей Бога женщине, рассказал ей о верующих, живущих в порту Ванино. Дал адрес и пригласил на собрание и сам поехал в Ванино.

Здесь в небольшой группе сестер нашего братства я провел служение по очищению.

Дома меня ожидали братья, выехавшие из России в Германию. Они молились о моем возвращении и хотели уже уезжать на родину, а тут – я приехал.

Глава XIX

Осенью 1991 года, согласовав со старшими братьями, я поехал в Германию, чтобы побывать на том месте, где 50 лет назад Господь нашел меня, бедствующего грешника, и чудом Своей милости спас. Для меня эти места ценны не только исторически – здесь начался мой путь к Богу.

Бывший концлагерь стал музеем. За 50 лет всё изменилось до неузнаваемости. Вокруг лагеря, где раньше рос сплошной лес и не слышно было ни лая собак, ни пения петухов, сейчас все застроено. От леса остались несколько деревьев. Для музея в концлагере сохранили несколько бараков такими, как они были раньше. Правда, барак, где я находился, не уцелел.

Экскурсовод музея рассказывала посетителям и туристам о жизни пленных.

Улучив минутку, я сказал, что знаю лагерь не понаслышке, я в нём был.

– Когда? – тут же прервала свой рассказ экскурсовод.

– В 1941–1943 годы.

– И вы остались живой? – в великом удивлении посмотрела она на меня, зная, что именно в эти годы в лагере была самая большая смертность.

– Только Господь сохранил меня тогда и бережет до сего времени. За что я весьма и весьма благодарен Богу.

– Где вы сейчас живете? – любезно поинтересовалась экскурсовод.

– На Украине.

– О, вы издалека приехали к нам!

– Для меня это место очень памятно,– начал я свой рассказ и вкратце передал, как Господь спас меня, заговорив к моему сердцу через листок с молитвой «Отче наш» на русском языке, который я нашел на этом месте, в лесу. Слушая меня, потрясенная экскурсовод плакала.

В Германии я побывал во многих церквах. Собрания там идут в основном 1,5–2 часа. Но когда меня просили рассказать о тех чудесах, которые Господь явил в моей жизни, то служение длилось на час–полтора больше. Местные служители удивлялись вниманию верующих, даже малые дети вели себя спокойно.

Друзья пробовали пригласить меня в студию звукозаписи, чтобы я рассказал о себе, но ничего не получилось. Говорить в пустоту я не умел и не привык.

Бог позволил мне побывать у друзей в Швейцарии и поблагодарить их за молитвы, за сердечную переписку и поддержку моей семьи. Я был тронут их искренними признаниями.

– Брат Николай, когда вы находились в тюрьме, у нас была большая жажда молиться о вас. Мы чувствовали тогда тесную связь с Богом. Теперь вы на свободе, мы радуемся о вас, а о себе печалимся. Мы живем в достатке, и у нас нет нужды молиться.

– Почему нет нужды? Молитесь и поститесь, чтобы вам не погибнуть в вашем благополучии и изобилии.

Удивительное дело: точно такими же словами приветствия в мой адрес и переживаниями о себе делились и голландцы. Зашел я в церковное здание – древний большой костел. Поднялся на первую ступеньку,– сестра от радости всплеснула руками:

Николай Ерофеевич среди школьников и учителей в одной из школ Швейцарии, где он рассказывал о жизни христиан в России.

– Бойко!

– Разве вы меня знаете? Я первый раз в Голландии.

– Мы с вами переписывались!

– Но вы же меня не видели...

– Почему? У нас есть ваша фотография.

– Брат Бойко! Вы живой духовно и физически, а мы – только физически. У нас всё есть, но духовно... духовно мы бедны. Молитесь о нас...

Вот, оказывается, какое благо приносили наши страдания в узах друзьям за рубежом! Бог, проводя через тюрьмы и лагеря, очищал нас и готовил к встрече с Собой, и верующие на Западе, молясь о нас, приближались к Богу.

Возвратившись домой, я продолжал начатое служение благовестия. Небольшой группой мы выезжали в глухие села. Проведем служение, и группа уезжала, а я оставался и беседовал с теми, которые с сердечным расположением принимали свидетельство о Господе. Посещал их на дому не один раз.

Как важно вовремя наставить души, когда они под влиянием Слова Господнего чувствуют свою вину и обреченность. Как охотно они тогда каются. Недостаточно засвидетельствовать

Семинар регентов
Одесского объединения. (с. Казацкое, 1999 г.)

о Господе и уехать. Мы теряем души, их нужно научить соблюдать заповеди Божьи и не оставлять без духовного попечения.

Николай Ерофеевич (второй слева)***, Мазурин Н. С. и Шмидт Б. Я. на одном из братских общений.***

В своей церкви я старался побеседовать с душами сразу после покаяния, убеждал не скрывать грехи. Если человек отдал свое сердце Богу, а грех не исповедан, то дьявол с легкостью возвращает его в то же греховное болото. Особенно в наше время, когда через гадание, гороскопы, экстрасенсов, нетрадиционные методы лечения людей усиленно вовлекают входить в контакт с дьявольскими духами. Для тех, кто был связан с оккультными силами, нужно не только исповедание, но и отречение. Без отречения дьявол не покидает душу и имеет над ней власть и силу.

Исповедание и отречение совершается прежде всего перед Господом в присутствии служителя. Слыша отречение, сатана покидает сердце человека. Освобожденной от зависимости душе Бог посылает Свое свидетельство о прощении и силу для дальнейших побед над искушениями.

После евангелизационных служений в селах Пейчиво, Макарово, Жеребково образовались группы уверовавших.

Много потрудился я в зарегистрированной общине в Секретаровке. Узнав о нашем братстве, они увидели, что живут не по Слову Божьему и искали выхода. Душа их истомилась, видя кощунственное отношение молодых проповедников к святыне Господней и вообще к Богу. Многие из верующих с радостью восприняли служение очищения и освящения и после личных исповеданий присоединились к нашему братству.

Духовного труда было достаточно и в Пересыпской церкви.

Христианский молодежный лагерь Одесского объединения в п. Серге

Я часто посещал верующих по домам и в молитвенном доме проводил много бесед.

Кроме того, ко мне домой очень часто ночью и днем приходили и приезжали верующие с исповеданием и другими духовными нуждами. Часто пребывал в посте за оккультно обремененных, чтобы Бог очистил их совесть от зависимости.

Этим мое служение Господу не ограничивалось. Служители из соседних общин Одесского объединения часто приглашали меня во вновь образовавшиеся после благовестия группы для личных бесед и исповедания с недавно уверовавшими. Некоторые из них были больны, но после исповедания и совершения над ними молитвы, Господь исцелял их и духовно, и физически.

В 1998 г. на берегу Хаджибейского лимана проходил христианский лагерь. Первый заезд для детей с 8 до 12 лет, второй – подростки, третий – молодежь. Служители говорили детям, что такое покаяние, исповедание и призвали к покаянию. Первым вышел

евка Одесской области. (2000 г., Николай Ерофеевич — в 1-м ряду 6-й слева.)

Николай Ерофеевич с верующими ст. Жеребково после крещения. 2001 г.

Группа верующих с. Секретаровка, где трудился Николай Ерофеевич. 2002 г.

В радостном общении с народом Божьим. г. Знаменка Кировоградской области. (2002 г. Николай Ерофеевич сидит во 2-ом ряду 7-й слева.)

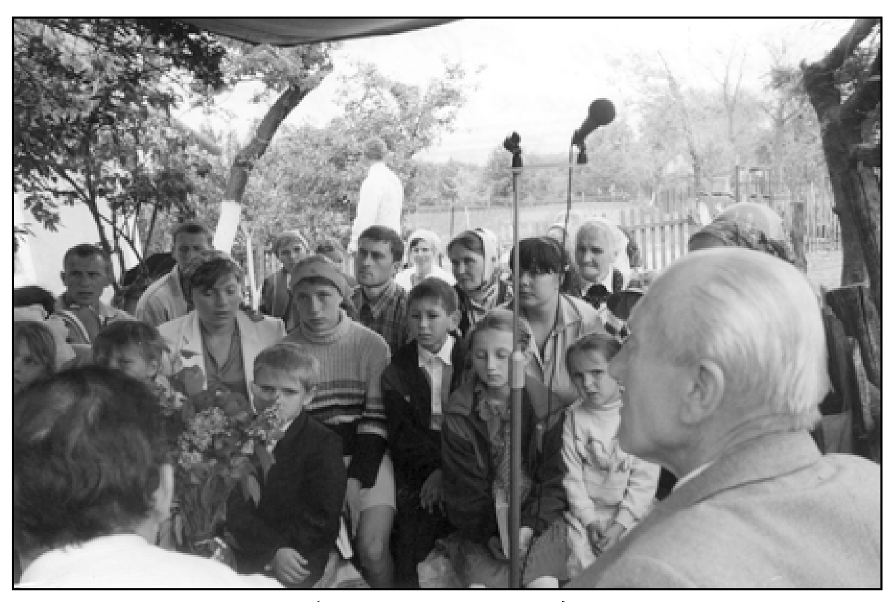
старший из всех мальчик, за ним второй, третий, а потом и трудно сосчитать.

Мы решили помолиться за первую группу покаявшихся, чтобы дети не каялись за компанию. После молитвы поток кающихся удвоился и остановить плачущих было невозможно. Дети каялись, осознавая и исповедуя свою вину, что довольно редко наблюдается у взрослых. Из 116 детей примирились с Богом 80 человек!

На следующий день я спросил их:

«Поднимите руки, кто вчера покаялся». – Лес рук.

«Кто из вас имеет спасение?» – задал я следующий вопрос. В ответ – молчание. Мы провели с ними разъяснительные беседы, дети открывали все, что было у них в сердце. Я удивлялся и благодати Божьей и тому, что в таком возрасте у детей было в чем серьезно каяться и исповедоваться перед Богом. Мы наставили их прислушиваться к голосу совести и хранить в чистоте сердце. «Христос теперь живет в моем сердце! Я спасен и имею жизнь вечную»,– радовались покаявшиеся дети.

Пасхальное богослужение в Демидовской группе Березовского района Одесской области. 2002 г.

В 1993 г. вместе со служителями Одесского объединения я присутствовал на общебратском съезде представителей общин СЦ ЕХБ. Благословенно прошел он. Мне дорого братство, с которым Бог сроднил меня с самого начала пробуждения. Я видел, что эти служители готовы отдать жизнь свою за учение Иисуса Христа. Так поступать могут только истинные члены Церкви Христовой!

Еще в 1961 году, встретившись со служителями Инициативной группы, я увидел, что мы единодушны по все вопросам ведения дела Божьего, потому что в нас был один Дух – Дух Святой!

Путь послушания Отцу Небесному Христа привел на Голгофу, и Он, любя грешников, отдал Свою жизнь, пролил Свою Кровь ради нашего спасения.

Нам, Его последователям, Голгофы не избежать, и у каждого она будет своя, свои страдания и уничижения за Христа. Если мы станем рядом с отверженным Христом, то и нас будут злословить, и нашей спины коснется «римский бич». Но Христос ободряет: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить...» (Матф. 10, 28). «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» не нам, не нам, а Отцу Не-

Николай Ерофеевич участвовал в общебратском съезде в 1997 г.

бесному (2 Кор. 4, 17; Пс. 113, 9).

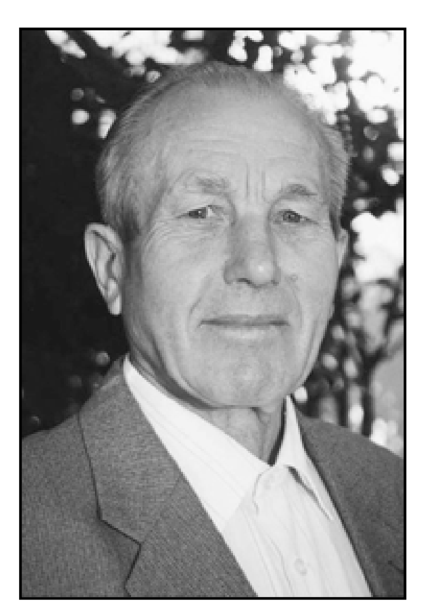
Страданиям во плоти всегда предшествует великая духовная брань. Христу предстоял поединок с дьяволом. Он «во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение» (Евр. 5, 7) и вышел победителем! Телесную смерть Он вкусил, но духовная смерть Его не коснулась.

Узники за имя Христа, прошедшие через тюрьмы и лагеря, знают, что перед телесными страданиями сатана сильно атаковывает душу. Часто самые великие искушения приходится переносить во время следствия, когда недруги стараются надломить дух христианина. Мне не раз предлагали: «Судить не будем, только дай слово, что выедешь хоть в Германию, хоть в Америку...» Бог помог мне одерживать победу в духе, тогда и страдания во плоти мне были уже не так страшны, потому что я всегда видел перед собой Господа (Пс. 15, 9).

Придя в сияющую вечность, мы будем сожалеть, что мало страдали за Христа. Поэтому будем стремиться жить так, чтобы удостоиться великой милости не только веровать во Христа, но и страдать за Него (Фил. 1, 29).

(фото справа, 3-й справа) ***и в 2001 г.*** (фото слева, в 1-м ряду 2-й слева).

Николай Ерофеевич
БОЙКО
1922-2003

ЖЕМЧУЖИНА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(Некролог, помещённый в журнале «Вестник истины» № 5, 2003 г.)

«Убежденный христианин, глубоко верующий в живого Бога!» — так, радуясь спасению и жизни вечной, открыто свидетельствовал о себе Николай Ерофеевич Бойко. С первого дня обращения к Господу он с радостью исповедовал имя Иисуса Христа всем людям, а также на бесчисленных допросах, в судах, в тюрьмах и лагерях.

Народу Господнему нашего братства его имя широко стало известно с 1968 года, когда его фамилия появилась в списках узников, осужденных за веру в Иисуса Христа. За исключением небольшого отрезка времени (с 1978 по 1980 гг.) его фамилия, имя его жены и их восьмерых детей не сходили со скорбных страниц Бюллетеня Совета родственников узников.

Первый срок, 9 лет (с 1945 по 1954 гг.), Николай Ерофеевич провел в неволе за то, что (спустя чуть более 20 дней после призыва в армию и спустя 10 дней после начала Отечественной войны) 19-летним неверующим парнем попал в плен, откуда в 1945 году бежал. С нашими войсками дошел до Берлина, а по окончании войны его осудили на 15 лет каторжных работ по ст. 58-1 п. «б».

В плену, собирая хворост в глухом немецком лесу, Николай Ерофеевич нашел под кустом листок бумаги с молитвой «Отче наш» на русском языке. Это был поворотный момент в его жизни! Он не мог назвать случайностью бесценную находку и понял, что есть Бог, мило-

сердно управляющий судьбами людей. С этого знаменательного дня и до последнего вздоха Николай Ерофеевич молился живому Богу и, торжествуя в духе, служил Ему как преданный, глубоко любящий слуга.

На второй срок (с 1968 по 1978 гг.) Николая Ерофеевича осудили уже как ревностного христианина по ст. 138 ч. 2, 209 ч. 1 УК УССР на 5 лет лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима с использованием на тяжелых работах (он вручную грузил гранитный камень в лагере в Винницкой области) и на 5 лет ссылки. Вынесению столь сурового приговора Николаю Ерофеевичу послужило его бесстрашное свидетельство о Господе гонителям и то, что он, будучи ответственным за небольшую бодрствующую общину г. Вознесенска (Николаевская обл.), не исполнял противоречащее Евангелию и основным законам страны Законодательство о религиозных культах, во время богослужений допуская к участию молодежь и детей.

Освободился Николай Ерофеевич из ссылки раньше на 9 месяцев — это время было погашено в счет 92 дней этапа. (Столько времени его везли на ссылку! Согласно закону за один день этапа засчитываются три дня ссылки.)

Служители общин независимого братства МСЦ ЕХБ, простившись с дорогим наставником, полны решимости с такой же верностью совершать дело домостроительства Церкви Христовой.

К этому времени семья брата переехала на постоянное жительство в Одессу. После освобождения Николай Ерофеевич влился в Пересыпскую церковь, которая, хотя и входила в состав гонимого братства, но была зарегистрирована. В 1977 году Николай Ерофеевич был избран церковью и рукоположен служителями Совета церквей на пресвитерское служение и повел служение так, чтобы церковь сдала регистрацию. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения недругов, ведущих борьбу с независимой церковью и непосредственно с духовным центром — Советом церквей. Лишиться контроля над церковью не входило в планы сильных мира сего. Поэтому всех, кто не позволял им это делать, они бросали за решетку. 29 сентября 1980 года Николай Ерофеевич был арестован, а 30 сентября Пересыпская церковь г. Одессы сдала регистрацию. 19 декабря 1980 года народным судом Ильичевского р-на г. Одессы он был вновь приговорен к 5 годам лишения свободы и к 5-летней ссылке.

Одному Богу известно, сколько издевательств претерпел Николай Ерофеевич за этот срок! Он потерял счет карцерам и ПКТ (помещение камерного типа), куда его систематически помещали за непосещение политзанятий. Его лишали свиданий, не отдавали писем. Он перенес инфаркт, затем инсульт. Стал гипертоником. Его в буквальном смысле уничтожали, сажая в камеру-холодильник в то время, когда он был болен воспалением легких. «Бойко,— цинично заявляло лагерное начальство,— нам нужно, чтобы ты поскорее подох!»

Только улица могла вместить всех прибывших

Но по неизреченной Своей милости Господь сберегал жизнь Своего слуги. Он оставался непреклонным и не шел на сотрудничество с гонителями. Тогда в 1985 г. в лагере на него возбудили новое уголовное дело по ст. 188-3 ч. 1 УК РСФСР и осудили еще на 2 года лишения свободы, присоединив неотбытый срок 5 месяцев 17 дней и 5 лет ссылки.

Живым отпускать Николая Ерофеевича на свободу гонители не намеревались, а дорогой брат выжил, вытерпел, отбыл ссылку в п. Аян на берегу Охотского моря, остался верным в огне невероятных испытаний и по молитвам народа Господнего в 1988 году был дарован независимому братству.

15 лет свободы Николай Ерофеевич провел в ревностном служении: сколько было сил — нес пресвитерское служение, был членом межобластного совета и ответственным служителем по делу домостроительства в Одесском объединении МСЦ ЕХБ.

Его глубоко почтенный 82-летний возраст — яркое доказательство того, что жребий наш всецело находится в руках Господа и вовсе не условия существования определяют длительность жизни, а лишь Божья воля. Несмотря на суровый путь, он достиг рубежа большей крепости и отошел к Господу, как и насыщенные днями патриархи. Проводить в последний путь любимого всеми служителя съехалось более полутора тысяч верующих России, Украины, Молдавии, Белоруссии, Германии и других мест.

проститься с верным служителем Божьим.

Множество церквей нашего братства знают теперь Николая Ерофеевича Бойко... Знают, как он преданно любил Бога и какие глумления перенес за веру в Него. Мы знаем, куда он ушел и где навеки водворился... Земная брань его закончилась победно. И все же трудно семье, нелегко церкви и братству говорить о дорогом служителе в прошедшем времени: был, любил, страдал, ушел... Поэтому, как бальзам, на воспаленные разлукой сердечные раны лилась на прощальном богослужении вдохновенная речь крепко полюбивших Николая Ерофеевича сослужителей:

«Эту ветхую, износившуюся храмину, оставленную дорогим братом, мы в слезах благоговения, с молитвой предадим земле, но дух почившего брата, в котором жил Дух Христов, остался и будет жить с нами, как живет и вдохновляет нас дух пророков и Апостолов Господних! Как живет и ободряет нас дух братьев-мучеников нашего братства, таких как: Н. С. Кучеренко из Николаева, И. М. Остапенко из Шевченково, С. Н. Мисирука из Одессы и многих других героев веры, которые были движимы Духом Святым.

Верность Николая Ерофеевича испытывалась под высоким напряжением. Казалось, он сгорит и от него не останется и следа. Железо порой не выдерживает чрезмерных нагрузок. Какая же сила пребывала в этом человеке со слабым здоровьем, что он выдержал столько лет под неослабевающим прессом тюрем и карцеров?! — Только сила Божья сберегала его! Другого объяснения не найдешь.

Гонители сосредотачивали мощные удары на бескомпромиссных служителях нашего братства. Сколько злобной клеветы возводили на несгибаемых подвижников, отстаивающих чистоту и независимость Церкви Христовой,— но ничто не имело над ними силы, ничто не сломило их дух! Почему? Потому что они победили врага душ человеческих и всех его слуг на земле Кровью Агнца, Кровью Иисуса Христа, и словом свидетельства своего, не возлюбив души своей даже до смерти (Откр. 12, 10—11).

Слово Христово сбывается и в наши дни: "Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит" (Иоан. 14, 12). Многие не понимают это слово: как можно сделать больше Христа? — Можно, если в нашем сердце живет Христос! Не Бойко Николай, а Христос через него творил великое! Брат Бойко только с радостью принял Христа в свое

сердце, лелеял Его и любил больше своей жизни.

Такие как Николай Ерофеевич Бойко – жемчужины нашего времени! Жемчужины яркие, неповторимые! Хотя живут нередко среди нас тихо и скромно, ходят в простой, не броской "оправе". Не каждый может заметить и по достоинству оценить их необычную внутреннюю красоту смирения, которую производит в них Господь. Если бы мы вспоминали подвиги только Апостолов и пророков прежних дней, а в наши дни не имели бы таких подвижников, мы оказались бы жалким христианством. Но, благодарение Богу, нашему братству Бог подарил величайшие по красоте жемчужины!»

М. С. Кривко (пресвитер, г. Мерефа Харьковской обл.).

«Последние несколько лет Господь позволил мне работать вместе с Николаем Ерофеевичем по созиданию новых групп и церквей в Одесском объединении,– свидетельствовал служитель Усатовской церкви. – *Господь обильно благословлял наше служение. И, конечно же, не авторитет многолетнего узника, а сила Духа Святого, которая исходила из него, глубокое знание Слова Божьего, его святая жизнь, преданность и верность Богу покоряли сердце людей, побуждая их к покаянию.*

Николай Ерофеевич пробыл в неволе за имя Христово в общей сложности 28 лет. Я как-то спросил его: "С каким чувством вы переступали порог тюрьмы, когда второй раз вас осудили на 10 лет?" Брат задал мне встречный вопрос: "Как ты думаешь, на мертвого человека может ли что повлиять?" В этот момент я понял: что̀ значит умереть для себя. Понял также, что без самоотречения невозможно преданно служить Богу.

Как служитель Господень он не отказал ни одной просьбе страждущих. Ночью ли позовут его, днем ли – он уезжал в Молдавию, в Россию – куда бы ни позвали. "Как ты поедешь, ты только перенес сердечный приступ?!"– останавливали его. "Кто может посочувствовать больному, как не больной?!" – говорил он и уезжал».

В. Помазнюк (пресвитер, п. Усатово Одесской обл.).

«Дорогое огромное собрание! – обратился к многолюдному собранию служитель Курско-Рязанского объединения МСЦ ЕХБ. – *Услышав о кончине дорогого брата, мы за ночь преодолели свыше тысячи километров и приехали более 50 человек из общин центральной России. И не сожалеем, что стали участниками этого трогательного и весьма поучительного для живых служения.*

Четыре года назад мне довелось совершать служение вместе с Николаем Ерофеевичем в далекой Воркуте, где он в свое время отбывал заключение (с 1945 по 1954 гг.) и, освободившись, принял крещение. Объезжая места, где, будучи узником, он строил с заключенными различные объекты, мы побывали на огромном поле человеческих костей, лежащих до сих пор на поверхности. Так 50 лет назад там "хоронили" узников, среди которых, вне всякого сомнения, были и верные служители Христовы. Никто не знает стези к их праху, но Господь воскресит их в Свой час и они, как и наш дорогой брат, воскреснут в преображенном сияющем теле».

Л. Д. Овчинников (пресвитер, г. Нижние Пены).

«"Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется, пребывает вовек" (Пс. 124, 1). Когда дело касалось повиновения Господу, Николай Ерофеевич был очень подвижен. Он спешил и не медлил исполнять волю Божью чего бы это ему ни стоило. С великой верностью он совершал дело домостроительства Церкви Божьей, спешил на благовестие. Но когда недруги пытались сдвинуть этого праведника с позиций святости, Бог помогал ему стоять неподвижно.

В духе мы всегда были соединены с этим верным служителем Божьим и со всем нашим дорогим братством, идущим узким путем. Дал бы Господь и нам, молодым служителям, прожить жизнь так, чтобы, уповая и надеясь на Господа, мы ни на йоту не подвиглись, не сошли с пути святости, как и наш почивший брат».

А. Н. Батурин (пресвитер, г. Астрахань).

«Сегодня у нас большая скорбь, судя хотя бы по большому числу скорбящих, прибывших в дом плача.

Неимоверные страдания претерпел этот скромный Божий служитель! Неисчислимые потоки слез пролил, плача с плачущими! Неизмеримо глубокие борозды оставили в его жизни длительные сроки заключения с нескончаемыми штрафными изоляторами, угрозами сгноить, сломать! Но через все невзгоды ровной четкой яркой линией проходит очевидная для всех — его верность Богу. Ему предлагали поступиться духовной свободой церкви, он, теряя здоровье в тюрьмах, ни на час не уступил. Как заботливый пастырь он изнемогал, молясь над больными, которые приходили ночью и днем. Себе он отказывал в отдыхе, пище (часто постился), но никому из

страждущих не отказал в помощи, в участии. Николай Ерофеевич не знал, что такое беречь себя...

Нам бы, оставшимся еще жить, оказаться верными до смерти...»

Н. В. Сенченко (Молдавия).

«"Уходят в небо души дорогие...", но не будем унывать, как прочие, не имеющие надежды. Жребий дорогому служителю уготован славный.

На долю Николая Ерофеевича выпало много страданий. Ему, как некогда Урии, приходилось стоять там, где шло самое жаркое духовное сражение и где часто его оставляли одного. Он сознательно принимал весь удар на себя, так как ясно сознавал: если сломят его, будут уничтожать других служителей Божьих.

В заточении Николай Ерофеевич получил вышнее образование, какое не даст ни один богословский институт. Эти глубокие духовные знания, мужество, с каким он отстаивал чистоту Церкви Христовой, он передал нашему поколению. Мы вдохновлены подвигом его нелицемерной веры и, обогатившись познанием Слова Господнего, желаем сохранить верность сами и сберечь независимость церкви до дня славного явления Господа нашего Иисуса Христа!»

Н. П. Золотухин (пресвитер, г. Железногорск).

Служитель Совета церквей А. Я. Куркин сердечно призывал неверующих родственников к покаянию. *«Лето благодатной милости Господней – на исходе, а грешники, кому никто не указал путь спасения, гибнут. Отдайтесь всецело Христу, как Николай Ерофеевич, и Бог использует вас для Своей славы».*

Утешением для скорбящих и для всех знающих Господа – стало покаяние внука Николая Ерофеевича.

Искренние соболезнования жене, детям и внукам отошедшего в вечность дорогого служителя передали Геннадий Константинович Крючков, Иван Яковлевич Антонов, Дмитрий Васильевич Миняков, Евгений Никифорович Пушков, а также скорбящие об утрате труженики Сибирского объединения МСЦ ЕХБ, миссии «Фриденсштимме», братья и сестры из Америки: семья Владимира Охотина и Александра Бровера.

Когда прощальное богослужение у дома Николая Ерофеевича было закончено, похоронная процессия двинулась на кладбище. Гроб с те-

лом покойного служители несли сначала на вытянутых вверх руках, а затем на плечах около 3 км. В пути несколько раз останавливались, чтобы засвидетельствовать о Боге неверующим, которые присоединялись к необычно большому шествию.

Когда служение практически подходило к концу, неожиданно пошел дождь. Чтобы без помех предать земле тело дорогого служителя, А. Власенко (ответственный служитель Одесского объединения МСЦ ЕХБ) совершил молитву: *«Господи! Мы веруем и исповедуем, что Ты — Царь и управляешь не только судьбами людей, но и силами природы. Тебе подвластно все. Ты можешь запретить дождю. Просим Тебя об этой милости. С высоты небес услышь нашу молитву и помоги нам».* И дождь, к славе Божьей, перестал!

В заключительном слове А. Власенко сказал: *«Мы благодарны Господу, что в нашем объединении трудился, ни на что не взирая и не дорожа своей жизнью, Николай Ерофеевич Бойко. Его уважали. На всех общениях, братских или молодежных, его всегда слушали с желанием. У него было что сказать нашему поколению.*

В деле служения он, несмотря на преклонный возраст, был более подвижен, нежели некоторые молодые братья. Он желал проехать с благовестием в Воркуту, в Магадан и в другие отдаленные места. Судя по его здоровью, ему нельзя было перегружать больное сердце, но девизом его жизни было — умереть на служении. И он служил, даже в последний год, когда был болен.

Много добрых, возвышенных и весьма правдивых слов было сказано о дорогом брате, но нужно отметить, что спутница его жизни, а наша сестра в Господе — Валентина (теперь уже вдова), ни в чем не препятствовала мужу. Более того, она содействовала ему и была большой опорой. В трудные годы гонений она сама вела хозяйство и практически одна воспитала восьмерых детей.

Когда Николай Ерофеевич бывал дома, у него всегда останавливались гости. В какое бы время я ни посетил его, он всегда с кем-то беседовал, молился, а в другой комнате ожидали очереди новые посетители, желая открыть душу или получить нужный совет.

Благодарение Богу за этот горящий светильник, воздвигнутый Богом в нашем братстве! Своей жизнью, мужественным подвизанием за веру евангельскую, ежедневным подвигом он ярко освещал узкий путь, по которому шел сам, страдая, и влек других. Он восхищен Богом от зла, а церковь и братство должны еще какое-то, возможно уже малое, время продолжать служение. Нужда в тружениках, которые бы не дорожили своей жизнью, остается невосполненной. Господи! Вышли верных делателей».

Слово низидания, утешения и благодарения Богу во время многолюдного богослужения говорили:

Я. Е. Иващенко (пресвитер, Киев); В. Т. Березовский (служитель МСЦ ЕХБ); А. П. Пилипенко (пресвитер, Минск); П. С. Чабан (пресвитер, г. Ковель); В. М. Дмитриев (пресвитер, Луганск); О. В. Перебиковский (пресвитер, Кишинев); В. Я. Скорняков (пресвитер, Калуга); В. Н. Филаретов (пресвитер, Херсон); М. Е. Лестьев (пресвитер церкви Скуратово, Тула); В. И. Орлов (пресвитер, Тула); двое братьев из Германии.

Траурное служение сопровождал благоговейный минор мужского хора Кишиневской церкви и сводного духового оркестра.

На кладбище прозвучало также благодарно-искреннее свидетельство брата, обращенного к Богу через Николая Ерофеевича во время пребывания их в заключении в Советской Гавани.

«Отмечая насыщенную страданиями за дело Божье жизнь дорогого брата, кто-то может подумать, что только в те суровые годы прошлого столетия, выпавшие на долю Николая Ерофеевича, нужны были: твердость духа, бескомпромиссность, верность до смерти, а сейчас, во время свободы, можно расслабиться. Нет. Сегодня, в дни коварных обольщений, от домостроителей, да и от каждого христианина, еще больше требуется верность Господу в деле служения, чтобы сохранить церковь святой и непорочной до встречи с нашим Господом».

Н. П. Полищук (пресвитер, г. Новоград-Волынск).

Герои веры

Ушли достойно в вечный дом
Герои веры.
Дописан жизни трудный том,
Чтоб стать примером.

Безбожие своим «нельзя»
Их смять пыталось,
Но пред неверием друзья
Не распластались.

И устояли, и прошли,
И не согнулись,
И пламя адское души
Их не коснулось.

Хоть атеизм на их хребте
Тащил орало,
Они стояли во Христе,
Как будто скалы.

Цена за верность велика,
Но важно кредо:
Отправиться с материка
К Отцу с победой.

«Трудности на пути следования за Господом – это наше родное, христианское. Благодарю Бога, что Он с первых дней уверования ясно указал мне путь, по которому прошёл Иисус Христос, и что этот путь стал моим.

Благодарю Бога, что я полюбил не только Христа, но и страдания за Него. Полюбить страдания кажется противоестественным делом, тем не менее, это так. Для меня страдания не являются странным приключением или печальной неизбежностью. Страдания – это знак Божьего благоволения ко мне. Это великий и неоценимый дар Божий. От всей души хочу сохранить этот дар до конца земной жизни и остаться верным Богу при всех обстоятельствах!

Я знаю, что любой металл подвергают переплавке – только тогда он представляет собой какую-то ценность. И нас Господь проводит через горнила скорби, чтобы мы стали более смиренными и послушными».

